Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник тринадцатый.

Высший военный редакционный совет.

Редакционно-Издательский отдел при Р. В. С. западного фронта.

1921.

Росс

Р

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник тринадцатый.

Высший военный редакционный совет.

Редакционно-Издательский отдел при Р. В. С. западного фронта.

1921.

Содержание:

Библиография.

Ф. Огородников.

Методика подготовки Красной Армии.

Вступление.

Не останавливаясь на методике военной подготовки в прошлом, нельзя не подчеркнуть, что в этом смысле от старой армии, хотя и осталось не малое наследие, как на практике, так и в теории, но разрозненное, не приведенное в систему.

Работы Драгомирова, Бутовского и других, хотя и оставили яркий след в военной науке и литературе, но именно не дали цельной теории, которая связала бы практику с военно-научными положениями. Но если бы такая теория и существовала, то ее нельзя было бы приложить к подготовке Красной Армии в современных условиях.

Между тем, теория нужна, конечно, не для того, чтобы проводить какие-либо метафизические соображения, но для того, чтобы об'единить взгляды и дать общее направление для мысли и работы, которые иначе будут напрасно затрачиваться, а в некоторых случаях приводить к отрицательным результатам.

Выработать определенные взгляды тем более необходимо, что, несмотря на распад и исчезновение даже следов старой армии, некоторые ее начала продолжают жить. Старое сталкивается с новым, рутина—с новыми взглядами.

При этом, если присмотреться к тому, как идет подготовка Красной Армии, то нельзя не заметить, что именно рутина старой армии берет иногда верх над новыми, неустановившимися взглядами.

Изложить методику подготовки Красной Армии—задача, конечно, слишком смелая, пока взгляды не успели установиться. Но можно попытаться дать хотя бы канву для дальнейшей работы,—дать проэкт, хотя бы общих основ этой методики, чтобы взгляды могли на нем столкнуться и об'единиться, хотя бы и на другом, лучше разработанном, но цельном проэкте.

I. Значение подготовки и ее общие задачи.

Общее значение подготовки и значение подготовки Красной Армии.

Доказывать значение подготовки армии, казалось бы, не нужно, но на этом вопросе надо все же остановиться, в особенности, ввиду наступательного начала, которое начинает настойчиво проводиться для нашей новой военной доктрины.

Причины успеха на войне очень сложны. В основе лежат даже не технические военные силы, а общие политические и экономические условия. Надо принимать в расчет не только силу и подготовку армии, но общую подготовку страны к войне во всех отношениях.

Но в ряду различных данных—подготовка армии имеет также свое значение. Другое дело, как ей распорядиться, но подготовка армии определяет достижения в области военного искусства. Она определяет степень быстроты и решительности в стратегических и тактических действиях, расширяет успех победы, ослабляет последствия неудачи.

Немецкий военный философ Клаузевиц сказал:—„на войне все просто, но простое не легко". По его-же словам: „простота—это гениальность".

Самый простой, а потому самый лучший способ войны,—это не спрашивать, сколько противника, а спрашивать, где он,—как это и делали римляне в пору расцвета своего военного могущества.

Принцип германской стратегии Мольтке в 1870 году был, приблизительно, такой-же: искать и бить противника. Хотя в стратегии он проводился с известной осторожностью, но, по крайней мере, царил в тактике, на полях сражений.

Этим же началом были вдохновлены немцы перед минувшей войной 1914—1918 годов.

В русской военной истории мы также знаем яркие образцы такой „простой" стратегии и тактики в действиях Суворова. В его „Стратегии на все времена"—основными принципами были:

„Токмо наступательность".

„Сливайся на врага сильного и бей путем (попутно) врага обочного и заднего".

„Штыки, быстрота, внезапность"...

Все сводилось к тому, чтобы захватывать инициативу действий. При попытке противника к сосредоточению сил—разбивать его.

Тактика Суворова, его „глазомер, быстрота, натиск", были естественным продолжением его стратегии.

Он учил: „никогда сил не раздроблять для занятия пунктов; обошел неприятель—тем лучше: сам идет на поражение".

Суворов искал опасных положений для своей армии, потому что они были для нее выгодны.

Но здесь то и выступает значение подготовки.

На войне все просто, но простое не легко.

Чтобы „просто“ одерживать победы, надо иметь отлично подготовленную армию.

И немцы, принимая за основу своих действий принципы наступательной стратегии Мольтке, соединяли их в своих принципах для высшего командования с превосходным управлением войск и отличным командованием.

Если Красная Армия по своей доктрине должна считать себя авангардом Коминтерна, то и для нее неизбежны задачи такого же самоусовершенствования. Не будем упускать из вида опыта недавней гражданской войны, в которой успехи Красной Армии об'яснялись, конечно, не превосходством подготовки, но превосходством числа и духа. Вторая из этих данных имела даже двойное значение, придавая силы Красной Армии для ее активных действий и, в то же время, подготовляя успех распространением революционного духа в рядах противника. Этот революционный дух мог являться как-бы предтечей Красной Армии в ее наступательных действиях. Вот почему наступательное начало и включается настойчиво в новую доктрину, хотя авторы ее (т. т. Фрунзе, Какурин) этого не подчеркивают.

В некоторых, даже скажем во многих, случаях это действительно так было, но не всегда.

Можно ли ручаться, что это всегда будет так в будущих войнах, которые выпадут на долю Красной Армии?

Можно сказать, что Красная Армия не будет вести наступательной войны, не имея уже перед собой союзника в лице революционно-настроенных масс, на поддержку которых она могла бы двинуться. Можно предвидеть, что в известных случаях она может выбрать свои операционные пути через „жизненные“, т. е. революционные центры и будет избегать „мертвящих“ направлений противоположного свойства.

Но всегда ли это можно будет сделать?

Не обратится ли иной раз такая стратегия в движение в сторону наименьшего сопротивления, которое, затем, может оказаться движением по наклонной плоскости? Не придется ли и ей иной раз обратиться к „старой“ стратегии, чтобы сперва отыскать и разбить сильнейшего противника, т. е. его живую, организованную силу, а потом уже развивать успех в „жизненных центрах“.

Если такие допущения не исключаются, то к ним и надо готовиться, как к труднейшим, с которыми предстоит считаться, не слишком увлекаясь метафизическими предположениями.

А самое веское соображение в пользу наилучшей подготовки Красной Армии лежит в том, что в настоящее время вообще наступательных войн не предполагается, между тем, к активно-оборонительной надо быть готовым.

Противники Российской Советской Республики, вероятно, не смогут двинуть против нее миллионной, массовой армии, но они

приложат все старания, чтобы иметь в своих руках, хотя и небольшую, но отлично организованную и отлично подготовленную армию, против которой надо иметь такую же силу.

Цели, средства и обстановка подготовки. Значение допризывной подготовки, материальных средств и общественной поддержки.

Говоря о подготовке армии, нельзя рассматривать армию, так сказать, в изолированном состоянии, как солдатскую армию времен абсолютизма. Это замечание, в особенности, должно относиться к Красной Армии, которая во всех отношениях является продуктом трудящихся масс, со всеми их политическими, культурно-историческими, социальными и экономическими условиями.

Поэтому подготовку Красной Армии нельзя иначе рассматривать, как в связи с ее целями, средствами и обстановкой. О целях этих мы уже говорили.

Средства свои Красная Армия должна почерпать из сырого материала трудящихся масс и из скудных экономических средств Республики.

Обстановку составляют политические, культурно-исторические и экономические условия, которыми измеряется не только количество и качество материальных средств, но и общее отношение к вопросам подготовки армии со стороны политических, социальных и других кругов, т. е. отношение общественного мнения в самом широком смысле этого слова.

Такая постановка вопроса значительно расширяет, однако, вопрос о подготовке армии.

Подготовка армии, в тесном смысле, считается с ее целями и составом армии, имеет свои задачи и методы, которые и должны составить предмет методики ее подготовки.

Но армия не может быть не заинтересована качествами живой силы, которая поступает в ее состав, и материальными средствами, которые отпускаются для ее подготовки. Точно также для нее не безразлично отношение к подготовке общественного мнения. Сроки службы в армии, при современных условиях, не могут быть продолжительными.

Вопрос о милиционной системе со времени Х-го с'езда Р. К. П. вошел в определенные рамки. Подготовка к этой системе может касаться лишь „районов с наиболее сплоченным пролетарским населением“ (в Петрограде, в Москве, на Урале). В остальном деятельность всевобуча сводится к допризывной подготовке населения.

Но при коротких сроках службы (добавим в скобках—с многочисленными нарядами и в очень трудных, вообще, условиях), при данных качествах населения, как материала для пополнения Красной Армии, работа всевобуча настолько тесно соприкасается с работой по подготовке армии, что провести между ними резкую границу было бы невозможно.

Вопрос о материальных средствах для подготовки, казалось бы, находится в плоскости, недоступной для участия Красной Армии в его решениях.

Тем не менее, такое участие неустранимо и, до известной степени, возможно.

Прежде всего, военное ведомство в своем предельном бюджете может и должно иметь определенные кредиты, именно на нужды подготовки армии, которые, при всей нашей бедности, должны быть достаточны.

Но, кроме того, привлечение Красной Армии на трудовой фронт показывает, что тот же принцип может быть приложен и к другой области, т. е. к работам по улучшению материальных условий ее подготовки.

Обстановка, насколько она выражается в известном внимании, а также в прямой моральной и материальной поддержке подготовки армии со стороны, как более тесных правительственных и социальных кругов, так и со стороны широких масс населения, слагается под действием таких общих начал, которые лежат за пределами армии. Они являются для нее первопричинами, от которых зависит самое возникновение армии с определенной силой, организацией и проч.

Они поддерживаются известной политикой правительства и известным воспитанием народных масс, как это с особою яркостью можно отметить в Германии, Японии.

Но армия не может оставаться пассивной также и в этом отношении. Она должна известным образом реагировать на отношение к ней общественного мнения и широких масс, принимая в известной мере участие также и в той пропаганде военной подготовки, которая близко касается ее интересов.

Таким образом понятие о подготовке армии может быть расширено до понятия о военной подготовке страны, по крайней мере, в таких пределах, которые непосредственно касаются полевой армии. Соответственно методика подготовки армии должна касаться подготовки армии, ее источников и ее резервов.

Частные задачи подготовки по общей природе войны и по современным боевым условиям.

Методика подготовки армии в таком об'еме имеет, конечно, целью распространение методов или приемов этой подготовки, но для этого нужно разделить общую цель подготовки на ряд частных задач, от которых, до известной степени, будут зависить и методы.

Подготовка армии, в указанном, широком смысле слова, имеет перед собой по крайней мере, четыре различных области:

1) подготовка источников армии или, так называемая, допризывная подготовка,

2) подготовка армии,

3) подготовка ее резервов,

4) подготовка командного состава.

При всем различии этих областей, подготовка в них должна иметь перед собою одну общую цель, да и методы подготовки армии, за исключением подготовки командного состава, должны иметь некоторые общие начала.

Надо начать с подготовки армии уже потому, что задачи подготовки в этой области определяют задачи в других областях. Именно в этих пределах и разбирает вопрос настоящая статья, касаясь других сторон подготовки, когда на них будут указывать потребности подготовки армии.

Частными задачами подготовки могут считаться:

1) Военное воспитание, которое в свою очередь распадается на физическое и духовное: нравственное и умственное.

2) Военное обучение, к которому относится вся вообще военно-техническая подготовка.

Воспитание надо поставить на первом месте по особенностям военного дела и по особенностям подготовки к нему в мирное время. Особенности войны, не свойственные другим родам человеческой деятельности, это—враг, опасность и другие тягости походно-боевой жизни. Они совершенно выводят человека из рамок его обычной деятельности. Мало того, они требуют от него действий наперекор его природным инстинктам и душевному складу. Чтобы побеждать и не быть побежденным,—надо губить себе подобных и гибнуть самому. И то и другое в более или менее одинаковой степени противоречит природным способностям и наклонностям человека.

Опыт всех войн показывает, что это возможно, но надо развить побуждения и способности человека к этим сознательным и, часто—полусознательным действиям в совершенно исключительной обстановке.

Эта обстановка требует не только известных физических и духовных качеств, но и способностей доводить их от состояния необходимой боевой готовности до крайнего напряжения, которого нельзя измерить заранее.

Но развивать побуждения и способность—это и есть основная задача воспитания.

Значение воспитания сделается еще понятнее, если сосредоточить внимание еще на одной особенности военной подготовки, которая заключается в том, чтобы готовить к войне в мирное время, т. е. совершенно в иных условиях, в которых нет главных элементов боевой обстановки: врага и опасности. Как бы мы ни старались обставить военные упражнения мирного времени, как бы ни стремились приблизить их к боевым условиям, но в них всегда останется этот недостаток.

Отсюда также только один выход—развить в человеке известные побуждения и способности особыми мерами, которые возможно при-

менить даже в мирной обстановке, притом настолько прочно, чтобы они не расстраивались в этой обстановке и сохранялись до настоящих боевых испытаний. Эта задача может быть достигнута также только воспитанием. По этим соображениям надо не только поставить воспитание на первое место, но надо сказать, что никакое военно-техническое обучение не научит побеждать, если нет воспитания.

Но и военно-техническое обучение при современных условиях войны и боя имеет свое значение. Надо представить себе всю быстроту развития военной техники за последние пол-века и сравнить в этом отношении условия войны и боя на одном и том же театре войны, например, во Франции в 1870—71 г. и в 1914—18 г. г., чтобы видеть огромную разницу.

Ныне такая единица, как полк, за редкими исключениями ведет бой в составе всех главных родов оружия. Явились новые роды оружия. Пулеметы получили широкое распространение. Для главной массы бойцов винтовка не усложнилась, но усложнилось применение к местности, которое требует ныне гораздо больше сообразительности и ловкости. Требуется понимание не только своего оружия, но всех родов оружия, чтобы к ним примениться, как на своей стороне, так и на стороне противника. Надо знать и понимать условия применения разных родов оружия, их сильные и слабые стороны.

Но уже из этого видно, что задачи военного обучения стоят в тесной связи с задачами воспитания—физического и умственного. С ними неразрывно связано и нравственное воспитание, важность которого усиливают именно новейшие технические средства поражения: это поражение, начинаясь с более далеких расстояний, производит более сильное впечатление. В то же врёмя бои могут длиться гораздо дольше, чем прежде, ... если люди в состоянии их выдерживать.

Особенности подготовки по современным политическим и социальным условиям.

Кроме этих общих замечаний относительно задач подготовки армии, выведенных из основной природы войны и из современных условий боевой обстановки, надо сделать еще одно, которое имеет связь с современными политическими и социальными условиями.

В старой армии задачи подготовки, как известно, распределялись между одиночным обучением и подготовкой частей.

На ряду с этим велась и хорошо разработанная общая подготовка или общее военно-политическое воспитание по известной триединой формуле.

Такое же разделение задач должно остаться и при современных условиях в Красной Армии, но военно-политическое воспитание приобретает еще более важное значение.

На первый взгляд может казаться, что это необходимо, главным образом, для революционной пропаганды, т. е. для политических целей.

Но такой взгляд был бы ошибочным. Воспитание имеет и выдающееся военное значение.

Прежние военно-политические устои, именно в своей разработке, обнаруживали слабые стороны. По политическим и социальным условиям они были ограничены точными и, сравнительно, узкими рамками. Много было условного; многих наиболее жизненных вопросов нельзя было касаться. Даже национальное чувство, которое должно было служить одним из наиболее сильных побуждений, не могло иметь силы и глубины по той причине, что понятие об „отечестве" имело весьма различный вес и значение для тех, от которых оно исходило и для тех, кому оно внушалось.

По этому поводу любопытно прочесть следующий отзыв японского военного писателя Сакурай в его известной книге „Живые ядра" (переведенной на русский язык), касающийся политического настроения нашей армии в японскую войну:

„Русские гордятся обширностью своей империи и многочисленностью войск, но народ их подавлен и принижен бюрократией. Поэтому они не только не стремились попасть на войну, начатую бюрократией, но даже шли так неохотно, что, казалось, их чуть не штыками гнали в Манчжурию.

Да, русские солдаты сильны и храбры, но им не достает силы духа, — главного условия успеха на войне. У нас же, напротив, при самой строгой воинской дисциплине, в каждом солдате жил непобедимый дух — Яматодамани"*).

Высокие побуждения, чтобы проявить свою силу, должны иметь распространение в широких массах. В своих возвышенных стремлениях они не должны встречать никаких искусственных перегородок, иметь широкую возможность развиваться до еще более возвышенных чувств и, в то же время, быть понятными для широких масс, стоять в связи с развитием жизненных интересов.

Надо, конечно, связать высокие побуждения с побуждениями к войне и победе, но при современных условиях, требующих участия в войне народных масс, самая связь эта может быть достигнута, именно, широким распространением известной единой политической идеи, на защиту и распространение которой широкие массы были бы готовы до самоотвержения.

Если эти условия соблюдены, то тогда можно расчитывать на то, что составляет „массовый героизм". Если нет, то на него нельзя расчитывать. Между тем, в современных условиях решает, именно, массовый героизм и та сторона, которая может его вызвать, должна иметь неоспоримые преимущества.

---

*) Ямато — название провинции, прежде покоренной воинственными предками японцев за 7 веков до Р. Х. Позднее название Ямато распространено на всю Японию. Яматодамани значит—дух предков Ямато.

Герои, конечно, нужны. Чем больше в армии героев, тем лучше; но всех сделать героями может только массовый героизм. Отдельные геройские подвиги могут быть важны сравнительно в немногочисленных случаях. Но они нужны, именно, для того, чтобы зажечь массовый героизм.

По этому поводу надо припомнить психологию толпы.

Каждая армия, как уже приходилось говорить в другом месте на страницах этого журнала, в основе своей представляет толпу, но преобразованную военной организацией и военной дисциплиной. Но чувства толпы продолжают в ней жить. Вместе с ними живут и известные свойства толпы: ее солидарность (единство) и ее импульсивность (возбудимость) или отзывчивость на яркие, простые и доступные образы. Эта импульсивность может увлекать как в одну, так и в другую сторону. Доводить до энтузиазма и до паники. Чем слабее в армии действуют военные начала организации и дисциплины, тем заметнее выступают природные свойства толпы.

Но даже и в хорошо организованной и дисциплинированной армии некоторые из свойств толпы, такие, как солидарность, чувство силы, энтузиазм и даже пониженная сознательность, полезны и необходимы с военной точки зрения. Надо только уметь ими воспользоваться. Чем толпа однороднее, чем ярче в ней светит общая идея и вызванное ею общее чувство, тем легче вызвать под'ем духа в направлении этой идеи и этого чувства, тот массовый героизм, о котором только что говорилось.

Нельзя не признать, что, при известных недостатках в военной организации и дисциплине, Красная Армия была обязана своим успехом в течение двухлетней войны, именно, массовому революционному под'ему духа, который должен оставаться основным мотивом ее духовной деятельности и подготовки.

Поэтому, область военного воспитания красноармейских масс, тесно связанная с политическими, революционными началами, имеет для нее особое значение.

Чтобы не вдаваться в излишне теоретические рассуждения в дальнейшем изложении частных задач подготовки, начнем с общей характеристики Красной Армии, чтобы найти некоторые отправные точки в ее свойствах для более практических выводов.

II. Характеристика Красной Армии.

На эту характеристику надо смотреть только как на опыт подобной работы. К тому же, данные для нее заимствованы преимущественно из опыта войны с Польшей на западном фронте.

Но все же, таким путем легче подойти к решению интересующих нас вопросов, чем, излагая лишь общие основы подготовки армии

теоретическим путем, исходя из очень растяжимого понятия о современных требованиях военного дела.

К тому же опыт войны с Польшей, которая закончила двухлетний период боевой деятельности Красной Армии, имеет для нас некоторую особенную ценность. Главнейшим материалом будет служить та анкета на курсах командного состава, содержание которой было достаточно подробно изложено в № 8 „Революция и Война“, в статье „Красноармеец в отзывах комсостава“.

Движущая сила Красной Армии.

Основываясь на этой анкете, движущей силой для красноармейской массы являлась общая политическая идея, которую можно выразить в таких сходных по общему смыслу формулах, как: „защита революции и советской власти“, „освобождение трудящихся от ига капитала“, „освобождение навсегда от гнета и насилия“, „ненависть к прежнему режиму“, „борьба за светлое будущее трудового народа“ и т. п.

С этой идеей было связано чувство „ненависти к буржуазии, помещикам, капиталистам и, вообще, к тем, под чьим угнетением находились“, „у кого были наймитами“, „которые навязали войну“.

Национальное чувство не наблюдалось или в редких случаях „к полякам, которые не хотели мира“.

Религиозное чувство проявлялось еще менее.

Но нельзя не отметить, что политическая идея и связанное с ней чувство разделялось с некоторыми другими.

К революционной идее присоединялось стремление „скорее взять Варшаву, чтобы кончить войну“.

Идея взять Варшаву для распространения социальной революции, насколько можно судить, не пользовалась широким распространением.

Это об‘ясняется, конечно, как общим утомлением рабоче-крестьянских масс, которое осталось еще от мировой империалистической войны, так и не вполне однородным, в политическом и социальном отношении, составом Красной Армии, с преобладанием крестьянского элемента. Но, именно, это обстоятельство и следует иметь в виду при военно-политическом воспитании Красной Армии, как оно ныне уже и делается в области политической пропаганды.

Импульсивность Красной Армии.

Другим, весьма важным, свойством этой армии, как всякой молодой армии, с неокрепшей организацией и дисциплиной, надо считать ее большую импульсивность, возбудимость и отзывчивость к толчкам, доходящую с одной стороны до энтузиазма (увлечения, восторга), с другой стороны—до паники.

В минувшую войну с Польшей, в начале июльского наступления, мы видим проявление смелого и широкого порыва, стихийного захвата, не знавшего перед собой никаких препятствий. По отзывам командного состава были не редки случаи «когда бросались на вер-

ную смерть с уверенностью свершить что-то необыкновенное», «побуждало чувство быть первыми не ради наград».

Этот порыв, усилившись под действием ярких и быстрых успехов, как бы опьянил армию до такой степени, что она вырывалась из рук командования в своем стихийном стремлении вперед.

Еще под Брестом и даже на подступах к Варшаве, куда армия докатилась в этом стремлении, она проявляет в различных частях энтузиазм в атаках, во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед какими преградами.

Достойно замечания, однако, что даже и в этот период под'ем духа и энергия сказывались, именно, в наступлении в сторону Варшавы, как конечному пункту действий. Всякое иное применение этой энергии, например, для стойкого удержания противника, загородив ему дорогу на тех же путях, уже не вызывало такого под'ема духа.

За неудачами под Варшавой быстро наступил перелом настроения. Наступила полоса другого увлечения. Проявилась потеря веры в себя и в успех дела. Явилось тревожное ожидание чего-то неожиданного, грозного, которое шло навстречу действительным неожиданностям всякого рода, связанным с потерею инициативы и отступлением под дерзким натиском противника. Чувство боязни, как говорят представители командного состава, стало особенно сильно проявляться. Явились более частые случаи наклонности к сдаче противнику, более частые случаи необходимости воздействовать угрозой наказаний или физическим принуждением.

Но к этой общей характеристике психических двигателей Красной Армии, по опыту войны с Польшей, надо добавить, что при всем значении их, как особенных или природных свойств армии, действительная сила проявления их зависила от некоторых внешних условий, из которых на первом месте надо упомянуть численное превосходство, организацию, технические средства и управление.

Как раз к началу июльской операции, т. е. ко времени прорыва июльского фронта, все эти условия были более или менее соблюдены. Было значительное численное превосходство, была известная организация армии, которая приближалась к штатному составу, известная соразмерность между родами войск, даже некоторый перевес в технических средствах; кроме превосходства в артиллерии, были аэропланы и танки (в 15 армии), которые сыграли свою роль. Недостатки в организации снабжения не успели сказаться. Своеобразная, стихийная сила обывательского транспорта, которая, смешавшись с армией, впоследствии так вредно отразилась на ее боеспособности, не успела к началу действий возыметь такого значения.

Наконец, высшее командование проявило искусство управления, а недостатки организации высших штабов не успели сказаться. В то же время, в составе армии был достаточно многочисленный и достаточно опытный командный состав и достаточно сильные кадры опыт-

ных бойцов, которые в управлении массами имеют почти такое же значение, как и командный состав.

К этому надо добавить, что противник, хотя и не разбитый окончательно, но потрясенный ударом, проявил, по крайней мере, некоторые определенные признаки упадка духа и расстройства в своем поспешном отступлении.

С началом неудач, все эти внешние условия резко изменились в противоположную сторону. Насколько в начальный период операций они способствовали проявлению сильных духовных сторон армии, настолько, после перелома, они содействовали проявлению ее слабых сторон.

А потому, при подготовке армии, направляя главное внимание на развитие ее наиболее сильных духовных начал, нельзя упускать из вида и всех упомянутых внешних условий подготовки, для которой должны быть обеспечены численное превосходство, организация, технические средства и управление, не опускаясь ниже известных пределов.

Пример начальника. Продолжая очерк свойств Красной Армии, надо особенно подчеркнуть в них значение *примера начальника*. Во всех курсах тактики говорится, что это—один из способов управления, но для Красной Армии можно безошибочно видеть в нем главный или преобладающий способ не только управления, но и постоянного воспитательного воздействия. В управлении же нужны от начальника не только личный пример в случаях необходимости, но и постоянное, веское, зажигательное слово, постоянное обаяние, как выразителя чувств и потребностей массы, всех ее упований.

Устранив классовые перегородки в рядах армии, новые условия политической и социальной жизни раскрыли для начальника широкий доступ в массу красноармейцев и дали ему возможность найти все пути для внутренней связи с ней, как бы трудно в начале это ни казалось, при малой восприимчивости этой массы к основам дисциплины. Но те же условия затребовали от каждого представителя командного состава такого соединения свойств начальника, героя, вожака толпы и товарища, какого не требовалось, да и не могло требоваться, в прежнее время.

Товарищество. Достойно особого внимания, что широкое и, так сказать, оффициальное распространение *товарищества* в рядах Красной Армии далеко не находило себе должного отражения в действительности. Судя по отзывам комсостава, внутреннюю спайку на началах товарищества проявляли некоторые части, составленные из более сознательных рабочих или из крестьян северных и центральных губерний, питерские рабочие и рабочие Дона и Урала, сибиряки (Тобольской губ.), татары, латыши...

Но, вообще, отмечалось недостаточное и даже слабое развитие товарищества. В отзывах серьезных представителей комсостава, в том

числе партийных работников, можно встретить такие заключения, что: „чувство товарищества отсутствовало у подавляющего большинства массы; случаи выручки в минуту опасности проявлялись редко; при неудаче и отходе нередко оставляли раненых“; „чувство товарищества или отсутствовало, или проявлялось в сторону наименьшего сопротивления“.

Наряду с этим, были особые „победные“ полки, в которых развивалось и особое, боевое товарищество, основанное на известном признании достоинства своей части, на боевых традициях. Может показаться, что в таком направлении чувства товарищества скрывалась опасность (в будущем) специального, солдатского достоинства, как отзвук минувших времен, но, казалось бы, значение такого чувства надо оценивать по тому, над чем и над кем была одержана победа, которой это чувство поддерживается. К сожалению, „победные“ части быстро таяли, передавая свои заветы уже более устойчивым организациям, т. е. дивизиям.

Из приведенных замечаний для подготовки Красной Армии надо сделать тот вывод, что чувство товарищества, которое, несомненно, может быть упрочено при современных социальных условиях, должно быть действительно упрочено. Но для этого надо развить сознание общности социальных интересов, которое, как видно, еще недостаточно развито.

Наряду с этим, надо позаботиться о сохранении „победных“ частей или, по крайней мере, их традиций. Отрицательный опыт войны с Польшей, в котором сказалась чрезмерная слабость частей, постоянная смена командного состава и полная неподготовленность пополнений, указывает, по крайней мере, на то, чего надо избегать в будущем.

Дисциплина. *Дисциплина* в Красной Армии, по общим отзывам представителей командного состава, была, вообще, слабо развита и находилась в зависимости от внешних условий: от начальника, от среды, от удачи и неудачи в боевых действиях. В период подготовки к июльской операции она была сильнее. Достаточно было взглянуть на проезжающие на фронт войска, на их поведение на остановках, видеть приподнятое, но сосредоточенное настроение, отсутствие того полного беспорядка, давки и распущенности, которые так привычно царили в нашем тылу во время последней империалистической войны. Потом многое изменилось, вместе с тем общим переломом состояния и настроения в армии, о котором выше говорилось.

Главный недостаток сказался в том, что дисциплина не имела постоянного и прочного основания. Она не была основана на чувстве долга, которое, в свою очередь, не находило для себя достаточно прочного основания в общих идейных и чувственных двигателях красноармейской массы.

Принимая во внимание те меры, которые иногда становились неизбежными, чтобы поддержать дисциплину (страх наказания и более суровой кары, физическое воздействие), выдвинулось значение и другой основы дисциплины и, притом, именно новой, революционной дисциплины, именно — чувства личного достоинства. Без достаточного развития этого чувства не могло развиться и чувство долга, а дисциплина, поневоле, должна была порой искать для себя опоры не в совести людей, а в страхе наказания. Но обратить такое исключение в правило — значило бы порвать со всеми традициями революции и вернуться к палке капрала Фридриха Великого.

Казалось бы, новые политические и социальные условия, более чем прежние, способствуют развитию чувства личного достоинства в массах населения, а потому остается только усилить работу, именно в этом направлении.

Не будем останавливаться на проявлениях всех военных качеств, отдельно взятых, таких—как мужество, храбрость, упорство и т. п.

Боевые качества. Они могли проявляться и действительно проявлялись в очень различной степени, в самых разнообразных сочетаниях, с различными побуждениями.

Для характеристики Красной Армии в целом важно лишь отметить, что высота и множественность их проявления несомненно зависила от *общего под'ема или упадка духа в армии*, иными словами,—от возбуждения или ослабления „массового героизма“.

В разряде частных побуждений к проявлению героизма очень невысокое место занимает *честолюбие*. Не старались выделиться и, как говорится в анкете командного состава, „не заискивали“, что вполне отвечает господству, именно, массового героизма и свидетельствует о наиболее выгодных для него *свойствах красноармейской массы*. Но в армии все же жила потребность, чтобы подвиги были отмечены, между тем „многие представления оставались неудовлетворенными“.

Нельзя также не отметить, что „хотели наград, но не повышений, которых страшились“, что во всех отношениях невыгодно и неестественно для революционной армии, и может быть об'яснено остатками старых предрассудков и слишком смутным пониманием назначения Красной Армии.

Из отдельных качеств особенно выделялась чрезвычайная выносливость, как сильная сторона рабоче-крестьянской армии, но надо сказать, что именно это свойство армии в войну с Польшей подверглось слишком большому испытанию. Во многом упускался из вида хороший параграф Полевого Устава (1 ст. 21), который „решительно воспрещает требовать от войск то, что явно недостижимо по расчетам времени и места“. В числе некоторых других обстоятельств это свидетельствует о недостаточной подготовке и недостаточной солидар-

ности командного состава, о некоторой оторванности его от красноармейских масс, что, несомненно, имеет связь с задачами подготовки.

Но если выносливость была на большой высоте, то нельзя того же сказать о *стойкости*. Она была недостаточна при обороне, а, в особенности, при неудаче. В этих случаях, кроме некоторых особых свойств армии, большое значение могло иметь переутомление, вызванное чрезмерным испытанием выносливости и слишком слабая техническая военная подготовка.

Но даже и в удачных боях „успеху отдавалась вся энергия, потом—наступала реакция, в особенности, при упорстве противника“, что надо отнести к общему недостатку выдержки, к стихийности порывов и недостатку дисциплины.

Тактическая подготовка. В тесной связи со стойкостью, как уже замечено, стоит вопрос об общей *технической или тактической подготовке*, к которому и обратимся.

Тактические действия, вообще говоря, во все времена являются лишь продолжением стратегических—на поле боя или в боевой „тактической“ обстановке, а потому на них, прежде всего, кладет известный отпечаток стратегия данной эпохи.

Стратегия в эпоху гражданских войн характеризовалась для Красной Армии шириною фронтов, их разорванностью, небольшой стратегической и тактической плотностью по сравнению с предшествующей эпохой мировой империалистической войны, маневренным характером военных действий, быстротою их развития и, наконец, расстройством или недостатком технических военных средств, при всем их разнообразии, унаследованном от эпохи милитаризма.

Такие особенности стратегической обстановки пред‘являли к Красной Армии высокие требования по части тактической подготовки.

Между тем, мы знаем, что подготовка эта во многих отношениях была слабой. Стрельба велась с больших дистанций, наугад, с большой затратой патронов, но и на близких дистанциях не отличалась действительностью. Дело доходило до того, что прибывающие пополнения не умели ни приложиться, ни даже зарядить винтовки. Вообще винтовка в значительной мере потеряла значение, как сильное и меткое огнестрельное оружие, что отражалось не только на количестве потерь в рядах противника, но и на моральной стороне дела.

Приходится иногда слышать, что красноармейцы не умели обороняться, что, конечно, кроме других причин, надо отнести к недостатку стрелковой подготовки.

Но этот недостаток имел гораздо более глубокие последствия, отражаясь на общем недостатке стойкости и упорства. „Стрелки“ не знали и не понимали силы своего оружия, а потому лишались одного из оснований успеха—веры в свои силы.

Упорство нужно не для одной обороны: атака на сколько-нибудь широком фронте, при упорстве противника, тоже соединяется с обороной.

Вот одна из причин, почему запальчивые атаки, при недостатке стрелковой подготовки, часто выдыхались.

Но были и другие, такие же крупные, пробелы в тактической подготовке: незнание рассыпного строя, неумение применяться к местности, недостаток навыков к разведке, охранению и связи. Как бы не расчитывая на тактическую подготовку, стратегия стремилась создавать наиболее выгодные условия, по крайней мере, превосходством числа бойцов и боевых средств на ударных участках, решая подчас даже тактические задачи стратегическими приемами.

Но при очерченных выше условиях стратегия могла действовать лишь длинными, но не глубокими, прерывчатыми линиями небольших колонн, сосредоточивая их на одних участках за счет других.

Поэтому она могла лишь ослабить последствия слабой тактической подготовки, но уровень ее требований все же оставался высоким, в особенности в отношении маневра, разведки, охранения и связи. Но и в других отношениях подготовка не могла опускаться ниже известных требований. К тому же стратегия не всегда достигала удачи в своих комбинациях и тогда выступала на первый план вся необходимость более высокой тактической подготовки.

III. Задачи и методы военного воспитания.

Задачи воспитания воли.

Изложенные выше соображения, равно как и общая характеристика Красной Армии, дают основание заключить, что в основе ее подготовки должны лежать задачи военно-нравственного воспитания.

Важнейшая цель этого воспитания—это, прежде всего, создание или поддержание в красноармейских массах *общей* (коллективной) *воли к победе*, новых революционных начал того массового героизма, который при современных политических и социально-экономических условиях решает дело.

Если эта цель до известной степени достигалась во время войны, то нужны особые меры для ее достижения в мирное время.

Наряду с волей к победе должно быть развито в массах *чувство силы*, основанное на сознании многочисленности массы и общности ее жизненных интересов, а также *чувство товарищества*, как простейшее проявление социальных начал и, вообще, наиболее естественное чувство в суровой военной обстановке.

С этими началами для создания армии должны быть связаны стремления к *организации, к общему порядку* и *готовность подчинения единой воле*, как первоначальная основа военной дисциплины. Таковы главнейшие задачи общего, массового военного воспитания, которое

должно быть основано на соответствующем политическом воспитании тех же красноармейских масс.

За ним следует одиночное или индивидуальное воспитание, которое имеет своими главными задачами развитие *чувства долга* и *военных качеств*, необходимых для борьбы с двумя внутренними врагами каждого бойца: с *чувством страха* и с *чувством утомления*.

Один из военных психологов (Модюи) метко заметил, что „пехота в бою борется, прежде всего, сама с собой“, т. е. с теми чувствами, которые каждому бойцу внушает инстинкт самосохранения. Чтобы побороть их, надо развивать противоположные чувства—*мужества, смелости, храбрости, решимости, упорства и выносливости*.

Для развития же чувства долга надо развивать чувство *личного достоинства* и *взаимного уважения*, а также привычку к *исполнению обязанностей:* чувство *нравственного удовлетворения* при их исполнении, чувство *совести*—при неисполнении.

Наконец, тем же путем индивидуального воспитания надо возбуждать *жажду деятельности* в противовес наклонностям к бездеятельности и *лени*.

Задачи умственного развития.

Умственное развитие неразрывно связано со всеми этими задачами нравственного воспитания, которые, в сущности, имеют одну общую цель—воспитания *воли*.

По основным понятиям психологии—воля вообще неотделима от сознания, а, стало быть, и от умственной деятельности. Если мы разделяем в нашем представлении душевные свойства человека на три различные области—ума, чувства и воли, то только для того, чтобы дать себе более ясный отчет о развитии душевной деятельности, которая совершается под действием всех трех начал одновременно.

Ни одна из задач воспитания не может обойтись без того или другого участия сознания. Начиная с важнейших задач, это сознание необходимо, прежде всего, чтобы провести чрез него волю к войне и стремление к победе новых начал.

Казалось бы, трудно привести доводы в пользу войны, как дела, которому должны служить миллионы людей, отрываясь так или иначе от мирных занятий. Но, согласившись с тем, что война есть несомненное бедствие и зло человечества, стоит только продолжить эту простую мысль несколько дальше, как здравый смысл подскажет нам необходимость беспощадной борьбы с войной, чтобы ее не было, т. е. быстрой развязки с теми, которые ее навязывают.

Следуя далее по тому же направлению, можно прямым путем дойти до более возвышенной идеи—об'единения всех трудящихся всего мира, чтобы вопросы мира и войны не могли вовсе разрешаться без их участия никакими правителями и правительствами.

Не нужно особого воображения, чтобы представить себе многие миллионы трудящихся всего мира и все неизмеримое значение труда

на земле. Но если это сделать, то „чувство силы“ трудящихся масс будет также проведено через сознание.

В такой же мере, простой здравый смысл поможет построить логический мост от „оффициального“ товарищества к действительному, которого не может не быть в военной семье.

Наконец, одно только сознание может возбудить в массах стремление к организации, порядку и подчинению единой и сильной власти, что также не так трудно сделать, как это может казаться. Всякая масса людей, если на нее взглянуть, как на толпу, сама ищет организации и сильной власти, которая привела бы ее в состояние деятельной мощи из того состояния бессилия, в котором она находится. Нужно только показать действительный порядок и действительно сильную власть.

Такова деятельность сознания в воспитании масс, но она идет еще глубже в одиночном или индивидуальном воспитании.

Толпу нельзя убедить рассуждениями, но отдельного человека можно. Здесь, как и в других случаях, может оказаться недостаточным одних доводов холодного рассудка, но здравый смысл, соединенный с возбуждением горячего чувства, приноровленного к способностям и качествам отдельного человека, способен создать убеждению непреодолимую силу.

Чем, как не доводами рассудка, можно убедить человека, что его личное благо неразрывно связано с общественным и его свобода не может быть произволом, но лишь деятельностью, управляемой общим нравственным законом, создаваемым людьми одновременно, как для общественного, так и для личного блага? Но отсюда только один шаг до здравых понятий о военной дисциплине, которая, по определению таких знатоков ее, как немцы, есть тоже общее благо.

Чем, как не рассудком, можно связать для человека столь доступное для него понятие о чувстве личного достоинства с более трудным понятием о чувстве долга?

Но даже и в области таких чувств, как мужество, храбрость, упорство, где, казалось бы, холодному рассудку отводится очень скромное место,—этот разум имеет свои права и свое поле деятельности.

В основе мужественных порывов лежат тот же рассудок. Человек бывает мужествен и смел не только потому, что эти качества лежат в его природе. Напротив, у каждого в природе есть инстинкт самосохранения и естественное чувство страха перед опасностью.

Но, рассудок, исходя, в сущности, из того же инстинкта самосохранения, обращает „страх назад“ в „страх вперед“, навстречу опасности, раз она неизбежна.

Из этих немногих примеров, казалось бы, достаточно ясно, что умственное развитие неотделимо от общего и военного нравственного воспитания.

Так же необходимо оно и для задач современного военного обучения.

Здесь всего яснее потребность в известном уровне умственного развития сказывается в искусстве владения оружием и в применении к местности. Вполне понятно, что самый переход к рассыпному строю уже давно повысил необходимый уровень этого развития. Но со времени введения этого строя—потребность в умственном кругозоре еще более возросла для понимания *задачи и обстановки*, на которых ныне основывается все управление, а также для *предвидения опасности*, поле деятельности которой значительно расширялось.

Широкие, тонкие и разорванные стратегические фронты, в которых Красной Армии приходится развивать свою тактику, пред'являют в этом отношении очень высокие требования в понимании широких задач в быстро изменяющейся обстановке.

Люди часто могут быть предоставлены собственным соображениям при перерывах связи. В сфере опасности рассудок нужен, прежде всего, чтобы отличить действительную опасность от мнимой. Полное пренебрежение к опасности не всегда похвально. Но только развитое сознание может указать границы между тем, что опасно и неопасно. Неразвитому человеку, вообще, свойственно видеть непреодолимые стихийные силы там, где их нет, а также преклоняться перед ними без попытки бороться. Напротив, сметливый ум сумеет построить выгодные расчеты даже на самой опасности предприятия. В военном деле все выгодные предприятия непременно опасны, но дерзость сама внушает страх и растерянность, если же она несет с собой внутреннюю опасность для противника, как это, именно, бывает в гражданской войне, то она получает двойную силу.

Автоматизм и сознание. Говоря об участии сознания в военной подготовке, нельзя не остановиться на так называемых автоматических или рефлекторных действиях, границы которых различными авторитетами в этом вопросе устанавливаются далеко не одинаково.

Так, известный психолог Ле-Бон определенно высказывал, как общее положение, что „*всякое* воспитание состоит в искусстве превращать сознательное в бессознательное“. Такое превращение, по мнению того же автора, должно „распространяться не только на физические действия, например,—самокатчика, пианиста, наездника, но и на область действия ума и воли“.

„Качества характера,—писал Ле-Бон,—воля, выдержанность, инициатива и т. д. не являются продуктом отвлеченных рассуждений и никогда не приобретаются из книг. Они укореняются только тогда, будь они наследственные или приобретенные, когда обращаются в привычки, совершенно независимые от размышления“.

Эти слова Ле-Бона, в сущности, подчеркивают лишь значение упражнений для ума и воли, а также для выработки того, что назы-

вается характером, т. е. известного сочетания ума и воли, которое дает общее направление поведению человека в различных случаях.

Но некоторые последователи Ле-Бона вывели отсюда заключение, что *все поведение* человека в различных случаях может быть внушено ему воспитанием в форме автоматических действий без участия сознания.

Несомненно, в военном деле, как и в других искусствах, встречается, целый ряд таких действий, которые могут и должны совершаться автоматически, чтобы освободить высшее сознание для более важной работы.

К таким действиям относятся: шаг и бег человека, верховая езда, езда на самокате, ружейные приемы, в том числе приемы заряжания, прицеливания и выстрела, вообще все, так называемые, ремесленные рефлексы.

Но в военном деле много таких случаев, когда приходится совершать ряд сложных и разнообразных действий, в зависимости от изменений в задачах и обстановке, и когда нельзя обойтись без участия высшего сознания (головного мозга).

Но как быть в таких случаях, когда, по условиям боевой обстановки, человеку приходится, как говорится, забыть все и следовать за другими, навстречу почти неизбежной гибели. Что нужно в таких случаях: автоматизм или сознательность?

Французский военный писатель, генерал Пональ, защищая необходимость продолжительных сроков службы, выразился так: „По истечении трех с половиной месяцев . . . . . молодые солдаты могут быть поставлены в строй. Они знают все требуемое от рядового, но их воинские рефлексы еще не развиты в достаточной мере и потребуется еще несколько месяцев обучения в общем строю и одиночного, чтобы добиться главного, а именно, автоматизма всех их действий.

Возражая на это, Жан Жорес в своей книге „к Новой Армии“ пишет:

„Когда приходится наступать под пулями и артиллерийским огнем . . . , для чего тогда автоматизм, приобретенный на учениях мирного времени? Может быть, в эти минуты, люди, окончательно выбитые из привычной колеи, действительно превращаются в нечто похожее на автоматов. Может быть, не будь у них притуплено сознание, они не пошли бы на верную смерть, и, может быть, в эти минуты человек перерождается, превращаясь в другое существо, бледное от ужаса и от (собственной) храбрости . . . . . Но для сотворения такого чуда—во всяком случае недостаточно одних ремесленных рефлексов. Если что-либо, продолжает Жорес, и оказывает воздействие на все уменьшающуюся в своем составе колонну, в эти минуты ее как-бы помешательства, то это . . . . . исключительно доблестный пример храбрости, даваемый офицерами, которые, действуя

вполне сознательно, увлекают за собой полусознательные массы, если только диковинный автомат не найдет в себе самом запас силы воли и храбрости, благодаря которому он окажется в состоянии решиться умереть за идею“.

Вполне основательно возражая на положение, выставленное Попалем о значении автоматизма, Жорес не дает и сам вполне определенного ответа. Между тем, ответ достаточно ясно вытекает из мастерски нарисованной им картины: допустим, что в минуты крайнего напряжения и опасности полусознательную массу людей увлекает пример начальников и героев, но нужно еще, чтобы масса поддавалась этому влечению, а для того, чтобы такое влечение не зависило лишь от случайных или отдельных проявлений героизма, нужен массовый героизм, который и надо развивать. А массовый героизм можно развить только через высшее сознание.

Конечно, это было бы поздно делать на поле боя, в минуту крайней опасности. Здесь можно только коротким зажигательным словом воспламенить в людях тот внутренний жар, который дает им политическая идея и общее направление воспитания. Основу должна составлять именно политическая идея, для пробуждения которой должно быть достаточно даже полусознательного состояния. Другими словами, задача воспитания должна быть в том, чтобы, как говорит и Ле-Бон, люди привычно следовали за этой идеей, чтобы она служила для них привычным побуждением.

Иногда, под действием крайней опасности или, например, болезненного состояния, необходимые действия для выполнения этого побуждения могут совершаться как бы в тумане; но лучше, чтобы силы и запасы сознания оказались достаточными также и для них, напр., для применения к местности, для меткого броска ручной гранаты и т. п.

Приблизительно так же работа сознания, вместе с ней и задачи воспитания, могут быть очерчены и в области дисциплины.

Чтобы дисциплина была не только внешней, но и внутренней, а потому прочной и надежной,—необходимо, чтобы основное общее побуждение—вообще подчиняться известным требованиям дисциплины—было проведено через высшее сознание людей и, соединяясь с волей, обратилось в твердое убеждение, а, вместе с тем, и в привычное побуждение.

Вот почему дисциплина должна быть не тольно сознательной, но и убежденной. Только при таком условии, при каждом исполнении не придется пересматривать самого побуждения, задаваясь вопросом, нужно или не нужно исполнять.

Но привычным должно быть не только общее, основное побуждение, но и особое побуждение, необходимое для военной дисциплины

—исполнять ее требования быстро, точно и настойчиво до самоотвержения.

Только тогда подчинение дисциплине будет сопровождаться исполнительностью и деятельностью.

Задачи воспитания чувств. Сделанный выше общий очерк задач духовного (или душевного) воспитания был бы слишком неполным, если, кроме областей воли и ума, не коснуться области чувства.

Между тем, именно эта область имеет своеобразное значение на войне и особое значение для Красной Армии.

На войне и в бою нас интересуют, в конечном итоге, не чувства, а действия, т. е. волевые качества и их проявление. Мы говорим, что со всеми проявлениями воли неразрывно связано сознание. Но так же неразрывно с ними связано и чувство.

Чтобы человек проявил ту или другую наклонность к храбрости или к трусости, к упорству или к бессилию, нужно, чтобы в одном случае он испытал чувство страха, а в другом—чувство утомления. Уже это чувство передается сознанию, а сознание приводит в действие волевые способности.

Таким образом, во многих случаях именно чувство дает первый толчек к деятельности.

Но на войне и в бою постоянно встречается необходимость, чтобы человек как можно меньше чувствовал действительность, иногда слишком тяжелую, а не поддавался бы легко первым побуждениям чувства, в котором очень сильно могут участвовать вредные природные инстинкты или привычки, такие, как самосохранение или лень. Поэтому одна из задач воспитания лежит в том, чтобы научить человека бороться со своими чувствами.

Однако, человеку все же свойственно действовать под влиянием чувств.

И вот, у воспитания является вторая трудная задача: заменять чувства, которые человек выносит из действительности, другими чувствами, которые он должен как-бы вносить с собой во всякую действительность или должен возбуждать в себе во всякой действительности.

Таким образом, в военном деле, в обстановку опасности он должен внести с собой чувство уверенности в своих силах и в своей ловкости и чувство готовности самоотверженно умереть для победы над общим врагом и т. п.

В этих случаях человеку могут помочь—настроение и воображение.

Первое—всецело относится к области чувства и составляет как-бы затяжное чувство, которое живет в человеке некоторое, иногда долгое, время, после того, как оно у него впервые явилось.

Такое значение могут иметь чувства, возбуждаемые горячими речами перед отправлением на войну, или зажигательное слово перед боем.

В воображении участвует уже сознание или мысль, которая как бы заставляет человека забыть о действительности и рисует перед ним иную картину. У человека является чувство веры в эту картину, как в действительность, которая его, по крайней мере, ожидает. Так, человек перед лицом еще опасного врага может видеть в своем воображении этого врага уже поверженным, а потому может пренебречь опасностью.

Отсюда следует, что в задачи воспитания входит создавать для человека полезные и уничтожать вредные настроения и заменять некоторые действительные чувства воображаемыми.

Все мастера военного дела и, вместе с тем, знатоки человеческой, а в особенности, массовой психологии в совершенстве владели этим искусством.

Но область действия чувств далеко этим не ограничивается.

Что такое мысль? Обычно—это наши понятия о делах и вещах. Но мы можем мыслить, как отвлеченными понятиями, для которых нет предметов, доступных нашим органам чувств (зрения, слуха и т. д.), так и конкретными (предметными) понятиями, для которых есть такие предметы или видимые (вообще ощутимые) образы, или изображения.

В последнем случае мы мыслим, в сущности, столько же понятиями, сколько и чувствами.

На помощь нам приходит также и символистика, которая видимым предметом, или его изображением (на рисунке или на словах), передает или напоминает какое-нибудь отвлеченное, сложное понятие.

За примером ходить недалеко: красный флаг—символ революции.

Большинство людей, в особенности с недостаточно развитым сознанием, склонны мыслить, именно, чувствами.

Это, в особенности, важно для красноармейских масс, а потому в задачи воспитания должно входить внушение необходимых понятий конкретными предметами, их образами и символами.

Но не каждый человек, по развитию своих чувствительных способностей, способен к восприятию более высоких и отвлеченных понятий, даже и в наиболее доступных формах. Способность чувствовать может развиваться так же, как и способность мыслить, переходя от природных или унаследованных, животных инстинктов к эгоистическим чувствам человеческого себялюбия, и возвышаясь через социальные инстинкты до социальных чувств и до высокого альтруизма, до заботы о других и защиты общественных интересов с полным самоотвержением. Воспитание должно провести человека по этой лестнице чувств до наиболее возвышенных ступеней, т. е. развить его чувственные способности.

Такое значение чувств ставит воспитанию предварительную задачу—изучить чувства, прежде чем воспитывать, чтобы знать, на что можно опереться, какие взять исходные точки, а также, напротив,—с чем надо бороться и что искоренять.

В сущности, в этом и лежит главная задача воспитания.

Чтобы воспитать массу, надо уметь подойти к ней, т. е. узнать ее чувства, и даже выразить симпатию или сочувствие. Только после этого наступает *доверие*, которое *для массы—это все*. Доверие придает каждому слову силу закона.

Но то же, или почти то же, и с воспитанием отдельного человека или группы людей с тою разницею, что доверие не так легко дается и не имеет такого безусловного значения.

Для человека его чувства много понятнее и дороже каких угодно отвлеченных понятий и рассуждений, надо знать их, т. е. уметь к нему подойти.

Для простых людей нужно, прежде всего, простое обращение, не надо только думать, что простое—особенно легко.

После всего изложенного о задачах воспитания всех душевных способностей, т. е. воли, ума и чувства, можно, казалось-бы, перейти к методам воспитания. Но сперва надо изложить задачи также и физического воспитания, которое самым неразрывным образом связано с духовным.

Этот психологический закон, имеющий особенно важное значение в военном деле, где все связано с известными физическими действиями, нередко упускался из вида при старом режиме; не будем повторять этих ошибок в новое время.

Задачи физического воспитания. Наша духовная или душевная жизнь имеет физиологическую основу и от нее неотделима.

Если мы говорим о физическом воспитании после духовного, то лишь потому, что конечные задачи всего, вообще, воспитания надо искать в задачах духовного развития.

Но первые задачи и начало всего дела находятся в физическом воспитании.

Ближайшими задачами являются, казалось-бы, задачи практического военного обучения: шаг, бег, верховая езда, приемы, необходимые для владения оружием, преодоление препятствий и применение к местности.

Задачи эти просты и не превышают уровня средних способностей человека.

Поэтому, на первый взгляд может казаться, что никакого особого физического воспитания не требуется, и вся задача его сводится к тому, чтобы „втянуть“ людей в известного рода упражнения.

Но уже в этом втягивании начинаются задачи, именно, особого физического воспитания, т. е. известного развития телесных способностей. Натаскивать дольше, чем развивать. К тому же планомерное

развитие предохраняет от всяких ненужных или вредных крайностей и закладывает более прочный фундамент для дальнейшей работы, чем натаскивание.

Но развитие или воспитание уже не может иметь таких частных и узких целей, как те или другие упражнения, но должно ставить себе известные общие цели, исходя из физической природы человека.

Такая общая цель, прежде всего, это—борьба с теми началами, которые останавливают развитие всех, вообще, физических способностей человека, т. е. с *утомлением*.

Утомляемость человека нельзя преодолеть одним натаскиванием. Она зависит, как известно, от общих физиологических причин, а, именно, от отложения в нашем организме ядовитых токсинов, как результата неполной переработки продуктов распада мышечных тканей при сгорании (тлении) вещества мышцы во время производимой ею работы.

Одна из важнейших задач физического воспитания заключается, поэтому, в том, чтобы достигнуть более полной переработки отбросов в нашем организме, усилить обмен веществ, что, в свою очередь, зависит не только от развития мускулов, но всего аппарата кровообращения и дыхания, от деятельности сердца и легких, которая должна быть соответствующим образом направлена.

Чтобы физические действия, необходимые для военной деятельности, могли совершаться не только без разрушения организма, в котором неизбежно сгорание полезного вещества мышц при недостаточном притоке веществ, предназначенных для горения, но также и без слишком скорой утомляемости, необходимо, чтобы люди, зачисляемые на действительную военную службу, уже обладали известным уровнем физического развития. Для этой цели и устанавливается определенный призывной возраст. Однако, достижение призывного возраста еще не гарантирует достаточного физического развития, если это развитие идет в населении неверными путями, замедляется и расстраивается распространением болезней.

Как известно, мужское население России в призывном возрасте давно уже обнаружило тревожные признаки физической недоразвитости и болезненного расстройства. События последних лет не могли способствовать физическому оздоровлению населения, а потому, несомненно, к задачам военного воспитания приходится отнести также и некоторые общие задачи физического воспитания, насколько они не могут быть выполнены допризывной подготовкой.

Но все это только физические задачи, между тем еще более важные задачи физическое воспитание имеет в духовной (психической) области.

Теснейшая связь физической области с духовной обнаруживается уже в борьбе с утомляемостью, от успешного исхода которой зависит

не только физическая, но и духовная деятельность ума, чувства и воли.

Это в особенности важно в военном деле, где не так часто приходится решать особенно трудные умственные задачи, но всегда необходимы здравый смысл и бодрость духа.

Но человек в своей достаточно развитой физической природе находит опору для борьбы не только с одним из своих внутренних противников—с чувством страха. Как физическая выносливость находится в родстве с настойчивостью и упорством, так и физическая смелость, проявляемая в упражнениях, соединенных с опасностью, сродни смелости ума и духа. Но физическая основа со всех сторон облегчает духовную.

Это особенно заметно на задачах одиночного воспитания.

С общественной, а также и с военной точки зрения, всего важнее, да, пожалуй, и всего труднее, в наших условиях развить в людях чувство долга.

Но мы уже знаем, что чувство долга в человеке неразрывно связано с чувством личного достоинства. Но с чего же прежде всего начинается это чувство, как не с заботы о своем теле, о его силе и ловкости. Во всяком случае, трудно иным путем пробудить в человеке чувство достоинства, если оно неразвито или усиленно забито вековыми условиями жизни и если, сверх того, не развито и сознание.

Вообще, к нашим 5-ти органам чувств, физиология и современная психология уже давно добавили шестое—мускульное чувство, которое наглядно сказывается в поддержании равновесия, в измерении количества работы, по степени затраченного труда.

Это мускульное чувство обязывает воспитание проводить через него различные, необходимые понятия так же, как оно делает это при посредстве других чувств, например, зрения и слуха.

Но физическое воспитание, как основа духовного, имеет приложение, конечно, не в одной области одиночного воспитания. Еще шире и плодотворнее его область в подготовке масс. Здесь к физиологическим и психологическим задачам присоединяются еще новые, которые могут быть достигнуты массовыми упражнениями или их широким распространением в массах.

Эти задачи: общение людей, их психологическое взаимное воздействие (интер—психология, по определению Е. Тарда), из которого и вырастают могущественные двигатели масс, их верования и желания, их общие идеи и общие чувства, организация масс и их внутренняя дисциплина.

Такое, именно, значение имеет широкое распространение спорта и его организаций.

Если к тому, что изложено относительно задач воспитания, в зависимости от потребностей военного дела, присоединить еще ту особенность воспитываемых для военного дела рабоче-крестьянских

масс, что они, именно, привыкли к физическому труду и не привыкли к отвлеченной умственной работе, что для них большинство потребностей, побуждений, мыслей и чувств проходит по этому привычному пути физического труда, и то, что воспитательное значение физических упражнений или физическое воспитание сделается особенно понятным, именно, для Красной Армии.

Задачи и методы воспитания масс. Изложив задачи нравственного, умственного и физического воспитания, наиболее важные для Красной Армии, обратимся к методам воспитания, которые представляются для нее более целесообразными.

Во главе этих методов надо поставить все те, которые наиболее коротким и верным путем ведут к воспитанию широких рабочих и крестьянских масс.

Таким способом мы не разойдемся с задачами одиночного воспитания, а, напротив, приблизимся к ним и создадим наиболее благоприятную общую основу. Общие руководящие направления в массовом и одиночном воспитании должны быть одни и те же. Разница может быть только в подходе. Между тем, приемы массового воспитания должны создать выгодную общую обстановку (среду) для одиночного.

Основная задача массового воспитания—это создание или поддержание сплоченности (солидарности), сознание силы, под'ем духа и могучее, глубокое стремление к победе того строя, который наилучшим способом обеспечивает достижение идеала. Именно таким путем можно придать импульсивности (возбудимости) массы необходимое направление.

Указанная задача вполне совпадает с задачами политического воспитания. Различие может быть только в направлении сплоченных сил массы к победе именно организованной, вооруженной силы, причем импульсивность массы должна быть доведена до экстаза (увлечения) в этом направлении.

Методы, в общем, те же, которые ныне уже применяются.

Для работы над сознанием масс имеется путь *живого и печатного слова*: речи на собраниях, плакаты, печать; все в ярких образах, доступных непосредственному чувству, с краткими образными формами (изречениями); повторение одних и тех же общих мотивов (понятий), чтобы глубже запечатлеть их и облегчить восстановление в сознании в какой угодно обстановке.

Надо, однако, тесно об'единить основные политические требования и побуждения с военными. Надо внушить, что рабочих и крестьян везде необходимо обращать в союзников, революционный дух вносит разложение в ряды противника (предчета победы), масса не знает ни страха, ни утомления и т. д.

Последний из указанных мотивов важнее всего: надо всеми способами развивать (культивировать) массовый героизм.

Для этой цели предназначаются, обыкновенно, так называемые зажигательные речи, на разные темы и по разным случаям, которые несомненно оказывают благотворное влияние, если они находят отклик в массах. Есть другой, но более глубокий и верный способ воздействия, который не может не находить для себя отклика.

Этот способ—напоминание о подвигах уже совершенных массой, с указанием понесенных ею жертв и достигнутых результатах. Он сводится к воспоминанию военно-исторических событий и более выдающихся случаев проявления массового или личного героизма. Достаточно припомнить то, что уже перенесла и сделала Красная Армия в течение двухлетней борьбы с врагами Республики, в самых трудных условиях, после только-что перенесенной империалистической борьбы, чтобы найти в ее истории очень много самых благодарных тем для поднятия массового героизма. А сколько безвестных героев погибло за это время с единой мечтой заслужить благодарную память потомства? Нельзя не заметить, что в этом отношении у нас делается еще очень мало.

Но есть и другие способы, чтобы глубже проникнуть в область непосредственно чувства массы, руководить им, вытеснять одними чувствами—другие.

Эти способы—символы и обстановка, между которыми много общего; основа их одна и та же: непосредственное действие на чувства, а через них на сознание и волю, даже при неполном участии сознания. Люди могут не вполне ясно понимать, почему нужны такие поступки, но ясно чувствовать, что они нужны.

Наиболее распространенный у нас символ, как уже говорилось, это красный флаг, но такое же военное значение имеют: красное знамя, формы одежды, отдание чести.

Обстановка делает то же, но в мирных условиях еще сильнее, постоянно окружая людей, создавая кругом них как бы один сплошной символ.

Обстановка может быть *обычная* и особенная или *искусственная*.

В обычной обстановке, конечно, трудно развивать героические начала (понятия, мотивы) простым воздействием *самой обстановки*, без всяких добавлений.

Поэтому надо создавать искусственную обстановку, которую дают главным образом *театр* и *музыка*.

В интересах военного воспитания масс, театр и музыка должны иметь героическое направление; как это делается можно поучиться у японцев и, пожалуй, у немцев. Но, конечно, героизм должен быть современного направления.

Однако, и в обычную обстановку можно внести такие начала, которые дадут ей желаемое воспитательное значение. Эти начала: *красота* и *торжественность*.

Красота, как соответствие формы или внешнего вида с назначением, где могут быть представлены сила и величие духа массы; торжественность—в тех же случаях. В сущности, торжественность неразрывно связана с красотой и с воздействием театральной обстановки. В ней, именно, необходима некоторая театральность, лишь бы это не переходило известных границ. Нет нужды, что недостаток материальных средств не позволяет достигнуть того, что желательно.

Надо отличать боевую красоту от парадной. Плохо одетые революционные войска могут быть красивее придворной гвардии.

Кроме символов и обстановки, непосредственное воздействие на развитие сплоченности массы и массовый героизм могут и должны оказывать *физические упражнения:* спорт и массовые движения, массовые атаки или штурмы. На последних мы подробнее остановимся в главе „обучение".

На ряду с упомянутыми уже задачами массового воспитания, которые имеют в виду, главным образом, массовый героизм, нельзя упускать из вида и других задач: организации, дисциплины и товарищества, хотя эти задачи имеют неразрывную связь с первой, но все же заслуживают особого разбора.

Для развития перечисленных понятий, конечно, необходимо также живое и печатное слово.

Надо раз'яснить, что масса, без ею самой выработанной организации и дисциплины, уже не сила, а жертва. Раз'яснить также, что слово «товарищ» не должно иметь только оффициальное значение, заменяя прежнее слово «господин».

Театральное искусство также полезно, чтобы давать яркие образы организации, дисциплины и товарищества.

Но наибольшую силу все же имеет обычная, действительная обстановка.

Если для товарищества еще можно допустить, чтобы это понятие усиливалось от времени до времени в ярких образах, то для организации и дисциплины этого допустить невозможно. Они должны действовать постоянно и с неослабной силой. Вот почему так необходима постоянная штатная организация, а также, вообще, организация во всем: в повседневном быту, в службе и в занятиях. Слишком слабый состав частей или разбросанность людей, частые смены командного состава, беспорядок в службе и в занятиях действуют разрушительным образом на основные понятия и побуждения.

Дисциплина должна поддерживаться отчетливым исполнением обязанностей, неминуемой карой за их неисполнение и уважением к исполнителям обязанностей и, в том числе, в особенности, к начальникам, которые несут особые, постоянные обязанности.

Одновременно начальники в Красной Армии должны служить примером во всех отношениях, а, в особенности, в исполнении обязанностей. Именно, исполнение обязанностей должно быть поставлено

выше всего. Только тогда сделается понятным самая сущность дисциплины, поддержание которой не зависит от взглядов или личности начальников.

Массовые физические упражнения также необходимы для развития понятий и навыков в организации и дисциплине.

В этом смысле особое значение имеют упражнения в строевой и маршевой дисциплине.

Тишина и напряженное внимание, а также и самое однообразное положение в строю—это массовое физическое упражнение в строевой дисциплине.

Исполнение известных правил движения на походе—такое же массовое упражнение в маршевой дисциплине.

Если в Красной Армии не умеют двигаться в глубоких походных колоннах, то, кроме недостатка практики, в этом нельзя не видеть также и недостатков воспитания масс.

Очень важным принципом воспитания масс во всех способах и приемах является вовлечение масс в задачи воспитания. Всякая иная постановка дела противоречила бы основному стремлению—создать внешнее, а не внутреннее управление массами, которое исходило бы из них самих.

Это вовлечение масс в воспитание или самовоспитание может выражаться в обмене мнений на собраниях, в постановке театральных импровизаций, в коллективном творчестве, в участии в культурно-просветительной работе. Но все это больше относится до общего политического воспитания.

Есть, однако, такие виды „вовлечения масс", которые прямо касаются их военного воспитания.

Такое значение имеют: организация внутреннего быта, торжественность в отправлении обязанностей и массовые физические упражнения.

До сего времени участие масс в организации своего внутреннего быта выражалось больше в расстройстве его, чем в устройстве.

Это должно быть коренным образом переделано не только в интересах сбережения народного достояния, но и в интересах воспитания масс.

Торжественность при отправлении всех обязанностей службы важна не только потому, что заставляет серьезнее относиться к обязанностям тех, до кого они непосредственно касаются, но налагает обязанность известных внешних знаков уважения к обязанностям со стороны всей массы, которая только присутствует.

Наконец, массовые физические упражнения или работы самым наглядным способом показывают участие масс в их воспитании.

В связи с этим вопросом находится частный вопрос об устройстве товарищеских судов. Повидимому, с точки зрения вовлечения масс, учреждение товарищеских судов представляется желательным.

Затем другой очень важный принцип, одинаково необходимый во всех приемах воспитания массы, это—знание ее свойств и верный подход к ней.

Чтобы руководить массой и направлять известным образом ее мнение и ее чувства, необходимо ее доверие.

Психология учит, что во всякой толпе, во всяком собрании, сильнее всего действуют именно чувства верования и чувства желания. Эти чувства могут быть противоположные. С военной точки зрения одинаково важны, как горячая преданность политической идее, так и гнев к противникам. Но нужно, чтобы масса людей поверила в те образы, которые ей показываются, прониклась ожиданием их в действительности и сильным желанием или, напротив, сильным нежеланием осуществления. Не всегда удается сразу достигнуть такой цели. Часто нужен подход через такие образы, которые возбуждают симпатии (участие) массы и, по крайней мере, вызывают внимание.

Чтобы подойти к массе, надо знать те чувства, которыми она уже живет, ее «ходячие» мнения и взгляды, ее способности к чувствам, степень сознательности, ее расовые, бытовые и другие особенности.

Большое значение может иметь та личность, через которую известные образы и чувства передаются в массы.

При постоянной передаче их через одних и тех же лиц, значение этих лиц возрастает. Отсюда—особенное значение в Красной Армии комиссарского и командного состава.

Говоря о воспитании массы, мы не говорили еще о воспитании частей. По существу приемы воспитания остаются те же, но, несомненно, в военной организации воспитание небольших ячеек (рот), из которых складываются более крупные единицы (батальоны, полки), имеет особую важность для прочности и гибкости этой организации. Последовательность эта необходима и имеет жизненное значение—в ней именно признаки живого организма армии.

В небольших соединениях, как в клеточках, вырабатывается как бы самое вещество спайки, эта спайка может быть в них теснее и крепче, чем в более крупных соединениях. Поэтому, для жизненной устойчивости всей организации необходимо, чтобы внутренняя спайка была сильна уже в этих соединениях (начиная с рот). Невыгодно иметь их слишком малочисленными, с беспрерывной переменой личного состава, именно, в мирное время. В военное время они быстро тают, но из их спайки в мирное время успевает выработаться более прочная спайка крупных частей.

Эта спайка слагается из общего характера личных отношений (между начальниками и подчиненными), из товарищества, которое именно здесь получает наибольшее значение, из всего уклада жизни, порядка службы, занятий и обстановки, и все, что входит в состав спайки, должно быть хорошо выработано и прочно.

Но спайка мелких частей нуждается в более общих, направляющих связях, которые создаются в более крупных частях армии, как во всяком сложном организме. В ряду этих частей особое значение в каждом роде войск получают, так называемые, „отдельные части“, как такие соединения, которые в своеобразных условиях каждого рода войск имеют наибольшую самостоятельность и цельность.

В них вырабатываются уже более постоянные и общие начала жизни и службы или традиции.

Дальше связь идет по двум направлениям: цельная, органическая—по высшим соединениям строевого командования, и техническая, специальная—по родам оружия.

Но в итоге не должно быть пехотной, кавалерийской, артиллерийской и других армий, но одна Красная Армия, проникнутая едиными началами.

Задачи и методы одиночного воспитания.

Перейдем к одиночному (индивидуальному) воспитанию.

Имея в виду дать лишь общий очерк методики подготовки „армии“, мы не можем вдаваться в этот отдел с большими подробностями, но постараемся наметить те общие начала, которые имеют наибольшее значение в современных условиях для Красной Армии. Конечные, общие задачи одиночного воспитания, как уже отмечено, те же, что и массового. Они имеют связь в том, что люди должны быть доведены до способности оказывать пример массам и, по крайней мере, от них не отставать. Но к этому присоединяется задача—сделать их способными к одиночным действиям, для чего нужно высокое развитие чувства долга и более высокое умственное и физическое развитие. Уже из этого видно, что нельзя подходить ко всем с одинаковым масштабом требований, да и вообще подход должен быть иной, чем при массовом воспитании.

До известной степени должен быть изучен каждый человек, не только по имени и фамилии, со стороны его способностей и его наследственных или благоприобретенных навыков (привычек). Способности, в деле воспитания, должны послужить для развития полезных навыков и ослабления вредных.

Изучить человека—значит узнать, с одной стороны, его физические и духовные особенности, т. е. свойства, которые складываются в особенности темперамента (природных свойств) и характера, с другой—ту обстановку (семейную, социальную, трудовую), в которой он вырос и привык жить и работать.

Надо сравнить все эти данные с требованиями военного дела и отсюда сделать заключение, какие именно качества человека требуют развития и какие, напротив, противодействия и искоренения.

Иногда в людях можно найти определенные побуждения к тем или другим поступкам, иногда действует просто известного рода привычка при пониженном сознании.

Для одних и тех же доблестных или недопустимых в военном деле поступков могут сказаться совершенно различные побуждения.

Один—смел по природе, другие могут быть смелыми ради идеи, или из чувства товарищества, или из властолюбия или из честолюбия.

Один—порочен по природе, другой испорчен средой, но имеет и хорошие свойства. Многие проступки могут зависить от недостатка общего развития, или от полного непонимания военного дела или, наконец, от того, что при недостатке организации и дисциплины вся вообще военная служба может представляться не тем, чем она должна быть.

Условия жизни в которых находились рабочие и крестьяне не могли способствовать ни физическому, ни умственному, ни нравственному развитию. Между тем революция, вызвав переворот в понятиях, на первое время, задала этому развитию не мало трудных задач. Стоит лишь остановить внимание на таких понятиях, как свобода и нравственный закон, исторический материализм, собственность и народное благосостояние.

Добавим тяжелые переходные времена—и мы поймем, какие трудные задачи стоят перед воспитанием.

Известные приемы массового воспитания могут содействовать достижению известного общего уровня развития, но этого еще недостаточно. Трудно уловить, как этот уровень пройдет через толщу народной массы и насколько глубокие и прочные следы оставит массовое воспитание.

Напротив, самые попытки одиночного воспитания всегда помогут проникнуть в самые тайники народной души и раскрыть, на первый взгляд иногда и очень сложные и непонятные или незаметные, а, в действительности, очень простые и сильные побуждения.

Таким образом массовое и одиночное воспитание оказывают друг другу взаимную помощь.

По достижении известных результатов хорошая воинская часть, с хорошими общими началами воспитания, которые прочно держатся в ней, как традиции, сама является лучшим воспитательным средством.

Но если мы присмотримся внимательно к такой части, то увидим, что благие результаты были сами получены не одним только массовым воспитанием. Среди методов одиночного воспитания среда и обстановка, о которых уже говорилось, имеют несомненно большое значение, но одних этих способов недостаточно.

Для этого воспитания нужен более тонкий и гибкий аппарат, который дает только личное воздействие.

Как было уже говорено, убедить в чем либо массу логическими рассуждениями очень трудно, чтобы не сказать невозможно. Но человека убедить можно. То же самое можно сказать относительно разницы, которую имеет для массы и для отдельного человека доказа-

тельства целесообразности или нецелесообразности того или другого поступка, не говоря уже о том, что допускать нецелесообразные поступки отдельных лиц еще можно, целой массы—рискованно. Наконец, иметь наблюдение за отдельными людьми гораздо легче, чем за массой людей.

Считаясь с личными особенностями воспитываемых, личное воздействие воспитателей должно иметь различную силу и выступать в различных сочетаниях.

Различные виды личного воздействия могут быть подведены под следующие главнейшие рубрики: 1) руководство, 2) приказание, 3) контроль, 4) личный пример.

Руководство само может иметь различные оттенки.

Оно может иметь характер общих советов, доводов и убеждений или же характер более подробных наставлений для исполнения определенных задач и поручений.

Форма советов и наставлений может быть различная, все дело в их содержании.

Но приказание является воспитательным средством по самой форме. Оно должно быть: ясное, точное, короткое и безусловное. Оно не указывает обязанность, а требует исполнения.

Никаких отговорок не может быть. Человек может сказать, что он не понял совета, но не может сказать, что не понял приказания.

Первое требование приказания—быть понятым. Вот почему устав требует переспросить и повторить.

Как различные виды руководства, так и приказания, являются только залогом воспитательного средства; их венчают контроль или наблюдение за исполнением.

О значении личного примера было уже говорено, поэтому не будем на нем останавливаться, но в Красной Армии, он имеет особое значение. Красноармейская масса требует, чтобы начальники исполняли сами то, что они требуют. Всякая ошибка истолковывается, как разрешение совершить ряд ошибок.

Кроме личного воздействия, методами одиночного воспитания могут служить: система соревнования и система поощрений и наказаний.

Обе они отличаются от первой тем, что при соревновании воспитательное начало исходит от самих воспитываемых, а в системе поощрений и наказаний выступает общая мера достоинства поведения (закон), независимая от участия и воли воспитателей, которой они сами должны подчиняться.

Хотя обе эти системы сильно отражаются на воспитании масс, но по началу относятся к одиночному воспитанию.

Прямое соревнование в массе может дать даже отрицательные результаты, а поощрение, как и наказание, должно именно сообразоваться с личностью и значением отдельного проступка или преступления.

Соревнование—один из сильнейших и наивыгоднейших двигателей воспитания. Не развивая честолюбия и не поднимая эгоистических чувств, оно легко может быть направлено к наилучшему достижению общих целей и, в то же время, к достижению наиболее высокого личного развития.

Выше говорилось, что честолюбие мало распространено в Красной Армии. Тем более оснований к распространению соревнования.

Система наказаний, с воспитательной точки зрения, должна итти рука об руку с системой поощрений, как это часто и бывает на мелких ступенях отличий в ту или другую сторону.

Но дальше, обыкновенно, связь эта прерывается, чего не должно быть.

Для достижения своих целей, как поощрение, так и наказание должно опираться на чувство личного достоинства, которое и нужно развивать, без чего, как то, так и другое не могут иметь необходимой силы.

Важным вопросом для Красной Армии является награждение повышением по службе. Казалось бы, что такое повышение должно быть только признанием достоинства. Желательно, чтобы число достойных было больше, чем вакансий. А масса должна гордиться числом своих достойных.

Не вдаваясь в юридическую сторону наказаний, можно сказать, что, с точки зрения задач одиночного воспитания, у наказания цель ясная—возбудить голос совести и стыд перед другими.

Второй задачи у многих людей легче достигнуть, чем первой, но многое зависит от того, как общественное мнение массы смотрит на наказания, что еще раз указывает на взаимную связь между массовым и одиночным воспитанием.

Из изложенного видно, что как бы многочисленны ни были аппараты одиночного воспитания, т. е. воспитатели—они не могли бы справиться со своей задачей без некоторых вспомогательных приемов.

Эти приемы—классификация воспитываемых, разделение их на группы или разряды.

В старой армии практиковалось разделение на разряды по гимнастике, по строю, по стрельбе и по поведению.

Такого разделения, конечно, недостаточно. Особенно смутное и даже неправильное значение имела графа „поведения".

В нее вписывались только достоинства и недостатки по требованиям службы мирного времени. Но, очевидно, боевые требования имеют еще более важное значение.

Другой недостаток старой школы состоял в том, что все разряды устанавливались не перед началом воспитания, чтобы установить об'ем первоначальных требований, а после курса обучения, так сказать, для отчетности. Причем, с самого начала пред'являли ко всем одинаковые требования. О неправильностях такой постановки дела много писалось, но безуспешно.

Для облегчения деления на разряды, не только по стрельбе, физическим упражнениям и по журналу наказаний, но и по общим физическим и душевным свойствам, может служить типичность людей: люди одного и того же общего склада попадут в одну группу.

Другая группировка может быть по различным видам воздействия (в каких видах воздействия нуждается) и по военным качествам.

Но, конечно, такие группировки не многим облегчат трудность задачи. Все дело—в воспитателях.

Чтобы воспитывать людей надо сперва воспитателей. Без сомнения, Красная Армия находится в этом отношении в особенно трудных условиях.

Но этот вопрос настолько важен и обширен, что, как было уже оговорено, мы только подчеркнем здесь его значение, но отложим его до более полного рассмотрения.

IV. Задачи и методы военного обучения.

Значение исходных тактических начал. Общая задача военно-технической подготовки или военного обучения заключается в том, чтобы дать Красной Армии способы борьбы с наиболее искусным противником, вооруженным всеми средствами современной техники.

Но прежде, чем развивать эту тему, надо несколько остановиться на различии понятий о военных действиях и военных познаниях, из которых последние необходимы для того, чтобы подготовиться к первым.

Все военное дело в своих конечных задачах представляет не науку, в точном смысле этого слова, с ее неизменными законами, а искусство, которое имеет, однако, свою теорию.

Поэтому, прежде всего надо определить две области военного обучения, из которых к одной относятся практически необходимые действия, а к другой—практически необходимые познания, нужные именно для действий. Области эти, конечно, проникают одна через другую, взаимно переплетаются. Но надо в них разобраться. Иначе мы получим или ремесленное натаскивание без всяких общих научных основ, или не нужную метафизику.

Для большей определенности, представим себе сперва, в самых общих чертах, те действия, которые должны входить в задачи подготовки армии.

Их можно свести в следующие отделы, по крайней мере, для главной массы войск:

1) Владение оружием.

2) Владение другими техническими средствами защиты, разрушения, сообщения и передвижения; для пехоты это будут инженерные работы, устройство связи и проч.

3) Одиночные и групповые движения, с применением оружия и других технических средств (в коннице и артиллерии—верховая езда).

4) Действия в строях, как согласованные действия различного числа людей или воинских частей под непосредственным управлением одного лица (командой, знаком...).

5) Действия в тактических порядках (для расположения, движения и боя), как согласованные действия, в зависимости от боевой обстановки, под управлением, которое указывает только задачи, иногда—способы их достижения.

Вполне очевидно, что для всех этих действий необходимы соответствующие круги познания.

Необходимо знание устройства и действия или применения оружия и других технических средств.

Необходимо знание строев, перестроений, движения в строях и команд.

Наконец, нужен уже целый ряд познаний для тактических действий, в зависимости от задачи и боевой обстановки.

Не будем упускать из вида практических целей подготовки. Нам нужно научить войска боевым приемам. Но каким же, именно? Ведь приемы действий могут быть безконечно разнообразны, в зависимости от цели, от средств и обстановки. Нет возможности проделать даже по одному разу всех тактических приемов, которые могут понадобиться в действительности.

Мы скажем, что нужно проделывать главнейшие приемы. Но какие же из них считать главнейшими?

Вот здесь и нужна наука или теория, главная задача которой отделять главное от второстепенного, показывать общее и частное, а затем сосредоточивать внимание на таких явлениях и случаях, которые должны повторяться и не могут не повторяться много раз, являясь, именно, общими или типичными. Для таких случаев и надо вырабатывать приемы действий.

Эта теория, в данном случае—тактика, как и другие научные теории, должна основать свои выводы на опыте, т. е. на практике, но все же это будут выводы из практики, а не самая практика с ее необозримым числом явлений и случаев.

Тактика учит, прежде всего, что в боевой обстановке не может быть точных и безусловных правил для действий, которые достаточно исполнять, чтобы достигнуть победы над противником, по той, именно, причине, что действия зависят от изменяющихся целей, средств и обстановки.

Но та же тактика дает целый ряд очень важных условных правил или указаний, которых надо держаться, сообразуясь с наличными условиями или создавая их. Причем, этих условий уже не такое множество, как различных случаев на практике.

Эти тактические указания нельзя даже назвать правилами. В отличие от чисто технических правил, напр., заряжания, производства выстрела и т. п., они не дают сплошных указаний для действий, но указывают лишь начало их или то условие, которое должно проходить через них, как общее основание.

Тем не менее, эти тактические начала и основания (принципы), будучи выведены из опыта, имеют большую ценность, как для боевой практики, так и для подготовки к ней.

В сущности, все они выводятся из свойств тех главных условий, от которых зависят все тактические действия, т. е. из свойств целей, средств и обстановки; именно потому этих принципов и нельзя миновать. Но для того, чтобы они имели действительно жизненное значение, нужно, чтобы они были выведены из свойств, целей, средств и обстановки, как они слагаются на практике, были бы верны не для какой-либо армии, но для той армии, для которой они предназначены, в данном случае—для Красной Армии, с ее целями, свойствами и средствами, для той обстановки, в которой она призвана действовать, притом были выведены из боевого опыта или им проверены.

Из всего вышеизложенного явствует, что для целесообразной постановки обучения войск необходимы, как общие тактические познания, так и познания свойства армии.

Лишь при таких условиях можно действительно выработать систематический план и программы занятий, чтобы в короткий срок научить войска исполнению именно тех главнейших задач и именно в тех сочетаниях обстановки, которые могут встретиться в действительности, притом развить сильные стороны армии и устранить ее недостатки, в чем и заключается одна из важнейших целей обучения.

Исходные тактические начала для Красной Армии. Если принять во внимание ту характеристику Красной Армии, которая уже была приведена выше, то главнейшие общие тактические начала для нее могут быть выведены следующие:

1) При трудности основать управление в бою на последовательной постановке задач и указании обстановки от высшего командования до мелких боевых единиц, включительно,—успех в бою более всего зависит от выбора такого общего направления действий, в котором достаточно было бы развить наибольший напор всех сил для победы над противником.

2) В основе средств, от которых зависит победа, лежат физические и духовные силы, которые должны доводиться до состояния массового героизма.

3) Победа, как подчинение воли противника, достигается применением оружия и других средств современной техники, чтобы довести его до потери управления и истощения физических и духовных сил, но все эти средства должны содействовать яркому проявлению массового возбуждения, которое само в себе носит важнейшую угрозу противнику.

4) Массовое возбуждение не должно подрывать дисциплины, но быть у нее в руках, для чего, кроме общих начал военной дисциплины, должна быть выработана оперативная, боевая дисциплина, требующая направления всех сил к достижению единой, общей цели боя, в то время и в том месте, когда это требуется по задаче и обстановке.

5) Младшие начальники должны быть в особенности подготовлены к преследованию общей задачи общими усилиями, как бы трудно это ни было по условиям связи, а также к быстрому применению ко всяким изменениям обстановки.

6) При трудности руководства боем рядовые бойцы должны иметь достаточную подготовку, чтобы иметь уверенность в своих способностях преодолевать все затруднения, применяться ко всякой обстановке и не создавать невыгодных и опасных положений для массовых действий, но, напротив, содействовать достижению общей цели всеми усилиями.

7) Сверху до низу, от высшего командования до рядового бойца, должна быть проведена настойчивая, постоянная и действительная забота о разведке, охранении и связи, чтобы, в особенности, предупреждать внезапные невыгодные положения и всякое проявление растерянности.

Общие задачи обучения. Эти основные начала, сопоставленные с сильными и слабыми сторонами подготовки Красной Армии, указанными в ее характеристике, казалось бы, достаточно определяют главнейшие задачи всех трех отделов обучения:

1) Подготовки командного состава,

2) подготовки частей,

3) подготовки одиночных бойцов.

Из этих отделов важнейший, несомненно, подготовка командного состава, уже по той простой причине, что без нее нельзя достигнуть желаемых результатов в двух других.

Общий смысл приведенных выше тактических начал ясно указывает, что командный состав должен оставаться в обучении таким же воспитателем масс и отдельных бойцов, как и в отделах духовного воспитания.

Он должен руководиться общим принципом: обучение должно воспитывать. Кроме подготовки частей и одиночных бойцов, на старшем командном составе лежит подготовка младшего командного состава.

Основу подготовки командного состава должна составлять общая тактическая подготовка, соединенная с боевым опытом, с изучением военно-исторического опыта, свойств Красной Армии и ее вероятных противников.

Одна из важнейших задач подготовки комсостава—организация технических учений, но и во всех отделах одиночной подготовки комсостав, по крайней мере—младший, должен быть настолько силен, чтобы показать образцовое исполнение. В Красной Армии это еще

более необходимо, чем в старой армии. Разделение комсостава на унтер-офицеров, которые должны все показать сами на себе, и офицеров, которые могли этого не делать, не может быть допущено. Более определенно обязанности комсостава могут быть выяснены на задачах и методах подготовки частей и одиночных бойцов, но, вообще, как уже было оговорено, этот вопрос требует особого изложения.

Как в подготовке частей, так и в одиночной подготовке, должны проводиться одни и те же воспитательные начала. Надо воспитывать: порыв, стремление к победе, деятельности, привычку к организации и дисциплине, противодействие страху и утомленности, привычку к внезапности.

Для этого не создавать особых упражнений, но все технические упражнения вести так, чтобы эти основы ясно выступали через мелочи обучения, не давая себя заглушать.

Добиться такой постановки занятий нелегко. Несравненно легче проделывать, так сказать, безмятежно шаблонные ружейные приемы и уставные построения, добиваясь чистоты в отделке. Но эти более легкие упражнения, если в них не сквозит никакая общая мысль, никакая общая польза для дела, если их не пронизывает общий дух ясных и простых боевых требований,—не только бесполезны, но вредны, ударяясь неизбежно в муштровку, в автоматизм, даже там, где его совсем не требуется. Между тем, боевые начала бледнеют, боевой дух заглушается.

Нужны и ружейные приемы, нужны и уставные построения, делаемые притом гораздо отчетливее и быстрее, чем это делается в Красной Армии, но занятый ими, часто через меру, комсостав не постиг еще, что эти частности или мелочи будут гораздо проще и быстрее достигнуты, если пред'явить настоящие боевые требования, которые заставят людей задуматься над тем, что и для чего они делают, заставят их встрепенуться, повысят весь уровень их сознания.

Надо, вообще, заинтересовать людей, возбудить внимание и охоту, тогда они сами начнут упражняться, и дело пойдет быстрее.

Изложение задач и методов обучения удобнее начать „с начала", т. е. с одиночной подготовки.

Задачи и методы одиночного обучения.

В противоположность ходячему мнению, едва ли можно утверждать, что в современных условиях одиночное обучение должно составлять основу подготовки Красной Армии. Эту основу должно составить воспитание масс, о чем уже говорилось. Но одиночная подготовка, несомненно, должна быть поднята до достаточно высокого уровня.

К этому побуждают, как технические, боевые требования, так и самое воспитание масс. Выше было уже замечено, что настоящие родники массовой души и воли можно найти, именно, путем одиночного развития. В нем же должны быть выражены внимание и забота к массе, к каждой из единиц ее составляющих. Это один из путей,

чтобы воспитать в массах так необходимое в Красной Армии чувство личного достоинства каждого бойца.

Воспитательная сторона одиночного обучения должна быть в том, чтобы привить красноармейцу сознание принадлежности к несчетной и непобедимой рабоче-крестьянской силе, внушить ему уверенность в его силах и дать все необходимые технические навыки, чтобы облегчить боевые задачи.

Принадлежность к рабоче-крестьянской силе может быть постигнута, кроме политического воспитания, через понятия об организации, дисциплине и товариществе, которые обеспечивают массовую поддержку.

Уверенность в силах может быть достигнута через развитие сметливости и ловкости для исполнения задач и применения к обстановке, а также через необходимые технические навыки,—через владение оружием и другими средствами техники, которая должна быть широко открыта для красноармейца.

Не упуская из виду этих общих оснований, можно наметить следующие основные задачи одиночной подготовки:

1) Общие понятия об организации, дисциплине, товариществе и о службе в мирное время, которая должна их поддерживать и развивать.

2) Общие понятия о боевых задачах красноармейца и необходимых для них способностях и технических навыках.

3) Владение оружием и другими техническими средствами (ремесленные навыки) в пехоте — винтовкой со штыком, пулеметом, гранатой и лопатой, в кавалерии — конем, шашкой, винтовкой, в артиллерии — орудием.

4) Движения в бою и применение к обстановке: к месту и ко времени; маскировка.

5) Подготовка к строю, сомкнутому и рассыпному.

6) Физическое развитие и гимнастика, необходимая для технических навыков: владение оружием, движения, преодоления препятствий.

7) Отдельные задачи на разведку, охранение и связь: обязанности часового, наблюдателя, дозорного и „связи".

8) Необходимые сведения по санитарному делу и гигиене.

9) Необходимые сведения по хозяйственной части и по устройству внутреннего быта.

Перейдем к методам, которые вместе с тем покажут, как провести общие боевые требования.

Методы эти должны исходить из следующих общих оснований:

1) Практика, как во всяком профессиональном обучении, должна по возможности предшествовать теории: сперва показать, что и для чего должно быть сделано, показать приемы исполнения, предложить исполнить, поправить ошибки, — наконец, дать об'яснение; в тех слу-

чаях, когда практику даст окружающая обстановка (напр., по вопросам организации, общего порядка службы). дать ей об'яснение; обязанности изучать примерным порядком, инсценируя обстановку службы; при необходимости рассказа (напр., при об'яснениях дисциплины, боевых задач), сопровождать его примерами.

2) Во всех случаях вызывать работу сознания, для чего снова нужна практика, примерные наряды на службу; при всех об'яснениях добиваться активного участия слушателей, задавать вопросы, спрашивать мнение, предлагать подыскивать примеры из личной или военной практики.

3) Для поддержания и развития работы сознания возбуждать и поддерживать внимание и охоту к усвоению предметов обучения простотою, яркостью и систематичностью обучения, не требуя зараз слишком многого, давая отдых при признаках утомления, переходя от легкого к более трудному, разлагая сложные действия на простые приемы, переходя от синтеза к анализу и обратно, напр., показать, как действует винтовка, разобрать, об'яснить главные части, собрать, показать рассыпной строй, пройти обязанности на применение к местности, по владению винтовкой, по применению лопаты, потом соединить все это в связное исполнение.

Для той же работы сознания развивать память повторением пройденного, яркостью показа, соединением слуховых впечатлений (от рассказа) со зрительными (от показа) и с мускульными (от исполнения).

4) Весь ход одиночного обучения сообразовать с личными (индивидуальными) способностями обучаемых, не устанавливая для всех одинаковых сроков и способов обучения; ввиду трудности вести занятия отдельно с каждым из обучаемых, разделять их на группы, причем один и тот же обучаемый может оказаться в различных группах, смотря по предмету занятий и способностям; для каждой группы должен быть свой постоянный руководитель, что требует особого их выбора и особой их подготовки.

5) Стремиться к тому, чтобы, по крайней мере, в отдельных упражнениях равнялись по передним, на началах соревнования, придавая упражнениям характер состязаний, последнее, именно, удобно и необходимо в задачах на разведку, охранение и связь.

6) Там, где в чисто механическом, ремесленном исполнении можно и должно обходиться без постоянного напряжения высшего сознания, напр., при заряжании и производстве выстрела, в верховой езде, в ружейных приемах, в положении по команде „смирно", в движениях и т. п. развивать частям упражнением рефлективное исполнение (механическое), но, об'ясняя, насколько важно освобождать в этих случаях высшее сознание для более важной работы (напр., для выбора цели или направления движения, для понимания команды или прика-

зания, которое последует за командой „смирно“), которая ни в каком случае не должна прерываться.

7) Конечной целью обучения ставить не заучивание каких-либо приемов, а тем более не заучивание внешнего вида этих приемов, но выработку или развитие известных способностей внутри стрелка и одиночного бойца, которых от него требуют боевые задачи и боевая обстановка. В этом основная задача обучения, которая и сближает его с воспитанием.

На способах достижения ее надо несколько остановиться.

Военное дело, в техническом отношении, в сущности, не требует от одиночного бойца ничего такого, что превышало бы средние способности человека. Научиться ему в мирное время не так трудно. Но все дело в том, чтобы человек исполнял в боевой обстановке то, чему он научился в мирное время. А для этого мало научить его военным приемам, но надо привить ему побуждения—действовать в боевой обстановке, как его учили.

Привить эти побуждения можно приемами духовного воспитания, но и обучение должно стремиться к той же цели.

Известным направлением упражнения оно должно облегчать дорогу для этих побуждений, создать для них в человеке короткие и быстрые, привычные пути; иными словами, сделать эти побуждения привычными, выработать для них постоянные навыки.

Одно духовное воспитание в военном деле не в состоянии этого сделать, если его отделить от обучения. В действительности, люди на военной службе все время обучаются. Нет другого способа, как вложить в обучение воспитательные задачи.

Чтобы ввести в обучение необходимые для боевой обстаноки навыки, надо всеми доступными способами создавать при обучении различные признаки боевой обстановки таким способом, чтобы была практика в обстановке близкой к боевой, и, даже, чтобы признаки боевой обстановки побуждали к деятельности.

Главнейшие признаки боевой обстановки—это внезапность, опасность и тягость. Они возбуждают в человеке растерянность, страх, утомление. В борьбе с этими чувствами и надо давать постоянную практику. Выше было сказано, насколько некоторые физические способности родственны духовным. Это открывает один из путей для требуемых упражнений.

Один из методов состоит, стало быть, в том, чтобы добиваться в физических упражнениях и в движениях проворства, сметливости, смелости и упорства.

Другой метод состоит в том, чтобы при всех упражнениях создавать обстановку, обозначать противника, напр., целиться не в воздух и не в стену, а в мишень, изображающую противника, колоть и рубить чучело, применяться к местности против неприятеля, обозначенного флагами или людьми и т. п.

Но этого еще мало. Надо быстрыми переменами в обозначении противника или других условий обстановки (напр., огня противника, переменой местных условий) вызывать на самостоятельные решения и действия без указаний.

Не вдаваясь в подробности по каждому отделу одиночного обучения, остановимся только на той стороне их, которая требует не физических упражнений, но передачи сведений, а потому имеет военно-образовательный характер.

В сущности, такая сторона имеется в каждом отделе. Это, именно, и важно отметить. На красноармейца нельзя смотреть, как на „диковинного автомата“ (по выражению Жореса) или на ремесленника. Надо не только во всех отделах проникать до его сознания, возбуждать вопросы, давать ответы, но надо расширять его кругозор, возбуждать пытливость и ставить его задачи и обязанности в наглядную связь с общими, чтобы он видел значение того, что от него требуется и свое собственное значение.

Во всех этих случаях нельзя обойти без бесед и об'яснений, да и нет повода избегать живого слова, но нужно, чтобы все это не сводилось к прежней „словесности“ и к „солдатским молитвам“.

Никакой зубреж не поможет, если не дать самого главного, ясных и простых понятий. Военные понятия надо при этом связывать с самыми элементарными понятиями о вещах, освещая их примерами из жизни, доступными для каждого. Но исподволь таким путем можно достигнуть того, что для обучаемого станут доступны более сложные примеры и отвлеченные понятия.

Можно, например, провести сравнение между приемами военной тактики и приемами единоборства или фехтования, которые имеют много общего, потом перейти к социальным инстинктам у животных и насекомых, к способам их угрозы, защиты, разведки, охранения. Необходимость и способы организации массовой работы можно теперь показать на любом „субботнике“. Дисциплину об'яснить на примере нашей прежней „вольницы“, на запорожских казаках и т. п.

Кроме сведений по организации и службе войск, дисциплине, санитарии, нужны военно-образовательные сведения по тактике, артиллерии, топографии, которые и в старой армии были очень мало распространены. Подойти к ним безусловно не легко. Надо сперва самому учителю дойти до здравых и простых, общих понятий, что не так просто дается. Тем не менее дело это возможное, а, главное, необходимое в современных условиях.

Мировая империалистическая, а затем гражданская война дали многим участникам такой богатый боевой опыт, что из него не трудно извлечь примеры для самых рознообразных тактических положений. Нужно только передать их в некоторой системе, которая подсказывается ходом занятий. Артиллерийские орудия показать нетрудно. Что же касается до топографии, то теперь это — вид грамотности. Во

всяком случае каждый может ориентироваться и, хоть немного, читать карту, если он грамотный.

Остановимся еще на одном отделе, наиболее важном и, в то же время, наименее у нас разработанном.

Этот отдел: отдельные (одиночные) задачи на разведку, охранение и связь.

Занятия на разведку, при постановке более широких задач, получат уже специальный характер, но в известном размере они необходимы для каждого бойца. То же можно сказать о связи и, конечно, об охранении.

В этих размерах они не только практически необходимы, но имеют воспитательное значение, устанавливая правильные взгляды на тактические действия, расширяя кругозор и содействуя одиночному развитию и проявлению самостоятельности.

Из упомянутых отраслей так называемой полевой службы в старой армии производились занятия на охранение на месте и на походе, но ограничивались, преимущественно, заучиванием обязанностей по уставу.

В этих занятиях не было самостоятельных задач, интерес не возбуждался соревнованием; задания не подготовлялись; одновременно, не были разработаны и более подробные наставления, не указывались различные мелкие приемы и сноровки, которые, между тем, имеют очень важное значение и поднимают интерес к делу.

Занятия по связи ограничивались передачей приказаний по стрелковой цепи, а разведкой с общей массой людей, вообще, не занимались. Не надо повторять этих ошибок. Сделать всех разведчиками невозможно. Но потребность в них, именно для тех условий, в которых приходится действовать Красной Армии, — очень большая и не покрывается никакими штатами. Во время гражданской войны все ответственные задачи возлагались на разведчиков, говорили, что не надо применять разведчиков, как боевую силу и т. п. Но критиковать, как известно, легче, чем действовать, когда нет „правильных“ выходов из положения. Более верный путь — итти навстречу потребности и вести одиночную подготовку в более широких кругах.

Вести с интересом занятия полевой службы в одиночку, конечно, трудно. Но можно их организовать группами, — в виде сильных дозоров от партий, соединяя все виды полевой службы в одно задание, сперва с обозначенным противником, потом на две стороны, с возбуждением соревнования, с какими-нибудь поощрениями для отличившихся и т. п. Такая учебная задача групповой подготовки может иметь и очень важную практическую цель, как подготовка к борьбе с бандитизмом и к другим подобным задачам.

Задачи и методы подготовки частей.

Перейдем теперь к задачам и методам подготовки частей.

Подготовка эта обнимает:

1) Владение оружием и другими техническими средствами.
2) Строевое учение.
3) Полевую гимнастику.
4) Инженерные работы.
5) Тактические учения, как соединение (синтез) всех других отделов.

В настоящем общем очерке основ подготовки армии, нет возможности останавливаться подробно на каждом из этих отделов, но надо указать значение каждого из них, их общую связь, а также, какими способами провести через них общие воспитательные начала.

Из отдела владения оружием главное место занимает стрельба.

Особенно важно поднять стрельбу в пехоте из винтовок и пулеметов.

Пусть последняя мировая война показала, что немцы в мирное время преувеличивали значение ружейного огня в атаке, требуя перевеса огня над обороняющимися. Опыт показал, что это в редких случаях достижимо. Но тот же опыт показал, что усиленные занятия стрельбой нисколько не подорвали достоинств подготовки германской пехоты и не ослабили ее порыва, а в начале войны, еще не освоившись с противником, французы не выдерживали огня с близких расстояний германской пехоты и очищали позиции, не принимая атаки. В нашу гражданскую войну тоже бывали такие случаи.

Важно то, что действительный, т. е. умелый, огонь поднимает дух войск, придает им стойкость и упорство в атаке. К тому же это, вообще, один из тех настоящих боевых приемов, которому можно научиться в мирное время, не прибегая много к силе воображения.

Для Красной Армии обучение стрельбе особенно необходимо: не даром ее полки называются стрелковыми.

Наконец, воспитательное значение стрельбы в том, что она сама в себе уже носит стремление к победе, а не уметь стрелять—значит не стремиться к победе.

Трескотня временно заглушает чувство страха у плохих войск, не умеющих стрелять и неспособных довести бой до решительной схватки. Но действительная стрельба побеждает страх уверенностью, что противник не выдержит удара.

Условия хорошей стрелковой подготовки: побольше упражнений с боевыми патронами и, не спеша, больше упражнений на небольшие дистанции, стрельба после усиленных движений, сосредоточение и перенос огня, сбережение винтовки.

Кроме стрельбы, надо обучать метанию гранат и штыковому бою, но не столько фехтованию, как удару штыком в чучела в различных

положениях, с разбега, после преодоления препятствий. Таким способом учебные навыки приблизятся к боевым.

Строй—это одна из необходимейших и немногих боевых, тактических форм. Без форм обойтись нельзя. Этого требуют организация и дисциплина, которые должны иметь наглядные формы.

Но, во избежание шаблона, строи должны быть гибки, подвижны, поворотливы, а в особенности должна быть усвоена быстрота перестроений в Красной Армии, где шаблоны имеют старые корни и благоприятную почву для произрастания.

Строевые, уставные учения необходимы для первоначальной подготовки, для физической спайки частей, для дисциплины.

Но кроме строго-уставных учений должны быть еще прикладные—уставные учения, которые вводил Драгомиров.

Сущность их в том, что вводятся несложные тактические пред. положения о появлении противника с определенного направления, на определенном расстоянии, причем, нередко требуются перестроения не предусмотренные уставом.

Это уже развивает общие боевые качества, допускает встречу внезапных перемен в обстановке без замешательства.

Тот же Драгомиров, по заветам Суворова, соединял строевые учения с так называемыми сквозными атаками, пехоты на пехоту, конницы на пехоту и пехоты на конницу.

Глубокий смысл этих атак в том, что они идут без остановки перед противниками, а также в массовых порывистых движениях.

Но надо итти еще дальше в проведении общих начал боевой подготовки.

Французы в минувшую войну пришли к убеждению в необходимости особых упражнений в производстве массовых атак, неудержимых, бешенных, на самой пересеченной местности, увлекающих своим порывом.

Для Красной Армии это один из лучших методов развития массового порыва.

Чем больше такие атаки и штурмы по силе препятствий будут приближаться к действительным, тем лучше, даже выгоднее выбирать наиболее трудные местные условия.

Противника обозначать несколькими рядами чучел в разных положениях.

К той же, приблизительно, цели может вести возвращение с занятий прямиком, без дорог, по кратчайшему направлению и т. п.

Занятия прикладным уставом надо также расширить: вводить почаще элемент внезапности, производить нечаянные нападения или обозначать внезапный огонь противника, как на строевых учениях, так и на пути следования к ним, устраивать засады и т. д., одновременно, двигаться и учиться с мерами охранения. Полевая гимнастика применялась в старой армии, но препятствия носили слишком шаб-

лонный, однообразный характер и были очень узки по фронту. Желательно приблизить их к действительным, ввести устройство самых простых переправ и т. п.

Расширив препятствия по фронту, можно применить их для массовых упражнений более крупными частями.

Инженерные работы в Красной Армии отодвинуты слишком на задний план. Между тем, они имеют, как практическое боевое, так и воспитательное значение.

Нельзя смотреть на самоокапывание, как только на способ обороны. Это также способ движения под сильным огнем, который надо принять в расчет, имея в виду, что Красной Армии придется иметь дело с хорошо вооруженным и обученным противником.

Самоокапывание пред'являет, конечно, особые требования. Окопавшиеся войска не так легко поднять. Но не легко и двигать под губительным огнем без закрытий.

Известный долг обязывает научить красноармейца владеть лопатой, не закапывая силы порыва.

Кроме самоокапывания, есть целый ряд других необходимых работ.

Укрепленные полосы, по крайней мере, для настоящего времени, отжили свой век, но нельзя того же сказать про укрепленные пункты и даже целые лагери, которые ныне могут быстрее выростать, чем некогда выросла Плевна. А народная война испанских гверильясов опиралась на целые Торрес-Ведрасские линии. Значение укрепленных переправ, железнодорожных сооружений, этапов, городов в гражданских войнах не только не ослабело, но усилилось.

Широкое поле для работ открылось по улучшению дорог для артиллерии, повозок, автомобилей, по быстрой порче железных дорог, по устройству переправ из всевозможных подручных средств.

Наконец, нельзя не упомянуть о хозяйственных и, так называемых, бивачных постройках. До сих пор мы умели хорошо разрушать, но устраиваться не умеем даже там, где для этого нужны самые несложные работы. Между тем, одна из причин опасного в боевом отношении стремления—во что бы то ни стало забиваться в самые незначительные и неудобные деревушки—скрывается, именно, в полном неуменьи устроиться как-нибудь иначе. К этим соображениям о необходимости включить в подготовку инженерные работы, надо добавить еще одно: их воспитательное значение. Немцы считают, что усиленные земляные работы необходимы для дисциплины и для втягивания в тяжелые напряжения боевой обстановки. Для Красной Армии они должны служить одним из наглядных способов организации массового труда.

Тактическая подготовка частей представляет соединение всех предыдущих отделов, которые должны служить для нее подготовкой. Будучи соединены с боевой стрельбой, они дают последний предел того, чему можно научить в мирное время.

Не задаваясь целью излагать постановку занятий для различного рода войск, подчеркнем в постановке этих занятий то, что представляется наиболее важным для Красной Армии.

Едва ли кто-нибудь станет оспаривать, что для Красной Армии нужны большие маневренные способности. Неподвижность для нее создает тяжелые условия. Маневры нужны не только перед боем, в походных колоннах, чтобы взять верное направление, но и на поле боя, чтобы исправить принятое уже направление, что гораздо труднее: между тем, такие положения могут часто создаваться.

Говорят: Красная Армия умеет наступать, но не умеет обороняться. Но не происходит ли последний недостаток от того, что самое разделение боев на наступательные, оборонительные и встречные заключает некоторую искусственность.

В сущности, всякий бой, будет ли он наступательный, оборонительный или отступательный, имеет одну цель—разбить противника или нанести ему возможно сильные потери, а самому не быть разбитым.

Только в особых случаях—в гарнизоне, в заставе, в карауле приходится обороняться до полной гибели. Но в полевой войне такие случаи редки.

Но замысел и способ действия может быть различный, отсюда и маневр может быть различный: наступательный, оборонительный и отступательный. В первом случае—инициатива сразу захватывается, во втором и третьем—перехватывается.

Одна из важнейших задач обучения—в этих захватах инициативы в различных положениях, хотя бы отступательных. При этом отдельные участки боя могут быть как оборонительные, так и наступательные, но все действия и огонь, в том числе артиллерийский, должны быть явно направлены к одной общей цели.

При всяком тактическом учении противник и, вообще, обстановка должны быть обозначены. Цель создается обстановкой, хотя бы и не была указана. Только таким путем можно развить инициативу.

Учения на две стороны необходимы для той же цели, но надо начинать с учения с показным противником, которым должен управлять руководитель, чтобы вызывать инициативу и подчеркивать сильные и слабые действия (ошибки), которые будут ясно видны по создавшемуся положению.

При производстве двухсторонних учений должны быть посредники, чтобы предупреждать и останавливать всякие действия, недопустимые в бою или прямые беспорядки.

С учебными целями бой разделяется на периоды: подход к полю сражения, развертывание, сближение, атаки, преследование, выход из боя, отступление, из которых каждый имеет свои приемы. Надо показать эти приемы, избегая беспорядочного ведения боя.

Подход к полю сражения предполагает возможно продолжительное движение колоннами, для удобства движения по дорогам и для

свободы маневра. При сближении в боевом порядке маневры возможны, но иначе, чем при подходе: невозможны фланговые движения, которые, между прочим, часто делались в гражданскую войну. Атака уже не допускает маневра. это бесповоротное решение и безостановочное движение.

Но действительные бои не разыгрываются по нотам. Боевые приемы не повторяются в одном и том же порядке. Атака может случиться прямо из походной колонны. За атакой может потребоваться новое сближение.

Искусство обучения заключается именно в том, чтобы показать это, и в то же время не допускать беспорядочного боя. В этом отношении полезно указать на разницу между тактическими занятиями на планах (с комсоставом) и тактическими ученьями на местности.

В первом случае, обыкновенно, определенный маневр и определенный вид боя проводится с начала до конца, как цельная операция. Во втором случае это трудно исполнимо и, даже, мало поучительно. Лучше составлять программу учения из ряда летучих задач, предполагающих внезапные перемены в обстановке, вызывая быстрые решения и чередуя боевые приемы в самом разнообразном порядке. Начинать их с самого выхода в поле, чтобы не тратить времени на бесцельные, в тактическом отношении, движения.

Каждое ученье должно быть соединено с практикой в разведке, охранении и связи. Эти отделы особенно слабы в Красной Армии и особенно для нее необходимы, а потому и требуют исключительного внимания. Надо давать время на высылку необходимых нарядов.

В случае крупных промахов—останавливать все ученье и указывать ошибки.

Чтобы проводить на тактических ученьях правильные общие начала, надо не препятствовать проявлению порыва и смелых решений, если их сколько-нибудь позволяет сознанная обстановка. Напротив, надо вызывать также действия соответственными действиями обозначенного противника. Всякие мелочные, педантичные соображения были бы в этих случаях неуместны.

Невыгоды опрометчивости надо наглядно показывать на ее последствиях.

Обучение организации выражается строгой, обдуманной программой каждого ученья, в котором не должно быть никаких недоразумений, проволочек, напрасных движений и т. п.

Дисциплина проверяется на точном исполнении полученных распоряжений. Каждое ученье должно быть основательно разобрано. Только тогда оно может быть поучительно и, только тогда, люди поймут, для чего от них требуются все передвижения и действия.

Иногда в сильный холод или в ненастье это затруднительно сделать в поле. Тогда можно только указать главнейшие ошибки, но разбор все же сделать впоследствии, по карте.

Необходимо еще подчеркнуть, что по современным условиям подготовка частей должна непременно иметь своей целью подготовку всех родов войск для совместных действий против различных родов войск противника.

Прежде всего, конечно, необходимо установить такую связь в действиях между пехотой, артиллерией и конницей.

В минувшую гражданскую войну, не понимая технических свойств артиллерии, часто давали ей неисполнимые задачи, открывали огонь с очень больших дистанций, чтобы отпугивать раз'езды и дозоры или пользовались артиллерией, как пулеметами. Но это несоответственное применение артиллерии зависило также от неустойчивости организации и общей разрозненности действий. Бывали такие соединения, как полк в 600 штыков или даже батальон в одну сотню штыков и целая батарея. Как было ее оставить за 2—3 версты от места пехотного боя? Очевидно, массирование артиллерийского огня не всегда могло найти для себя применение.

Надо установить более прочную организацию, но, идя навстречу действительности, обучать даже небольшие пехотные части (напр. батальоны) совместным действиям с обозначенной или действительной артиллерией.

Небольшие конные части и команды не умели применять для разведывательной службы, более крупные—применяли, как тараны для пехоты. Это также указывает на необходимость совместных учений с конницей.

Наконец, очень важный отдел обучения составляет не только показ (как делалось в старой армии), а изучение способов борьбы и совместных действий с новыми техническими родами войск и новыми средствами поражения: с авиацией, бронесилами, газами и т. п.

Поэтому необходимо всеми мерами развивать эти упражнения, организуя соответственные полеты аэропланов, передвигая, по мере надобности, бронепоезда, броне-машины и танки, устраивая обкуривание химическими газами и упражнения в масках. Все чудеса техники должны не только потерять свой престиж неожиданности, но обнаружить условность применения и способы борьбы.

Чтобы тактическая подготовка частей была достаточно полной, надо провести ее, по возможности, через все главнейшие изменения обстановки (по времени и по местности), а также поставить части (в особенности, взводы, роты и батальоны) в положение всех главнейших частных задач, которые могут выпасть на их долю.

Задача эта, конечно, очень широкая, но надо уметь выбрать то, с чем неизбежно столкнет действительная боевая практика и, во всяком случае, вносить разнообразие в задачи и обстановку.

Для Красной Армии, несомненно, имеют большое значение действия в ночное время и зимой. По местным условиям неизбежно требуются

умелые действия на реках, в лесах, в болотистых местностях, в степях, в некоторых местностях—в горах.

Особенно часты могут быть случаи атаки и обороны населенных пунктов, в которых, в зависимости от силы отряда, его задачи и обстановки, надо различать случаи необходимости таких действий, считаясь с тем, что сами по себе населенные пункты часто не дают никаких выгод, ни для атаки, ни для обороны, а бой решается на окружающей местности.

По недостатку подготовки Красной Армии—тактические учения не следует ограничивать также одними боевыми задачами, но давать практику в походных движениях, в том числе в усиленных переходах, в составе крупных колонн, а также в расположении на отдых со всеми мерами внешнего, непосредственного и внутреннего охранения.

Усиленные переходы, в разное время суток и в разное время года, служат одним из лучших приемов настоящей боевой подготовки, вырабатывая зараз выносливость, дисциплину и все необходимые сноровки.

Заключение.

Заканчивая на этом очерк методики подготовки Красной Армии, надо оговорить, что он является пока далеко неполным. Кроме подготовки комсостава и допризывной подготовки, надо было бы еще рассмотреть очень важный вопрос о сроках и планах обучения, в связи с особенностями для различных родов войск и т. д.

Но на первый раз задача сводилась лишь к очерку общих основ подготовки, содействуя разработке и об'единению взглядов хотя бы на этом коренном вопросе.

Сводя во едино все, что было сказано по этому поводу, можно, казалось бы, предложить на обсуждение следующие общие выводы:

1) Задачи и приемы стратегии требуют от Красной Армии высокой тактической подготовки, которая должна быть сообразжена с ее задачами и свойствами.

2) Задачи подготовки Красной Армии распределяются между задачами воспитания и военно-технической подготовки или обучения. Но, при всей важности обучения, воспитательные задачи должны проходить через все его отделы, создавая основу всей, вообще, подготовки, в том числе физическое воспитание должно занимать видное место не только по своему прямому назначению, но и как один из важнейших методов духовного и умственного развития.

3) Основная задача—это воспитание красноармейской массы в духе сознания силы рабоче-крестьянской массы, соединенной узами жизненных интересов с пролетариатом всего мира, и стремления к победе, доведенного до массового героизма. Это стремление к победе должно быть скреплено таким же массовым стремлением к органи-

зации, дисциплине и товариществу для об'единения и направления усилий.

4) Наряду с массовым воспитанием, и для его углубления, необходимо возможно шире проводить одиночное воспитание, основными задачами которого надо поставить чувство долга и, связанное с ним чувство достоинства красноармейца. Но, в общем, задачи одиночного воспитания должны быть те же, что и массового, которое должно составить для первого наиболее благоприятную среду и основу.

5) Методами массового воспитания, кроме живого и печатного слова и кроме символов, выраженных в Красном Знамени, форме одежды и пр., должны служить вся обстановка жизни, службы, работ и занятий, доводимая в необходимых случаях до должной красоты и торжественности, а также, в особенности, распространение героических начал, через воспоминание событий из истории войн Красной Армии, через воздействие искусства в театре и в музыке.

Выдающееся значение имеют массовые движения, сопровождаемые массовым порывом, организацией, дисциплиной. Во всех методах необходимо активное участие массы в проведении воспитательных начал.

6) Главным методом одиночного воспитания должно служить личное воздействие комсостава и политработников, а также соревнование и система поощрений и наказаний. Последняя должна искать для себя опоры в развитии чувства достоинства красноармейца и в сознании красноармейскими массами значения поощрений и наказаний.

Большое значение может иметь литература политического, популярного, научного и героического направления, при условии обязательной грамотности, доступности книг и руководства.

Все меры воздействия должны сообразоваться с личными свойствами красноармейцев, с разделением их на разряды не только по физической и технической, но и политической, и боевой подготовке.

7) Общая цель военно-технической подготовки или обучения должна состоять в том, чтобы дать Красной Армии необходимые способы борьбы с хорошо подготовленным противником, снабженным всеми средствами новейшей техники, но, одновременно, обучение должно воспитывать, т. е. проводить все важнейшие задачи военного воспитания: массовый порыв, начала организации и дисциплины, борьбу со страхом, утомлением и внезапностью (находчивость, разведка, охранение, связь).

8) Начинаясь с одиночной подготовки, обучение должно необходимым военным образованием расширить кругозор красноармейца в понимании им боевых задач и дать ему уверенность в своих способностях для их исполнения, и находчивость в применении ко всякой обстановке, не создавая невыгодных и опасных положений для массовых действий, но всегда содействуя достижению общей цели.

Последовательные задачи и сроки обучения должны быть сообразованы со способностями обучаемых и, вообще, применены наглядные

приемы обучения, соответствующие требованиям военного дела и мерам профессионального обучения.

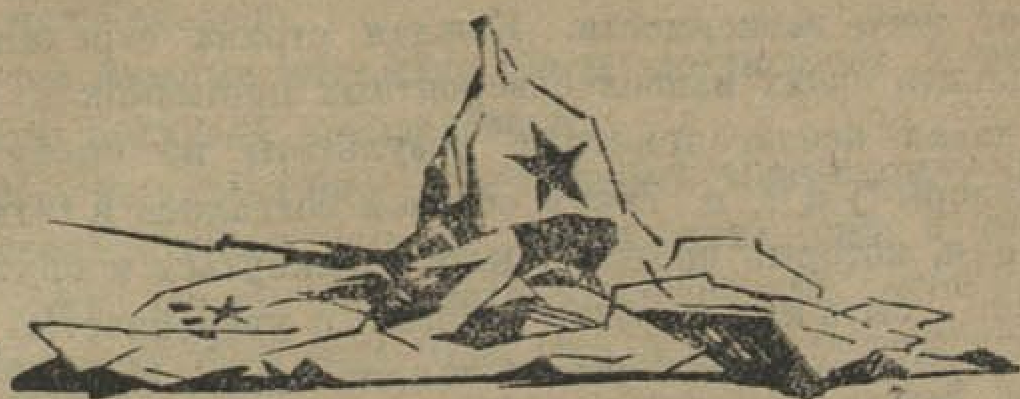
Особенно важное значение имеют в стрелковых полках--стрелковая подготовка, рассыпной строй и подготовка к самостоятельному исполнению задачи полевой службы (разведки, охранения и связи) в небольших группах, на началах соревнования. Последний вид занятий, кроме общего образовательного и воспитательного значения, необходим для практических целей гражданской войны, борьбы с бандитизмом и т. п.

9) Важнейший отдел подготовки частей составляет, собственно, тактическая подготовка, но она должна складываться из их подготовки к владению оружием, строевой, физической (полевой гимнастики) и инженерной. Все эти занятия, не теряя своего специального назначения, должны быть приближены к тактическим, для которых они служат подготовкой.

10) Собственно-тактическая подготовка частей должна быть основана на систематической военно-научной постановке задач, проверенных на боевом опыте Красной Армии, с целью развить ее наиболее сильные стороны и устранить недостатки. Она должна поучать всем действиям на боевых задачах и не иначе, как в определенной, действительной или обозначенной обстановке, вырабатывая таким образом маневренные способности, инициативу, подвижность, разведку, охранение, связь. Для полноты подготовки она должна проводить части через все главные виды боевых задач и боевой обстановки. Самая напряженность требуемых усилий должна, по возможности, приближаться к боевым требованиям. Тяжело на ученьи—легко на походе. Лучше короче, но интенсивнее. Конечной целью должны быть совместные действия всех родов войск и подготовка к борьбе и совместным действиям с новейшими техническими родами войск.

М. Баторский.

Несколько мыслей о факторах, влияющих на формы будущих войн.

По мере культурного развития Европы, росли и технические усовершенствования боя. Человечество, развиваясь, в то-же время изощряется во все новых и новых усовершенствованиях, способствующих самоистреблению и самоуничтожению.

Каждая новая война являет собой новую эру в изобретениях, направленных по этому смертоносному пути, и, чем дальше, тем эти средства по качеству выше и опаснее. Многие из таких изобретений являются государственной тайной, оберегаются как святая святых в предвидении будущих войн и возможных операций, дабы эта мысль и новшество не могли быть предвосхищены.

Если мы проследим войны последнего столетия, то увидим, что все они в этом отношении внесли то или иное существенное изменение в методе борьбы, в приемах и формах ее. Не имея, к сожалению, всего необходимого материала под рукой, я лишен возможности уточнить этот вопрос, приводя исторические справки тех нововведений, кои дала нам та или иная война, но могу с уверенностью сказать, что Русско-Японская война 1904—1905 годов, со всей очевидностью, выдвинула значение пулеметов; Балканская война выдвинула вопросы массирования огня, значение полевой гаубицы и теорию прорыва и, наконец, война 1914—1918 г.г. дала наивысшие образцы роста и развития техники, доведя ее до крупных размеров. Эта война дала нам огнеметы, бомбометы, минометы, удушливые газы, авиацию на море и суше и т. п.

Если бы война продолжалась еще год, неизвестно, до чего дошло бы развитие военной техники. Интересно отметить, что рост техники

развивался одновременно с численным увеличением армии и находился в тесной от него зависимости. Каждая страна стремилась числом бойцов подавить своих наиболее вероятных противников, а когда подсчет сил давал неблагоприятные результаты на сцену выступали союзы, договоры *) и т. п. Таким образом создались в 1914 году крупные коалиции, которые должны были столкнуться и оружием разрешить вопрос—„быть или не быть“. Можно с уверенностью сказать, что страны, которые не могли дать большого числа бойцов, стремились заменить его техникой. Примером этому служит Франция. Прекрасно сознавая, что рост ее армии достиг численного предела, она все свое внимание сосредоточила на технике и новшествах, и в этом отношени шла впереди многих других. На развитие техники также обратили внимание и американцы, в предвидении своего вступления в мировую бойню.

Немцы, окруженные тесным кольцом, так же, как и державы согласия бросились по пути технических усовершенствований. Кто-же, как не они, пустили впервые неслыханное средство в виде огнеметов и удушливых газов. Спрашивается, почему же с численным ростом армии стала расти и техника, почему в современных боях все стали искать решения боя в применении всевозможных новых орудий, снарядов, пулеметов и т. п.? Вопрос ясен и разрешается сам собой.

Пока армии были малочисленны, исход боя искали в открытом бою и его могли найти. Во все эпохи, начиная с Эпаминонда, применялась система удара массою, с той лишь разницей, что эту массу бросали либо с фронта, либо с флангов, ища обхода или охвата.

Появление нарезного оружия и пулеметов, при развитии артиллерии, понудило искать разреженных строев, что вызвало расширение фронта боя, и стремиться решать участь боя на флангах.

Но со временем, как это показала война на Балканах 1912—1913 годов, воюющие страны выдвигают такое количество войск, что флангов может и не оказаться. Пришлось искать другого решения—и его нашли. Болгарская армия обязана своим победам фронтальным прорывам, впервые применявшимся их руководителем, генералом Радко-Дмитриевым, командовавшим у нас в 1916 году на северном фронте XII армией. Однако, эти успехи были скоро учтены многими, по крайней мере, в немецкой печати они широко дебатировались в 1913 году и хорошо были учтены многими немецкими генералами, будущими руководителями войны 1914—1918 годов. Лица, изучившие теорию прорыва, указывали, что и прорыв с фронта, при умении, может быть ликвидирован соответствующим применением техники и массирова-

*) Не только „подсчет сил“ играл роль в этом, но и другие обстоятельства: совпадение интересов и пр. Ред.

нием сил. Однако, в 1914 году, к началу войны, в этой области было еще очень мало сделано.

Наиболее важные открытия были достигнуты в разгар самой войны. Какую цель они преследовали?

Основная их задача была—уничтожить живую силу противника, создав на своей стороне перевес технических сил и средств. Это положение стало вполне очевидным, в особенности, после проигранных немцами Марнских боев 1914 года. Они поняли со всей очевидностью, что, при условии участия с обоих сторон массовых армий, достигающих миллионов людей, поставленных под ружье, искать решения боя одним маневром почти невозможно и ничего не даст. Одним большим сражением войны не выиграть. Это обстоятельство, а также и др., в том числе соображения экономического характера, „война на истощение", со всей очевидностью, должны были привести воюющие стороны к необходимости перейти к позиционной войне, со всеми ее особенностями и последствиями, а, следовательно, к необходимости технических усовершенствований, ради достижения успехов, ибо обе стороны так добросовестно врылись, что дальнейшее движение стало затруднительным. Лишь путем развития техники можно было надеяться достигнуть перевеса над противником и сломить его волю и дух. Весь расчет был построен на том, чтобы новшеством парализовать психику врага, и, держа его в состоянии хронического испуга, заставить отказаться от дальнейшей борьбы. На этом были построены все расчеты немцев, когда ими впервые были применены в полевой войне мортиры (гаубицы) больших калибров, а позже были выпущены удушливые газы; того же стремились достичь союзники, выпустив свои сухопутные броненосцы—танки. Одновременно с этим, конечно, преследовалась цель массового уничтожения живой силы противника. Ни одна кампания, с точки зрения боя, не велась в таких условиях беспримерного напряжения нервной системы, как война 1914—1918 годов, в особенности, на западном французском фронте.

Полководец Гинденбург, кумир всей германской армии, недаром сказал, что „победит тот, у кого крепче нервы", т. е. тот, кто окажется способным до конца сохранить стойкость и твердость, у которого хватит силы воли бороться до конца.

В тот год, когда началась мировая война, еще никто в армии не мог предполагать, что со временем одним из самых сильных факторов в бою явится психологическая сторона, и что она сможет, в силу условий боя, построенных на развитии техники, сыграть роль на исходе самой кампании. Побежденная Германия не могла тогда еще предполагать, что сочетание техники с этим фактором сможет, при совокупности известной политической обстановки, привести ее

к капитуляции. Победитель же не подозревал, что развитие техники, действуя на психологию противника, явится фактором, ускоряющим его разложение. Правильность этого не требует доказательств, оно очевидно само собой.

Если проследить ход событий, то увидим, что уже в 1916 году, в глазах германского народа, война становилась безцельной, он внутренним чутьем понимал, что он победить не может. Когда состояние душевного маразма германской армии доходило до высшего предела, руководителям приходилось изобретать новые дешевые победы на второстепенных фронтах для поднятия духа. Для этой цели пускалось все в ход, и, в первую очередь—техника.

Но это средство, дававшее в начале кампании известные результаты, уже к концу войны не могло больше служить наркозом. Техника, при всем ее развитии, повидимому, также достигла высшей кульминационной точки и не была в силах дать новые средства; рессурсы страны иссякли, политические события, назревая, развивались своим чередом, и для каждого становилось очевидным, что крах неминуем.

Даже события на нашем фронте, приведшие к развалу старой царской армии, и те не могли спасти Германию. Уже в 1916 и в начале 1917 годов, от большинства пленных немцев приходилось слышать разочарованность в войне и отсутствие веры в возможность победить. По рассказам пленных, они воевали механически, по чувству заученного долга, по примеру кадрового офицерства и унтер-офицерства. Стимулов для борьбы не было. В то же время союзники, пользуясь своим превосходством в силах и средствах, прогрессивно увеличивающихся, и свежими силами, были в состоянии поддерживать в своих войсках дух бодрости и веру в победу. Лишь этим самообманом и разжигаемым национальным антагонизмом можно себе об'яснить то, что армии Франции и Англии продержались до конца.

Кончилась война. Оказались победители и побежденные. Обе стороны стали подсчитывать итоги своих потерь. Одновременно пришлось приступить к анализу элементов боя.

Что дала нам война 1914—18 годов?

Богатейший материал по исследованию всевозможных технических средств и их применению, по ведению позиционной войны полукрепостного типа, по применению авиации, подводной войны и т. п. Весь этот богатый и весьма ценный материал еще не учтен полностью, а сделанные из него тактические выводы не носят еще законченного вида, но они есть. А в отношении психологии боя,—что дала нам война 1914—18 годов, и дала ли она что-нибудь? Стоит ли на западе, вообще, этим заниматься, и будет ли эта сторона принята во внимание? Прямых указаний нет, но надо полагать, что стоит.

Война 1914—1918 г. стоила обоим сторонам огромных жертв. Многие сложили свои головы на поле брани, многие оказались на всю жизнь калеками. Может ли это остаться незамеченным, пройти бесследно. Конечно, нет. Это должно сказаться на психике бойца. Тот, кто вышел из этой бойни целым, кто судьбой убережен, тот не захочет повторения пройденного. В этом отношении можно, почти с уверенностью, сказать, что повторения такой войны, какой была война 1914—18 г.г., быть не может.

Причины ясны: народа теперь вторично на такую бойню не поднять. В силу эволюции мысли и событий в России можно считать, что он не пойдет, а кроме того, слишком дорогою ценою дается такое напряжение, которое, к тому же, ведет страну к обнищанию. Следовательно, с точки зрения буржуазных государств, которые над этим задумываются, войны будущего не могут вестись в рамках бывшей мировой войны, ни по числу выставленной на поле сражения живой силы, ни по числу произведенных затрат. А это обстоятельство обязывает, в таком случае, искать выхода заменой этой живой силы—машиной.

Этим машинизмом державы Европы могут надеяться компенсировать отсутствие живой силы в лице народных масс, которую будет все труднее поднять и заставить с оружием в руках отстаивать чуждые ей интересы. Поэтому, вполне понятно стремление всех к изучению и развитию техники. Это стремление станет еще более очевидным, если учесть тот переворот, который внесла с собой гражданская война.

У буржуазных правительств должен, с еще большей очевидностью, встать вопрос о возможности, в будущем, поднять народ на новую войну, заставить рабочих и крестьян встать на защиту чуждых им интересов. Вместе с тем, страны запада должны будут задавать себе вопрос, каким образом и чем обеспечить себе возможность вести борьбу, если бы им пришлось столкнуться с фактом необходимости оказать противодействие пролетариату, отказывающемуся от кровопролития и войны, в какую бы форму это противодействие, т. е. в активную или пассивную борьбу, ни вылилось, или в случае необходимости выступить против восставшего народа. Одним из выходов из этого положения может быть широкое применение техники—замены человека машиной.

Этот машинизм, дающий экономию живой силы, позволит, в случае надобности, привлечь к активному участию в войне лишь известный круг лиц, заинтересованный в войне, не подымая широких масс населения.

В этом отношении автор статьи „Новые факторы, формы и проблемы“ А. И. Кук, вполне прав, подчеркивая значение машинизма и его роли в будущих войнах.

Этот машинизм позволит странам запада считать себя обеспеченными, в отношении удержания в своих руках власти, постольку, поскольку он разрешает вопрос численного сокращения армии, допускающего держать меньшее число людей под ружьем и держать наиболее подходящий по воззрениям и убеждениям элемент, на который правительство в состоянии опираться, в случае надобности.

Машинизм, в данном случае, позволил бы решить, до известной степени, вопрос создания специфической по духу и составу армии, своего рода буржуазно-классовой армии, преданной интересам своего правительства и способной их защищать. Но, конечно, такая армия не может быть численно большой, ибо наибольший процент населения всякой страны—рабочие и крестьяне, которые будут ей чужды и, по существу, не должны, в силу вышеизложенного, войти в ее состав. Пока что эта проблема, в целом, осуществлена быть не может, и поэтому мы видим, что большинство из стран выходит из положения тем, что параллельно с регулярной армией, по существу, убеждениям и чуждой своим правительствам, создает охранную гвардию (Финляндия), оргеш (Германия) и т. п.

Со временем, возможно, что эти разновидности фактически поглотят регулярные армии и консолидируются в кадры белых войск, на которые и ляжет вся тяжесть вооруженной охраны страны.

Могут ли они быть численно большими? Естественно, нет.

Чем можно заменить их численность? В первую очередь—машинами. Это позволит затратить на организацию такой охраны малое число людей и, в случае необходимости, все же давать бои на больших пространствах и противостоять первоначальному натиску противных масс. Ведь техника может дойти до того, что один—два человека будут в состоянии управлять огнем целой пулеметной или орудийной батареи, и чтоэти батареи будут автоматически передвигаться. Человеческой мысли, дошедшей до завоевания воздуха, эта задача не из трудных.

А зачем это нужно? Да потому, что странам запада надо будет считаться в будущем с двумя факторами. Первый—это столкновение с массой, в лице пролетариата своей страны, стремящегося овладеть правительственным аппаратом, и, как следствие этого, вопрос столкновения с массой пролетарской Красной Армии рабоче-крестьянского правительства, выручающей их в борьбе за власть.

В обоих случаях меньшинству придется выдержать натиск большинства. Не касаясь вопроса тех форм, в которые выльется эта борьба,

не подлежит сомнению, что единственным якорем спасения явится машинизм, ибо он лишь заменит недостаток живой силы, которой пришлось бы пополнять ряды армии.

Это положение, смею считать, окажется в одинаковой степени справедливым и при условии ведения войны двух буржуазных правительств между собой, при пассивности пролетариата, лишь частично втянутого в войну, но не способного еще к открытому выступлению. Опять таки и здесь якорем спасения явится машинизм войны. Влияющим психологическим фактором, в данном случае, явится элемент вынужденного отстранения правительством пролетариата от участия в войне и втягивания его в таковую в случае крайней необходимости и постепенно, лишь после соответствующей обработки, растворив его в своих надежных кадрах.

Все вышеизложенное дает право считать, что на западе, при всех положениях, машинизм сыграет крупную роль и в эту сторону будут направлены все помыслы военных и ученых. На нем должна будет быть построена оборона и защита страны. Он же (машинизм) позволит сократить численность войск и приведет к созданию новых форм и приемов ведения войны и боя. Это же должно будет внести и соответствующие изменения в самый стратегический план подготовки к войне и обеспечению правительству сохранения в своих руках власти.

Если учесть общее развитие военной промышленности на западе и тот богатейший опыт, которым она обладает, станет очевидным, что дальнейшее ее совершенствование будет идти быстрыми шагами вперед. В этом отношении одни будут конкурировать с другими, доходя в некоторых отношениях до виртуозности, в смысле достигнутых результатов.

Это будет тем козырем, которым они будут обладать в противовес странам с отсталой военной промышленностью и техникой. В частности, это коснется больше всего нас, ибо в случае столкновения с западом нам придется на себе испытать всю силу и значение техники и машинизма. В этом отношении не без'интересно проследить, насколько это отразится на нашей подготовке, насколько повлияет на психическую сторону, и что следует сделать или предпринять, чтобы амортизировать эти положительные стороны наших возможных противников.

Вместе с тем, необходимо коснуться вопроса тех факторов, которые дадут в наши руки определенное превосходство по сравнению с противником.

Будущие столкновения, если они будут, рисуются в определенной плоскости классовой борьбы, борьбы двух течений за власть. На

одной стороне окажется старый строй, в лице западной Европы, на другой—Советская Россия. Это классовое столкновение, поскольку его возможно ожидать в ближайшем будущем, явится и столкновением массы против техники. На стороне запада окажется небольшая армия, великолепно снабженная по последнему слову науки, на нашей стороне,—будет отсталая техника, при наличии безусловного численного превосходства. Причины этому соотношению указаны выше.

Утешать себя этим численным превосходством не приходится, ибо врял-ли кто будет отстаивать принцип удушения массою. Это наиболее слабый и наиболее рискованный путь, как вырывающий наибольшее число жертв. Следовательно, надо искать иной путь. Этим путем явится всестороннее изучение методов борьбы наших противников, изучение всех технических сооружений, коими они будут пользоваться, изучение политических и классовых соотношений в стране, с задачей, действуя по обстановке, подорвать их изнутри. Опыт войны 1914—18 г. г. показал, что есть возможность всякому новшеству в области техники противопоставить такие формы борьбы, которые ослабят его влияние или сведут его действия к нулю. Во всяком случае армии, дравшиеся на западе, смогли обеспечить себя от потерь при газовых атаках созданием всевозможного рода масок, от пуль с аэропланов и осколков снарядов—металлическими касками, для ближнего боя—вводом, помимо гранат,—цепей с зубчатыми шариками на конце и т. п. Таким образом, всякому нововведению противопоставлялось контр-средство и чем скорее разгадывалась основная тайна техники, тем скорее ей давался отпор.

Из этого следует вывести основное заключение, что нам следует *особо тщательно изучать наших будущих противников, направив все свое внимание на выяснение всех деталей их техники и организации.* Это изучение даст нам возможность наметить, с одной стороны, наиболее приемлемые формы борьбы, иначе говоря, строи, при которых мы будем нести наименьшие потери, встречаясь с тем или иным видом смертоносных орудий; с другой стороны—позволит направить мысль на создание у себя такой техники, которая аннулирует или парализует средства противника. Тот-же опыт Европейской войны показывает, что немцы, в предвидении ее, создали такой тип тяжелой пушки (42 см. мортира, или „укороченная пушка"), которая разнесла вдребезги все крепостные сооружения, что дало им возможность быстрого продвижения вперед, пока в них еще сохранилась наступательная энергия.

Появление танков привело к созданию особой пули и т. д.

Одним словом, зная степень технического совершенства противной стороны, можно, при соответствующей подготовке, считать дело выигранным на-половину.

Следовательно, подготовку армии придется вести, учитывая развитие и превосходство технических средств борьбы на западе, что будет влиять на подготовку, быть может, в большей степени, чем опыт, полученный нами в гражданской войне.

Первое столкновение, с западом, в лице Польши, показало, что даже по отношению к этому, сравнительно слабому противнику, не всегда можно было применять методы борьбы, дававшие успешные результаты на востоке и юге.

В частности, придется обратить особое внимание на индивидуальные качества отдельного бойца, ибо всякая техника преследует цель бить на воображение, подавить духовную сторону боя. В нашу задачу войдет подавить это чувство животного страха, создать разумно мыслящего бойца, способного технике противопоставить свою самостоятельность. Лишь в таких условиях возможная боевая обстановка может обеспечить нам шансы на успех.

Этим способом можно аннулировать отрицательные качества нашей технической отсталости.

Но на нашей стороне имеются и положительные свойства, с которыми придется считаться нашим будущим противникам и которые, в значительной степени, облегчат нам решение боевых задач. При какой бы то ни было технической отсталости мы будем иметь крупный козырь в руках, *в лице сочувствия пролетариата воюющей с нами стороны.* Если он открыто не выступит против власти, то много шансов на его пассивность в борьбе до необходимого момента; при наличии его в армии противника можно считать, что существование таковой будет непродолжительным. *Таким образом, крупным козырем в руках нашей армии явятся те лозунги, с которыми она будет выступать.* Эти лозунги имеют двоякое значение; если они вполне сознательно восприняты и прочувствованы войсками, они послужат импульсом к движению вперед и к геройству, а, одновременно с этим, будут подтачивать сердцевину армии противной стороны.

Следовательно, поддерживать их в рядах армии необходимо, равным образом, как вести пропаганду в рядах противника.

Эта пропаганда явится тем дополнением, которое облегчит нам задачу по уничтожению армии противника, вне зависимости от его технических усовершенствований, и по дезорганизации его тыла. В первую очередь она должна быть направлена на заводы военной промышленности, для прекращения там дальнейшей работы.

Сила Красной Армии должна заключаться в ее морально-духовном превосходстве над противником и в знании ею методов борьбы с техническими усовершенствованиями той стороны.

Со временем, к этому должен прибавиться и рост собственной техники, которой мы пока-что бедны, но работать в этом направлении и натаскивать нашу мысль мы должны.

Таким образом, можно считать, что в будущем работа в армии пойдет по трем направлениям, преследующим цель: 1) Изучения техники противника, 2) соответствующего воспитания армии и развития в ней соответствующего духа, 3) развития пропаганды в рядах противника и создания своего собственного машинизма, который явится хорошим пособником для достижения конечной победы в кратчайший срок.

Теперь посмотрим, действительно ли так опасен машинизм, как о нем многие думают. Если проследить исторический ход событий, то увидим, что во все века никакая техника не в силах была справиться с духовной стороной отдельного бойца; чем она была выше, тем легче доставалась победа.

Чем же иначе об'яснить Суворовский поход через Альпы, как не этим духом, вселяемым его вождем—Суворовым, вдохновляющим своих чудо-богатырей.

Чем об'яснить победы эпохи Наполеона, как не революционным духом! Это же мы видим разновременно и в колониальных войнах, и во времена покорения Кавказа, и в нашу гражданскую войну. Время лишь меняет лозунги и стимулы самой борьбы. Чем эти лозунги выше чем они по своему внутреннему содержанию сильнее, тем крепче дух и энтузиазм способной на все жертвы, в какую бы форму они не выливались.

Красная Армия будет двигаться под флагом освобождения всех трудящихся под лозунгами „мир хижинам, война дворцам" и „вся власть трудящимся". Эти сильные лозунги дадут и соответствующее настроение и под'ем, повысят индивидуальные качества бойца, способные довести его до фанатизма, когда ничто не страшно, ничто не опасно и человек способен на все.

Поэтому, учитывая это обстоятельство, можно смело сказать, что армии, которая на острие своих штыков понесет освобождение всему рабочему классу, как это впрочем уже показал первый опыт 1920 года, техника противника не страшна, лишь-бы только армия была соответственно выучена и подготовлена, ибо без этого никакой личный или массовый героизм себя не оправдает и не окупит.

Н. Варфоломеев.

Движение преследующей армии к полю решительного сражения.

(Очерк).

Введение.

Закончившаяся гражданская война, веденная Республикой на ее многочисленных фронтах, дала богатейший опыт по всем отраслям военного дела.

Этот опыт ждет своих исследователей. Пройдет, вероятно, не мало времени, пока накопившийся обширный материал получит должную обработку и всестороннее освещение. Успешность указанной работы требует фактического ознакомления с архивами и привлечения к работе широкого круга достаточно компетентных лиц.

Однако, уже и теперь, под свежим впечатлением минувших боев и операций, можно и должно попытаться осветить некоторые, наиболее существенные, явления военной действительности и учесть ее уроки, подчас очень поучительные.

Настоящий труд является попыткой разобраться в вопросах, связанных с организацией движения преследующей армии. Не задаваясь целью дать какую-либо стройную и законченную систему, автор стремился осветить те наиболее трудные детали и наиболее больные вопросы, которые вставали перед армейским командованием при преследовании отходящего противника.

Эти вопросы и разбираются в ниже помещенном очерке, причем в своих заключениях автор руководствовался опытом операций, проведенных летом 1920 года одной из наших армий на западном фронте.

I. Общие условия.

Многочисленные операции, имевшие место в минувшей гражданской войне, ярко отразили в себе признаки широкой маневренности. Под флагом этих широко применявшихся маневров крупного масштаба проходили все операции на наших восточном, западном и южном фронтах. И мы, и наши противники, признавая себя вынужденными, в силу тех или иных причин, временно отказаться от наступательного образа действий, не держались за территорию, и, в стремлении оторваться от наседающего противника, уступали врагу обширные пространства. Выждав момент, благоприятный для перехода в наступление, сторона, недавно еще отходившая, двигалась вперед, а победоносно продвигавшийся противник, в свою очередь, уступал не только захваченную, но и часть своей территории. Если же учесть масштабы таких передвижений, то нельзя не согласиться, что амплитуды подобных колебаний фронтов враждующих сторон являлись грандиозными. Примеров этому найдется не мало и в имериалистической, и в недавно минувшей гражданской войнах. Достаточно вспомнить отход германской (из под Варшавы) и австрийской (от Холма) армий в 1914 г., наш отход из Карпат, походы Врангеля, Деникина и Колчака и нашу операцию на западном фронте в июле — августе 1920 года.

Во всех этих операциях всегда можно заметить два резко выраженных для каждой из сторон периода: наступательный, характеризующийся быстрым продвижением вперед на широком фронте, и отступательный, проходящий в условиях такого же безудержного и, зачастую, беспорядочного отхода по всему фронту.

Таким образом, резкие колебания фронта имеют прямым следствием легкость перехода от наступления к отходу и обратно, со всеми, конечно, вытекающими отсюда результатам и для той или иной стороны. При этом, как уже было выше сказано, и наступательный, и отступательный фазисы операций характеризуются стремительным ходом событий. Эта калейдоскопическая смена картин боевой обстановки, эта изменчивость боевого счастья и составляют характерную особенность современных операций крупного масштаба.

Всякий отход есть констатирование факта временного ослабления физических или моральных, а, может быть, и тех и других вместе, сил данной стороны. Воплощенный в реальные формы, отход преследует целью поставить войска (и командование) в измененные условия обстановки, в силу которых можно было бы с известным шансом на успех рассчитывать на лучшее боевое будущее.

Утверждение, что отход, имеющий своим следствием отказ от инициативы, свидетельствует о подчинении воле противника,—не

совсем правильно. Весь вопрос в том, какой предпринят отход, вынужденный или преднамеренный. И если в первом случае нельзя не согласиться с тем, что здесь воля, энергия, дух противника, действительно поколеблены, что условия окружающей его среды могут в логическом своем ходе привести к катастрофе, то во втором случае, когда сторона по тем или иным причинам лишь не выигравшая боя (операции), но не разбитая и поставленная в затруднительное положение, прибегает к отходу, как средству получить выгодное исходное положение,—в этом случае, наоборот, приходится констатировать напряжение воли противника, по прежнему ищущего победы, но только сознательно отдаляющего срок ее достижения.

Выход из боя, отступление, своевременно предпринятое и планомерно проведенное, явится отходом *не разбитых* войск противника. Следовательно, и дух, и физическое состояние живой силы врага будут настолько еще крепки, чтобы с этим можно было бы не считаться преследующему. В таком случае, действия последнего будут значительно отличаться от действий при преследовании разбитого неприятеля, надломленного морально и расстроенного физически. Преследование этого вида может, в результате, привести в более короткий срок к разгрому противника, купленному, к тому же, значительно меньшей ценой. Как бы то ни было, как в первом, так и во втором случаях, преследование должно вестись крайне энергично, с полным напряжением всех сил.

Это преследование, как выяснено выше, должно быть стремительным, ибо таковым же будет и отход противника. Оно должно быть неотступным, дабы не давать неприятелю возможности перевести дух. Однако, при преследовании неразбитого противника, следует считаться с необходимостью выдержать упорный бой с приостановившимся врагом; бой, который потребует больших усилий от войск, только что ведших стремительное преследование, а, значит, утомленных, оторванных от своих тылов.

Эти два последние условия (в целях достижения решительного успеха) необходимо обезвредить. Преследование должно быть стремительным, но в то же время к полю решительного сражения большая часть главных сил армии, ее ядра, должна подойти во всеоружии своих физических и духовных сил и с сосредоточенным, налаженным тылом.

Только соблюдение этих условий даст победу в решительном бою. Однако, совмещение этих двух требований является делом очень трудным, которое потребует большого искусства со стороны соответствующего командования. Все усилия, вся воля последнего должны быть направлены к осуществлению указанных выше параллельных условий стремительности преследования и подхода свежими главных сил.

Умелое разрешение этого очень трудного вопроса и должно выявиться в надлежащей организации движения преследующей армии, той организации, которая в результате приведет к разгрому отходящего неприятеля.

Попытаемся же, основываясь на опыте недавно минувших операций, очертить те мероприятия, которые являются, по нашему мнению, существенно необходимыми для получения наиболее полных результатов наступательного движения преследующей армии.

II. Преследование.

В ходе всяких боевых действий можно проследить перемежающиеся полосы затишья и оживления. Периоды затишья, обычно совпадающие с временами года, мало или совсем неудобными для широких операций (осень, зима), используются каждой из враждующих сторон для усиления себя во всех отношениях. С этой целью развивается энергичная работа по поднятию боеспособности частей, пополнению людского и конского состава, приведения в порядок тыла и т. д. Словом, принимается целый ряд мер, имеющих в конечном счете целью поставить армию в условия полной боевой готовности к переходу—обычно с наступлением теплого времени года—в наступление на широком фронте.

Каждая из сторон зорко следит друг за другом, стремясь не упустить благоприятного момента к развитию максимальной активности. Совершив всю сложную по современным условиям подготовительную работу, выработав определенный план, одна из сторон открывает, так сказать, сезон оживленных боевых действий, и переходя в наступление, завязывает цикл боев, в результате которых, пройдя неизбежную фазу единоборства с целью взаимного ознакомления со степенью стойкости друг друга, враждующие стороны переходят: одна—к отходу, другая—к преследованию. И отход, и, преследование, как это и было уже выяснено выше, протекают в современных условиях крайне широкого фронта и стремительного темпа событий.

Обычно, первое столкновение не дает решительной победы над противником, его разгрома, и неприятель, начинающий отход, представляет собой реальную силу, с которой придется посчитаться в последующих боях и уничтожение которой потребует не мало усилий.

Эту черту—упругость сопротивления противника, способность оправляться после неудач, упорство военных действий—необходимо учесть вообще при наших будущих войнах. Если Красная Армия сильна своим революционным сознанием, каковое является могучим источником, питающим дух наших войск, если наша армия опирается на класс трудящихся, воодушевленный стремлением отстоять завоеванную свободу, то наши возможные „регулярные“ противники их

армии, сильны лучшей выучкой, богаче нас техническими средствами войны, являясь же орудием буржуазии, они частично обработаны ею в шовинистическом духе и искусственно привитых понятиях национального патриотизма. Словом, решительная победа, как в результате операции более или менее крупного масштаба, так и в итоге всей кампании (войны), может быть достигнута лишь при исчерпании всех ресурсов сопротивления враждебной стороны. Победу получит тот, кто доведет своего противника до полного отчаяния, заставив признать его армию и руководящие классы, что дальнейшая борьба—безнадежна и бессмысленна. Итак, вслед за рядом первых столкновений последует более или менее длительное преследование и подход к полю решительного сражения.

Преследование, имеющее основной целью поставить неприятеля в условия, обеспечивающие преследующему выигрыш решительного боя, должно вестись с полным напряжением сил. Прежде всего, преследование должно быть неотступным, т. е. таким, которое заставило бы отходящего неприятеля все время чувствовать тяжелую, грозно занесенную для сокрушительного, финального удара руку преследующего. С этой точки зрения преследование должно вестись, так сказать, непосредственно, быть непрерывным и дать скованность действий неприятеля на всем фронте его отхода. Следуя по пятам противника, преследующий непосредственно влияет на волю и действия отходящего. Вися над ним, он со всей силой очевидности вселяет в сознание отступающего представление о непрекращающейся опасности, о близости возможной катастрофы. Эта игра на нервах, взвинчивая войска отходящего противника, создает склонность к панике и затрудняет управление. Переходя на аналогию, непосредственность преследования можно сравнить с травлей охотничьими собаками, преследующими раненого волка и кусающими его то в правый, то в левый бок, то за ноги, то за морду. Раз'езды, передовые пехотные части, брошенные вперед части конницы, броневики, самокатчики, аэропланы— все это роем должно кружиться над отходящим, не давая ему отдыха, стремясь пробраться в тыл, и, ежеминутно, напоминая ему о своем присутствии.

Преследование, как таковое, должно быть непрерывным, ибо оно основано на порыве, а последний, как известно, „не терпит перерыва“. Лозунг „не давать отдыха“ необходимо применять во всей полноте. Всякое промедление, всякая заминка, вредны. Они дают противнику возможность оправиться материально и поднимают его упавший дух. Они опасны, как всякий кризис, ибо могут повлечь за собой упадок энергии у войск преследующего. Ни утомление войск, ни расстройство тыла не могут служить оправданием перерыва или даже замедления преследования. Для ослабления этих невыгодных для преследующего явлений необходимо принять все надлежащие меры, но преследование должно вестись непрерывно и по своему темпу строго соответствовать

темпу отхода. В этом отношении интервалов быть не может. В июле—августе 1915 года V армейский корпус, в связи с общей обстановкой на фронте 5-ой русской армии, отходил в течение месяца с линии р. Нарев в район Белостока; отходил без патронов, и, главным образом, артиллерийских снарядов, которых тогда совсем не было, если не считать жалких 15—20 шрапнелей и стольких же гранат, имевшихся в запасах легких батарей. Так же обстояло дело и в тяжелой артиллерии. Русские батареи, хотя и становились на позиции, но фактически огня почти не вели, стрелять же по немецкой артиллерии им было даже категорически запрещено. Все это, конечно, не могло не действовать угнетающе на дух пехоты и обо всем этом, конечно, не могли не знать немцы. И хотя это обстоятельство являлось большой подсобной данной для развития решительного и непрерывного, как по времени, так и по напряжению, преследования, тем не менее организация такового со стороны немцев оставляла желать лучшего. Простояв на месте 2—3 дня, выдержав губительный по своей силе немецкий артиллерийский огонь и отбив несколько пехотных атак, части V корпуса в следующую за тем ночь делали скачек в 30—40 верст и останавливались, на выбранном заранее рубеже, готовыми снова встретить врага.

Этот последний, однако, заставлял себя ждать. Обыкновенно только к вечеру первого дня перед фронтом отошедших частей появлялись неприятельские разведчики, шедшие за нашими передовыми частями. За ночь (к утру второго дня) уже подходили передовые пехотные части, затем появлялась артиллерия, которая и открывала свой огонь с открытых, в большинстве, за безнаказанностью, позиций, примерно, в половине второго дня. Такая медлительность преследования, его прерывчатость, необоснованная осторожность, излишняя методичность приучила части V корпуса, как к беспрепятственности самых ночных отходов, так и к полной возможности более или менее устроиться на новых позициях. Это было на руку нам, но лишало немцев полноты успеха. Если бы они, вместо такой, слишком осторожной системы преследования, не оправдываемой к тому же обстановкой, вели бы его решительно и непрерывно, вводя сразу в бой достаточные силы, сбивая с позиций, не давая на них задерживаться, результат был бы, вероятно, иной. Итак, в выводе, в смысле непрерывности, должен быть полностью соблюден закон равновесия: стремительность отхода должна сопровождаться стремительностью же преследования. Помимо непосредственности и непрерывности преследования, необходимо организовать [и вести его так, чтобы оно дало скованность противника по всему фронту его отхода. Всеми силами и средствами надлежит скрутить руки неприятелю, завязать ему глаза, оглушить его, и растерянного, ошеломленного, плохо отдающего себе отчет в происходящем, отдать его в жертву главным силам армии преследующего.

Эта связанность действий на всем фронте отступающей неприятельской армии должна быть достигнута за счет об'единения усилий частей, ведущих непосредственное преследование, но отнюдь не равномерного распределения сил по фронту преследующей армии. Всякий шаблон должен быть оставлен. Равномерное уплотнение фронта преследования не только бесполезно, но и вредно. Все начальники, от высших и до самых младших, каждый в пределах своей компетенции, должны отдавать себе отчет, какие из направлений преследования наиболее важны и требуют большего расхода сил.

Это условие требует точного и широкого представления об обстановке и правильной ее оценки—с одной стороны и ясного понимания задач преследования—с другой. Надлежащее знание обстановки требует знакомства не только с тем, что происходит на фронте данного войскового соединения, но и в отношении своих соседей, или, по крайней мере, их смежных флангов. Это раз. Во вторых, изучая об'ективные признаки возможных перемен в ходе боевых действий (данные о материальном и моральном состоянии войск противника, общие политические факторы, ресурсы неприятельского тыла и пр.), надлежит полностью учесть и *назревающую* обстановку, т. е. обстановку ближайшего будущего. Детально зная текущую и разбираясь в условиях грядущей обстановки, командование получит данные для правильной оценки боевой действительности и примет решения, отвечающие условиям ясного понимания задач преследования, вообще, и установления наиболее важных направлений этого преследования—в частности.

К выбору таких направлений следует отнестись с полным сознанием важности этой, в высшей степени ответственной, задачи. Надо помнить, что каждое выбранное направление, в силу важности своего значения, потребует известного и, притом, относительно плотного обеспечения живой силой. Чем больше направлений, тем больше и расход сил. Отсюда ясно, что расход сил должен строго отвечать действительной важности выбранных направлений. Их не должно быть много, так как помимо большого расхода, это приведет и к нежелательной разброске сил.

Важность выбранных направлений должна характеризоваться наибольшей выгодою для преследующего и опасностью для отходящего. Говоря образно, они должны быть жизненными нервами в организме отступающей армии. Один нажим на такой нерв должен вызывать известное сотрясение всего организма или части его. Поражение же одного важнейшего, или одновременно нескольких менее важных, должно повлечь за собою полный или частичный паралич (смерть) всего организма.

Переходя на конкретную почву, следует отметить, что такими направлениями будут:

1) Выводящие на пути сообщения отходящего противника (ж. д. узлы, важнейшие переправы, шоссе); бросая вперед конницу или

маневрируя пехотой, следует стремиться перехватывать жел. дороги и шоссе и взрывать мосты. Подобные действия, отдавая в руки преследующего богатые трофеи, расстраивают материально и угнетающе морально влияют на отходящего. Вместе с тем, они вносят дезорганизацию в план отхода, отклоняют отходящего от выбранных путей отступления, ставя самый выбор этих путей в зависимость от действий преследующего, который, конечно, постарается использовать это обстоятельство целиком в свою пользу. Таким образом, правильный выбор в каждом частичном случае направлений преследования не замедлит оказать свое влияние. Примеров этому найдется достаточно в летней операции (июль—август 1920 г.) 16-ой армии. Так, 10 стрелк. дивизия, снизившись на юго-запад и перерезав 9 июля частями 28 бригады железную дорогу Бобруйск—Минск у Новоселки и частями 30 бригады у ст. Талька, захватила здесь большое количество подвижного состава и, вместе с тем, ускорила отход 14 Великопольской дивизии из укрепленного Бобруйского района; 11 июля, в боях к юго-востоку от Минска, левофланговые части 8 стрелк. дивизии перехватили в районе ст. Михановичи жел. дорогу Минск—Пуховичи, захватив при этом бронепоезд противника. В боях на линии старых германских позиций, окончившихся прорывом их, эскадрон 8 кав. полка, брошенный в район м. Ляховичи, взорвал железнодорожный мост через р. Ведьма и отрезал этим захваченные затем нами неприятельский бронепоезд и 4 груженых эшелона. За два дня боев (19—20 июля), в итоге действий, имевших своим об'ектом жел. дороги, захвачено 20 паровозов, 265 вагонов и 1 бронепоезд. 28 июля части 81 бригады, преследуя противника в направлении ст. Гайновка, овладели ею настолько стремительно, что противник не успел взорвать ни ж. д. мосты, ни станционные сооружения, оставив к тому же в наших руках богатейшую материальную добычу.

2) Направления в обход пунктов, где вероятнее всего можно ожидать попыток неприятельского сопротивления, с целью задержать продвижение преследующего. Такими пунктами являются города, в коих обычно сосредоточиваются большие склады, для эвакуации которых необходим известный выигрыш времени, переправы через водяные рубежи, параллельные фронту отступающего и пр. С этой точки зрения, преследование должно вестись в стремлении угрозами обходов вызвать ускорение развязки событий. Следовательно, на фронте каждого данного войскового соединения, вне зависимости от его величины, направления преследования надлежит избрать с расчетом выхода на фланги неприятельских групп, обеспечивающих эвакуацию данного пункта, удерживающих известные переправы, словом, сосредоточиваемых в районах, важность которых для противника в состоянии заблаговременно ориентировать преследующего в возможных усилениях здесь упорства отходящего.

3) Направления, выводящие на фланги и тыл рубежей, очевидно выгодных отходящему для задержки преследующего. В силу этого

надлежащему командованию следует, при оценке обстановки, заглядывать вперед и, пользуясь данными всех видов разведки и карты, определить рубежи, по свойствам своим могущие в ходе преследования сыграть роль тормазов. В этом случае, скованность противника на фронте его отхода и энергичное, непрерывное воздействие на его фланги (если нужно—с помощью соседей) заставят неприятеля проскочить намеченный им для остановки рубеж.

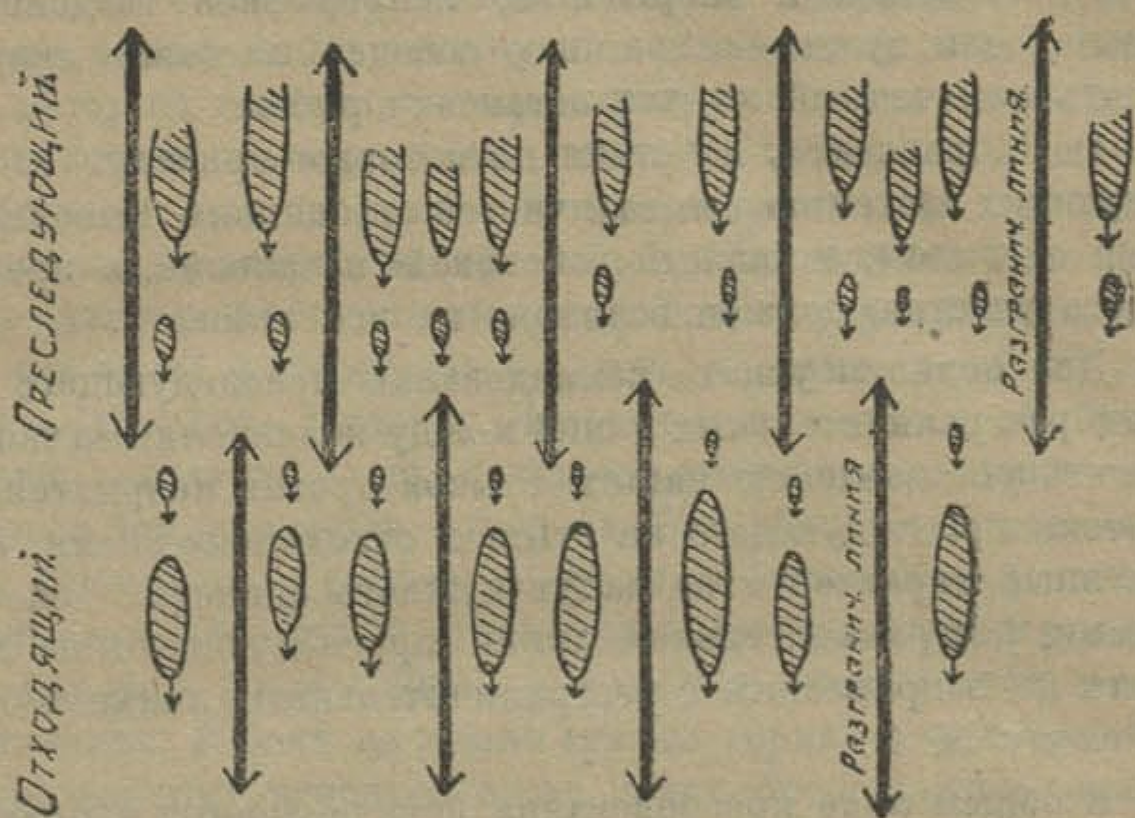
4) Направления, действия по которым приведут к ударам преследующих частей *по стыкам* частей отходящего. Выгоды этих направлений очевидны, и каждый войсковой начальник, в пределах своего боевого участка, должен всемерно их использовать.

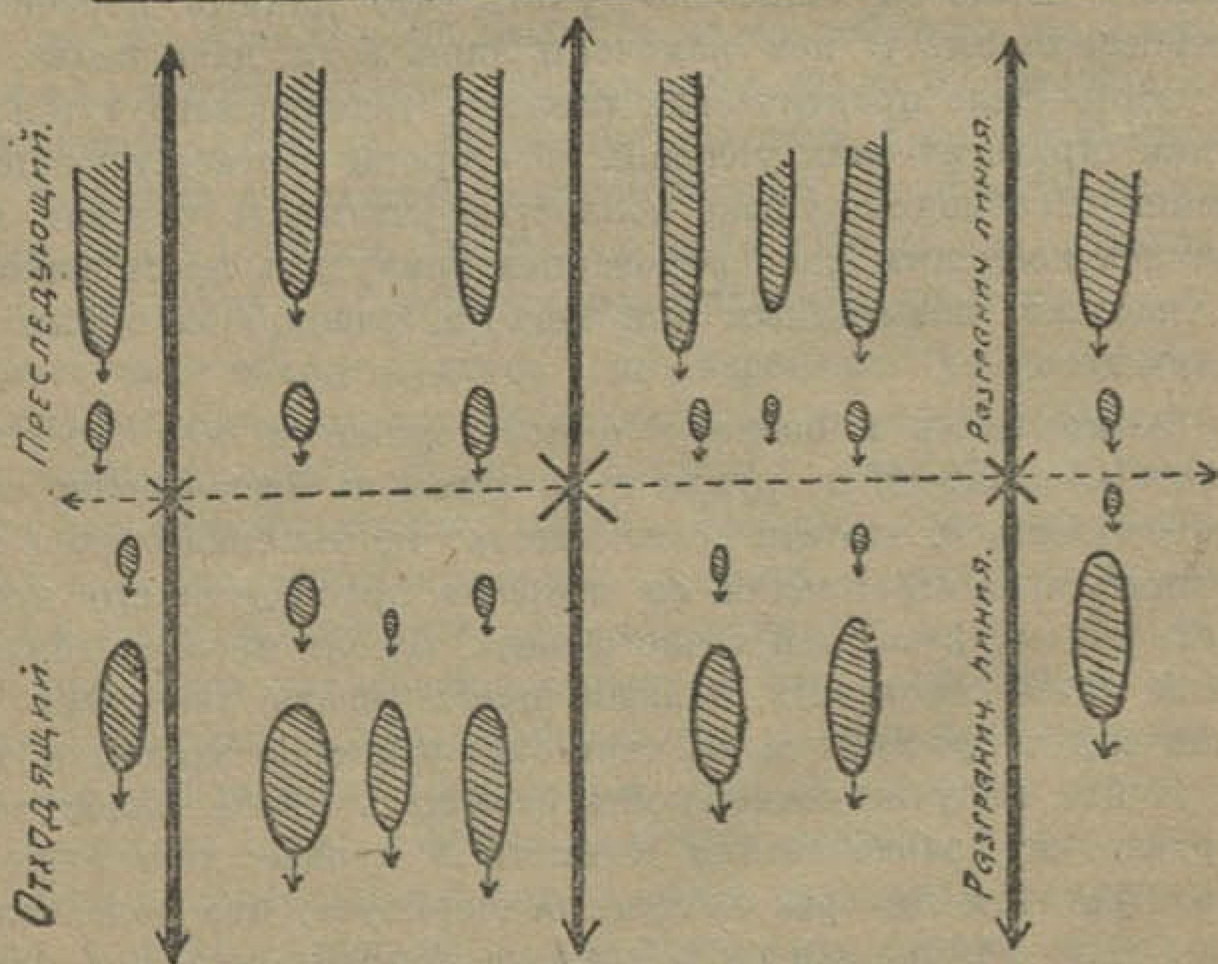
Для полноты успеха командованию преследующего при установлении разграничительных линий между подчиненными частями, должно избегать установления наших стыков против неприятельских, иначе действия преследующего на стыках отходящего сами получат разрозненный характер и не дадут нужного единства действий. Иными словами, разграничительные линии преследующего не должны совпадать по направлению с разграничительными линиями отступающего (см. схему № 1).

В общем ходе преследования перечисленные направления явятся наиболее действительным приложением потенциальной энергии преследующего. Было бы ошибочно думать, что данный перечень служит исчерпывающим. В нем намечены лишь вехи, дана канва, вышивать же узоры—дело практических навыков, тактического чутья и здравой оценки стратегических условий со стороны соответствующего командования. Необходимо также полностью учитывать условия местности, стремясь искусным маневрированием принудить противника отходить по участкам, невыгодным для него, а, значит—выгодным для преследующего.

Возвращаясь к вопросу о необходимости для преследующего связать неприятеля по рукам и по ногам на всем фронте его отхода, надо условиться, что эта „связанность“ противника отнюдь не должна выражаться в стремлении со стороны преследующего прилепиться к отходящему в каждой точке фронта. Фронт преследования, в отношении своей плотности, должен преследовать известную гибкость. В нем будут прорывы и, за счет образующейся экономии сил, преследующий получит возможность насыщать живой силой важнейшие направления преследования и иметь в кулаке достаточно сильное ядро. При этом еще раз следует подчеркнуть, что подобная группировка, конечно, должна быть принята при условии полного соответствия обстановке. Надо взвесить и использовать все данные, обеспечивающие преследующему возможность иметь свои силы рассредоточенными по фронту и имеющими нужную глубину. Условия местности, степень деморализации противника, правильно выбранные направления—все это в совокупности облегчит преследующему, с малым

расходом сил на преследование, вести таковое энергично и неотступно и позволит в то же время сохранить большую часть своих сил свежими в момент подхода к полю решительного боя.

При правильной, всесторонней оценке обстановки командование преследующей армии, в большинстве случаев, сможет держать развернутыми на фронте часть дивизий, входящих в состав армии, держа остальные свернутыми в армейском резерве, что, помимо гарантии

подвода к полю решительного сражения свежими хотя бы части сил, послужит средством парализовать неблагоприятные резкие изменения текущей обстановки. Частями, на долю которых выпадает задача непосредственного преследования отходящего противника вне поля сражения, явятся авангарды колонн преследующей армии. Нормально это будут авангарды стрелковых бригад. Следовательно, перед фронтом движущейся вперед армии будет выброшена сеть авангардов, выполняющих каждый свою частную задачу, но об'единенных в достижении общей цели—поставить противника в условия наиболее для него неблагоприятные в момент завязки решительного сражения.

Задачи, сила, состав, удаление и способ действий авангарда получили достаточно широкое освещение в военной литературе. Условия современной боевой действительности не внесли значительного корректива. Тем не менее, не лишним явится бегло просмотреть эти вопросы.

Основными задачами авангарда будут:

1) Вися над отступающим противником, служить постоянной угрозой его флангам.

2) Боем сбивать неприятельские части, пытающиеся уцепиться за местность.

3) В случае ввода в дело значительных неприятельских сил—завязать бой, преследуя подготовку благоприятных данных для вступления в бой главных сил. В этом случае авангард образует как бы остов всего боевого порядка того войскового соединения, от которого он выслан.

4) Вести непрерывную разведку.

В общем, авангарды уже одним фактом своего наличия угнетающе действуют на психику отступающего противника и выполняют свою роль „толкача“ не столько боем, сколько всегдашней угрозой применить этот бой, а, значит, спутать карты неприятельского командования. Влияя же на движение неприятеля, авангард явится (по крайней мере, должен явиться) „регулятором“ его движения при отходе.

Вообще говоря, авангард (авангарды) должен быть достаточной силы, отнюдь, однако, не в ущерб численности главных сил, ибо только эти последние своим решительным, энергичным натиском в состоянии или разгромить остановившегося и принявшего бой противника, или же вынудить его продолжать дальнейший отход в условиях еще большего беспорядка. Если же главные силы колонны, ее ядро, не будут достаточно сильны (ослабленные выделением слишком сильного авангарда), то бой со стороны преследующего примет характер ввода в действие сил пакетами, что, конечно, не может дать решительных результатов. В силу своих задач авангарду необходимо в корне пресечь всякие попытки неприятеля, хотя бы временно, задержать наше продвижение; тем более авангард должен быть крайне решительным в своих действиях при намерении противника, осев на избранном

рубеже, вступить в бой с целью склонить на свою сторону весы боевого счастья. Успешное и быстрое разрешение указанных задач требует включения в состав авангарда сильных огневых средств, другими словами, артиллерии достаточного состава, дабы ее огнем парализовать огонь (и, главным образом, ружейный и пулеметный) неприятеля и этим, проложив дорогу своей пехоте, сковать пехоту противника.

Конница нужна для разведки, придачи передовым охраняющим частям и для связи. Она по своему составу должна быть тем более сильна, если старший начальник все дело разведки на фронте данного войскового соединения передает в руки начальника авангарда.

Применение броневых средств и самокатных частей (в благоприятное, разумеется, время года) в высшей степени облегчит действия авангарда, сообщив им нужную дерзость и подвижность. В состав броневых отрядов было бы очень полезно включать несколько грузовиков с пехотой, которые, прикрываясь огнем броневых машин, могли бы выбросить пехоту для углубления и закрепления эффекта действий бронеотрядов. Что же касается самокатных частей, то при правильном их использовании (целесообразной постановке задач) авангард имел бы решительное средство для внесения паники в ряды отходящего неприятеля, захвата его батарей и пр. Наконец, пехота—этот костяк авангарда—должна быть достаточно сильна для удара по пехотным массам неприятеля (его остановившихся или пытающихся остановиться арьергардов). В случае попытки противника переходом в наступление крупными силами приостановить продвижение преследующего, пехота авангарда должна оказаться в состоянии занять достаточно широкий фронт с наличием резервов для противодействия прорывам или же нанесения фланговых ударов.

В общем, в отношении взглядов на силу авангардов в обстановке стремительного преследования, следует избегать шаблонных норм. Тщательно оценив каждое из представляющихся направлений, по которым поведется преследование, надлежит важнейшие из них, при данной обстановке, обеспечить более сильно, за счет других, менее важных, на которых, может быть, будет признано возможным ограничиться высылкой небольших частей, скорее с задачами наблюдения и разведки, нежели активными. Подчеркивается, что оценка направлений должна производиться каждый раз в строгом соответствии с данным моментом и учетом назревающих по ходу операции возможностей.

Итак, авангарды явятся теми щупальцами, кои, выброшенные вперед, протягиваются к горлу неприятеля с целью его частичных удушений. Помимо авангардов, задачу преследования разделит с ними и конница, как дивизионная, так и армейская.

Действия дивизионной конницы при движении преследующей армии выразятся, вообще говоря, в выполнении задач, в непосредственном

поддержании соприкосновения с противником, ведении разведки, обеспечении флангов дивизии совершению набегов и—как неизбежное зло—обслуживании связи. Подвижность конницы позволит выбросить ее за линию авангардов дивизий, непосредственно на хвосты неприятельских арьергардов. В свою очередь, эта конница выделит вперед ряд щупалец—раз'ездов, от взоров которых не должно будет ускользнуть ни одно движение противника. Донесения этих раз'ездов дадут (должны дать) обильный материал разведывательного характера. Вместе с тем начальник дивизионной конницы не должен упускать ни одного благоприятного момента (а таковых при фактическом соприкосновении с противником будет достаточно) для того, чтобы куснуть зазевавшегося врага, отхватить обоз, изрубить батарею и т. д. Крайняя энергия действий, разнообразие их направлений и их дерзость (если нужно) приведут к тесному соприкосновению с противником, создав в его рядах нервную атмосферу постоянного ожидания налетов конницы. Обеспечение флангов дивизий—задача весьма ответственная, требующая от начальника конницы ясного понимания боевой обстановки. Командование дивизии, руководящее ее стремительным наступлением на широком фронте, выбрасывая конницу на тот или иной фланг, должно быть уверенным в соответствующем образе ее действий. Таковой, прежде всего, должен быть активным. Ведя энергичную разведку, поддерживая связь фланга своей дивизии с флангом соседей, конница должна использовать все случаи для уничтожения противника, пытающегося действовать во фланг дивизии или становящегося на пути самой конницы. При этом, надо учитывать вероятные действия неприятельской конницы, которая также будет стремиться выйти на простор. Отсюда полная возможность встречи и боевых столкновений. Так, двинутый в конце июля 1920 г. в направлении на ст. Жабинка, с задачей прикрытия левого фланга своей дивизии, 8-й кавалерийский полк в районе Сехновичи был атакован 1-м польским конно-стрелковым дивизионом; в результате боя неприятельский дивизион был рассеян, отдав пленных, лошадей, обоз и др. трофеи.

К числу наиболее ответственных задач дивизионной конницы при ее участии в преследовании отступающего противника явится совершение набегов в тыл неприятелю. В проведении этих задач более всего отражается активность, дух которой должен пропитывать все действия конницы; ее подвижность облегчит ей быстрое проникновение в неприятельский тыл. Об'ектами набегов, в большинстве случаев, явятся железнодорожные узлы. Вообще, линии железных дорог должны притягивать к себе внимание конницы, и в этом отношении ей не следует дожидаться указок. Взрывая мосты, стрелки, водокачки и пр. сооружения, конница парализует работу железных дорог в тылу противника, нарушая этим планомерный ход эвакуации и лишая неприятеля возможности оперативных перебросок. Пере-

хватывая железные дороги, конница сможет отрезать неприятельские бронепоезда, груженые всяким имуществом эшелоны и пр., каковые, в результате, станут неминуемой добычей преследующего.

Вопросы о надлежащей организации и выполнении набегов получили достаточную разработку, и распространяться о них не приходится. Следует только отметить, что в условиях гражданских войн работа конницы, пробирающейся в неприятельский тыл, будет, при ее нахождении на территории противной стороны, или сильно облегчена сочувствием населения (главным образом—крестьянства) или же, наоборот, до крайности затруднена неприязненным отношением местного населения, охваченного порывом национального патриотизма. И тот, и другой факторы в гражданских войнах находят самое широкое применение и особо резкое проявление, в силу чего с ними нельзя не считаться. Они окажут непосредственное влияние на ход кавалерийского набега, резко облегчив или затруднив ему—сбор сведений о противнике, безопасность движения и отходов, довольствие людей и лошадей.

Таковы, в общих чертах, задачи, выпадающие на дивизионную конницу при преследовании. И если на практике мы видим использование конницы не по прямому назначению и распыление ее для службы связи, то причины этого надо искать в недостаточном усвоении правильных взглядов на работу дивизионной конницы, с одной стороны, а с другой—в ее обычной численной слабости.

Те же задачи, но в более крупном масштабе, выпадут при преследовании и на стратегическую конницу. Ей они более по плечу, так как она численно гораздо сильнее. Крупные конные массы, выброшенные вперед, своими энергичными и умелыми действиями могут оказать существенное влияние, вообще, на весь ход событий. В этом отношении операции армии Буденного служат достаточным доказательством.

Учитывая современные ресурсы, следует считать, что в распоряжении армейского командования будет до одной кавалерийской дивизии. Выделив часть сил для разведки на широком фронте, остальные наиболее рационально использовать для нанесения удара на важнейшем в общеармейском масштабе направлении. Этот удар, вообще говоря, должен преследовать цель могучего толчка, который сообщил бы большую скорость поступательного движения отступающей стороне по всему фронту ее отхода. Он не должен иметь характер частного эпизода и представлять для отходящего опасность местного значения. Определившись первоначально в форме сильного, организованного удара в одной точке, он в дальнейшем принимает характер интенсивных боевых действий на широком, сравнительно, фронте. По мере развития успеха этих действий представляется целый ряд других направлений, по которым и пойдет углубление и расширение успеха. Этот удар конницы особенно важен в момент приближения преследующей армии к полю решительного сражения. Правильный выбор направления удара, сосредоточение больших конных масс, энергия,

и даже дерзость, действий—все должно быть пущено в ход, дабы заставить отходящего проскочить тот рубеж, на котором он намеревался остановиться и дать нам бой; рубеж, возможно, заранее подготовленный, опираясь на который отходящая сторона, подкрепленная прибывшими пополнениями и усиленная техническими средствами, применила бы попытку приостановить продвижение преследующего и боем, в выгодных для себя условиях, склонить на свою сторону весы боевого счастья. Позволить отступающему осесть на таком рубеже, нельзя. И армейская конница—своим ударом по тылам отступающего, должна вынудить его проскочить дальше или же вступить в бой с преследующим в условиях неуверенности в достижении победы. Надо полагать, что и конница отступающей стороны, в предвидении решительного столкновения, также будет брошена вперед с задачами смелым маневром прорваться в тыл преследующего и приостановить его продвижение, действуя затем по обстановке, но стремясь всемерно развить свой успех. Последний будет закрепляться пехотой маневренной группы. Так, в достопамятные дни 16—17 августа 1920 г., поляки, прорвав фронт Мозырской группы, вышли в районе Седлец—Дрогичин—Мельник в тыл 16-й армии, имея впереди пехоты до 5-ти полков конницы, которые и положили начало удару по тылам войск запфронта, действовавшим на Варшавском направлении и севернее. Действуя совместно с партизанами, регулярная польская конница, нападавшая на обозы, внесла полное расстройство в тыл, каковое тотчас же сообщилось и фронту.

Одним из об'ектов действий армейской конницы явятся и железные дороги. Значение последних, роль, которую они играют при отходе, очевидны сами по себе. По ним будет вывозиться все, подлежащее эвакуации и подбрасываться к фронту подкрепления; по ним действуют неприятельские бронепоезда с задачами прикрыть то или иное направление. Ясно, что прекращение железнодорожной деятельности в тылу отходящего поставит его в крайне тяжелое положение и явится одной из насущных задач преследующего. Коннице, в силу ее подвижности, доступно проникновение в тыл отступающего для порчи и разрушения железных дорог. С этой целью ей будет поставлена задача перехвата железнодорожных линий, разрушения важнейших станционных сооружений, взрыва мостов и пр. Для этого данному кавалерийскому соединению (дивизии) указывается известный участок, в пределах которого она и стремится ликвидировать железнодорожное сообщение, обращая при этом особое внимание на разрушение, в первую очередь, крупных железнодорожных узлов. Дивизии должно быть указано общее направление ее действий. В целях большей устойчивости и силы действий конных масс крайне полезно и желательно придавать им бронеотряды.

Армейская конница, находящаяся впереди преследующей армии и выполняющая задачи по дальней разведке, набегам и производству

сосредоточенных ударов на важном направлении, — эта конница, в момент подхода преследующего к полю решительного сражения, должна быть сосредототочена за его одним или обоими флангами. Необходимость этой меры для наступающего обуславливается его стремлением принять группировку, наиболее отвечающую обстановке в момент возможного перелома в ходе боевых действий, того перелома, который может дать радикальную перемену ролей обоих сторон. Сосредоточенная на флангах, армейская конница явится средством предотвращения невыгодных последствий неприятельского маневра и производства собственного, занимая переднее место в рядах маневрирующих войск. С этой точки зрения весьма желательно еще в процессе преследования (и тем более при подходе к месту решительного сражения) иметь резерв армконницы, т. е. некоторую ее часть, свободную от выполнения текущих задач по разведке, набегам и пр. и находящуюся под рукой у армейского командования. На практике, быть может, этого и трудно будет достигнуть, так как придется учесть обычную численную слабость конницы, но во всяком случае, в предвидении наступления решительного момента, такой резерв армконницы образовать необходимо, хотя бы и за счет выполнения конницей ее некоторых задач.

Таким образом, формулируя все сказанное выше о преследовании, как таковом, его характере и организации, следует установить, что преследование должно быть неотступным в полном смысле этого слова, причем выполнение этого условия явится результатом непосредственности и непрерывности преследования. Систематически и энергично веденное, оно даст преследующему возможность сковать отходящего на фронте и угрожать его тылам, нарушая этим планомерность отхода и сообщая действиям отступающей стороны характер полнейшей зависимости от действий преследующего. Авангарды и конница явятся исполнительными органами, на долю коих выпадут задачи непосредственного преследования, конечной целью которого является создание наиболее выгодных для преследующего условий в момент решительного сражения. В силу этого (помимо, конечно, соответственной группировки главных сил и должного выбора направлений при преследовании) действия авангардов и конницы приобретают особо важное значение; частные начальники (авангардов и кавалерийские) должны проявить максимум энергии и инициативы, успех которой будет зиждиться на правильной оценке обстановки и принятии решений в духе общей задачи данного войскового соединения. Правильный выбор направлений преследования и целесообразная, вполне отвечающая ходу событий постановка задач коннице — с одной стороны, и умелое руководство, в связи с твердой волей к победе — с другой, обеспечат преследующему благоприятные условия для вступления в решительное сражение главных сил.

III. Движение главных сил.

Как уже было выяснено выше, отход, а в соответствии с этим и преследование, в условиях современных операций протекает крайне стремительно. Это обстоятельство является первым признаком, характеризующим боевые действия в текущих войнах. Вторым характерным признаком является крайне большая ширина фронта.

Указанные два условия накладывают свой отпечаток на весь ход событий. С одной стороны, отходящий, стремясь возможно скорее выйти из под непосредственных ударов преследующего, спешит в своем отходе, с целью занять рубеж, выгодный для решительного боя. В силу этого, дабы уберечь свою живую силу от частичных поражений, отступающий уклоняется от длительных боев. Но так как ему необходимо разгрузить путем эвакуации свой тыл, то для выигрыша времени он бывает вынужден вступать в бой, с задачей обеспечить успешность и планомерность такой эвакуации. Тактически это выразится в ряде встречных коротких контр-ударов, причем бои будут преимущественно носить характер борьбы за обладание тем или иным населенным пунктом, в районе которых обычно сосредоточиваются всевозможные материальные склады. В первой главе указывалось, что наступающему необходимо заранее учесть это обстоятельство и в ходе преследования так скомбинировать свои удары, чтобы заставить отходящего без особой борьбы проскакивать подобные пункты. Иначе могут произойти нежелательные, и притом относительно большие по времени, задержки в преследовании. Так, в конце июля 1920 г., в упорных боях с остановившейся в районе Пружаны — ст. Линево 14 Великопольской дивизией, преследовавшей целью прикрыть эвакуацию указанных пунктов, части 8-й стрелковой дивизии потеряли более трех суток.

Итак, быстрый отход по всему фронту с боями чисто местного значения — со стороны отступающего и стремительное преследование на широком фронте, имеющее целью заставить проскочить противную сторону все выгодные для нее рубежи и вступить в бой при явно невыгодных условиях — со стороны наступающего и явятся обстановкой, в которой протекают современные — крупного масштаба — маневренные операции.

Суммируя все сказанное выше (в главе I), мы можем прийти к следующим основным выводам:

1) Сдвиг живой силы противной стороны есть лишь начало ее общего отхода и является первоначальным успехом, требующим для дальнейшего своего развития большой энергии, умелого управления и крайне напряженных усилий, так как приходится иметь дело с не разбитым противником.

2) Отход преследует целью вступить в решительный бой, в условиях, для сего благоприятных (местность, полученные подкрепления,

соответствующая группировка сил и пр.). В соответствии с этим, отступающий избегает втягиваться в крупные бои, прибегая к ним лишь для обеспечения планомерности и надлежащей полноты эвакуации своих тылов или для удержания важнейших дефиле на путях отхода. Параллельно с этим, в его глубоком тылу кипит горячая работа по подкреплению фронта живой силой и техническими средствами. Создаются новые формирования, спешно возводится укрепленная полоса. Идут переброски в районы сосредоточения ударных групп, выступление коих должно положить начало контр-маневру.

И по окончании всех подготовительных мероприятий отходящая сторона дает решительное сражение, имеющее определенную цель— изменить в свою пользу ход событий. Наступающий, стремясь в процессе преследования деморализовать неприятельские войска и спутать планы неприятельского командования, стремится в этот период наиболее целесообразно приложить потенциальную силу преследования, ведя его в наиболее важных, жизненно опасных для против-

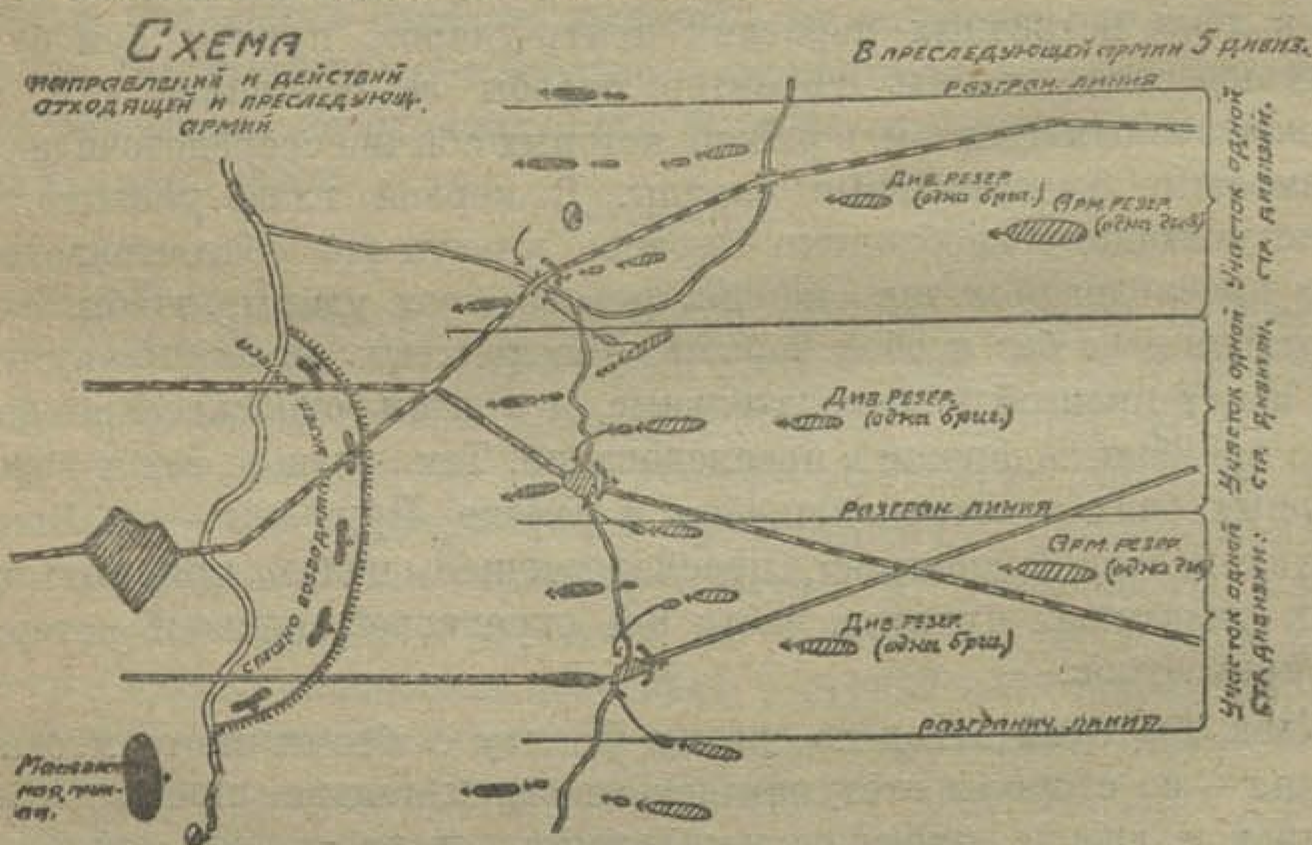

Схема № 2.

ника направлениях (см. главу I). К достижению стратегического успеха он идет по пути правильного, т. е. вполне отвечающего текущей и назревающей обстановке, использования тактических возможностей. Вместе с тем, учитывая предстоящую необходимость окончательного разгрома неприятеля в будущем решительном столкновении, он, экономно расходуя силы на собственно преследование, стремится подвести свою армию (в большей ее части) к полю этого столкновения свежей и с налаженным тылом. Другими словами, у него д. б. значительные резервы. Это обстоятельство позволит ему: а) достаточно быстро сломить попытку последнего сопротивления противника и б) в самом начале ликвидировать неприятельский контр-маневр (см. схему № 2).

3) То решительное сражение, в котором обе стороны приложат все усилия—отступающий для задержки преследующего и перехода затем в наступление, а наступающий—для окончательного разгрома отходящего,—должно послужить логическим завершением всей операции (кампании). Результаты получаются решительные, иных в условиях гражданской (вернее—классовой) войны и быть не может. Отсюда ясна вся важность соответственной подготовки обоих сторон к созданию наиболее благоприятных для себя условий. Для наступающего эти последние должны явиться, в свою очередь, логическим следствием процесса преследования.

Таковы полученные выводы. Второй из них должен быть принят во внимание при организации и ведении собственно преследования. Первый и последний необходимо полностью учесть при подготовке успеха решительного сражения. К этому мы и перейдем.

Стремительный ход развивающихся событий, крайняя подвижность фронта, несоответствие сил с его шириной, политические факторы, трудность надлежащей организации тыла,—все эти характерные особенности гражданской (классовой) войны требуют от наступающего трезвой оценки и учета всех данных, относящихся к противнику. Если иногда одним преследованием удается распылить, разложить, свести на нет живую силу неприятеля (Колчак, Юденич, Унгерн, Семенов), то в других случаях этого не удается достигнуть (Польша, отчасти Врангель). Следовательно, если в первом случае самый процесс преследования становится решающим фактором, то во втором он послужит лишь прелюдией к решительному бою, от исхода которого и будет зависить успех всей кампании. А раз так, то опять таки в первом случае мы можем расходовать все силы и двигаться вперед, не обращая внимания на оторванность тылов; во втором же случае нам придется действовать более осторожно, а может-быть и более медленно. Это последнее обстоятельство властно требует наличия в условиях преследования, ведущегося данной армией, и отхода ее к полю решительного боя—определенного армейского резерва (чем больше—тем лучше). Необходимость подобного резерва очевидна. Его роль и значение в высшей степени велики и важны. Имея его в своем распоряжении, армейское командование в состоянии, в пределах нужной полноты, руководить процессом преследования и, к моменту решительного сражения, создать обстановку, в нужной степени обеспечивающую достижение победы. Армейский (достаточно сильный) резерв сообщит необходимую устойчивость решениям командования и обеспечит надлежащее проведение их в жизнь. Он послужит, так сказать, источником силы воли и настойчивости армейского командования в проведении последним своих планов, как в ходе самого преследования, так и в критический момент начала решительного боя. Опираясь на него, командование преследующей армии в гораздо

меньшей степени зависит от случайностей боевой обстановки или резко-неблагоприятных видоизменений ее, возникающих усилиями противной стороны. Говоря конкретно, только при наличии армрезерва командование наступающей армии сможет опрокинуть замыслы враждебного командования и властно продиктовать неприятелю свою волю в период решающей операции. Только в таком случае будет сообщена необходимая глубина в группировке сил преследующей армии, та глубина, которая позволит не опасаться частных прорывов на фронте и обходов на флангах со стороны отходящего. Наконец, следует добавить, что армейский резерв, не участвующий непосредственно в процессе преследования, имеющий возможность двигаться сосредоточенно, не отрываясь от своих тылов, явится тем могучим кулаком, который облегчит задачу сбить отходящего, при попытке его задержаться на заблаговременно избранном рубеже. Итак, следовательно, ведя стремительное, неотступное преследование отходящего, но еще не разгромленного окончательно противника, наступающая армия должна иметь часть своих сил, не втянутыми в процесс преследования и двигающимися в известном удалении, за передовой линией. Это облегчит подвод этих сил свежими к полю решительного боя, что, конечно, не может не открыть армейскому командованию больших стратегических возможностей, использование которых, опять-таки, осуществимо лишь при наличии некоторого числа свободных свежих сил, т. е. армейского резерва. В отношении численности такового резерва, дать какой бы то ни было шаблон не представляется возможным. Одно лишь можно установить, и к достижению этого стремиться—иметь армрезерв возможно больший.

Вопрос наличия армейского резерва при наступлении преследующей армии, а тем более вопрос его возможно большей численности, является одним из наиболее трудных и сложных вопросов, подлежащих разрешению армейского командования. Этот вопрос тем более осложняется, что: 1) боевые действия приходится вести на крайне широких фронтах, 2) общее количество сил непомерно мало, 3) стремительный ход событий требует крайней быстроты и решительности действий, а в связи с несоразмерностью участков и сил—израсходования последних целиком. Тем не менее, по вышеприведенным условиям, наличие достаточно сильного армейского резерва для пользы дела является жизненно необходимым. В силу этого, при движении преследующей армии, часть дивизий, составляя армейский резерв, должна двигаться в тылу передовой линии, находясь в кулаке и не принимая непосредственного участия в боевых действиях. Это выделение, конечно, в значительной степени ослабит живую силу преследующей армии, небольшую вообще. Тяжесть задачи, падающая на плечи армейского командования, вынужденного оперировать ограниченными силами на больших пространствах, должна облегчаться работой в низах, местной самодеятельностью, проявлением широкого

частного почина, применением в чистом виде принципа полной согласованности действий подчиненных инстанций. Другими словами, успешность действий преследующей армии в целом, с одной стороны, и облегчение управления армией, с другой, в сильной степени зависят от взаимодействия дивизий, ведущих непосредственное преследование, их дружной согласованной работы в духе общеармейской задачи, работы, чуждой тактического „местничества" и исключительного преследования своих узких интересов и целей.

Опыт операций 16-й армии летом 1920 года показал, что затронутый вопрос не был разрешен в нужной степени. В действиях дивизий, входивших в то время в состав армии, не было должной согласованности, той местной, основанной на собственном почине и отвечающей деталям обстановки, согласованности, которая должна была бы явиться результатом работы в этом направлении командования дивизий, а не по указке сверху (со стороны армии). Дивизии, увлекшись процессом преследования, поддавшись непосредственному впечатлению событий на своем участке, слишком замкнулись в круге своих задач и, ограничившись своим дивизионным масштабом, ревниво использовали все лично для них полезное, относясь недостаточно внимательно к разрешению задач, связанных с помощью своим соседям. Преследуя свои цели, стремясь наилучшим образом выполнить свою частную задачу, дивизии ареной всех своих действий считали нарезанные им армейским командованием боевые участки, а на разграничительные линии смотрели, как на нечто абсолютное. Подобная излишняя „привязанность" к своим разграничительным линиям зачастую вынуждала армейское командование настойчиво указывать тому или иному начдиву, не стесняясь границами своего боеучастка, нарушать их в целях оказания боевой помощи соседу. Это обстоятельство возбуждало известное недовольство начдивов, вынужденных в силу этого увеличивать свои боевые участки, что, в связи с недостаточностью сил, конечно, не улыбалось. Оно же служило источником трений между начдивами, давая пищу взаимным обвинениям: одних— в нежелании помочь, других—в отсутствии должной энергии действий. Подобные трения имели место, например, в первых числах августа м. 1920 г., когда правофланговая 27 дивизия, форсировав 4 августа после упорных 3-х дневных боев реку Буг, 6 августа своим правым флангом овладела уже гор. Соколовым. Левый же ее фланг не мог продвинуться вперед, ввиду неуспешности наступательных действий 17 дивизии, и застрял в районе Дрогичина. В силу этого, части 27 дивизии растянулись почти на 50 верст по фронту, обращенному тоже на юго-запад, с сильным уклоном на юг. Правый фланг 27 дивизии висел в воздухе, так как между ним и соседом (левофланговой дивизией 15-й армии) образовался прорыв. Обстановка настоятельно требовала форсирования 17 дивизией реки Буг и энергичного продвижения на запад, что освободило бы левый фланг 27 дивизии, позволило бы

ей растянуть к северу свой правый фланг, и этим восстановить связь с своим правым соседом. Однако, части 17 дивизии, перейдя в наступление 1 августа, в течение 6 дней упорно задерживались противником, и только 6 августа (т. е. в то время, как правый фланг 27 дивизии овладел гор. Соколовым), форсировав реку Буг, 17 дивизия двинулась в западном направлении. Таким образом, 27 дивизия, уже 4 августа форсировавшая реку Буг, к 6 августа занимала линию по правому берегу реки на участке гор. Соколов — Фюрстендорф, имея промежуток около 12 верст между своим правым флангом и соседней с севера левофланговой дивизией 15-й армии. Части же 17 дивизии до 6 августа находились на левом берегу реки Буг. Понятно, что положение 27 дивизии, насчитывавшей к этому времени в своих рядах около $4^1/_2$ тыс. штыков, растянутой на 50 верст и обращенной фронтом в общем направлении на юго-запад (см. схему № 3), было не из

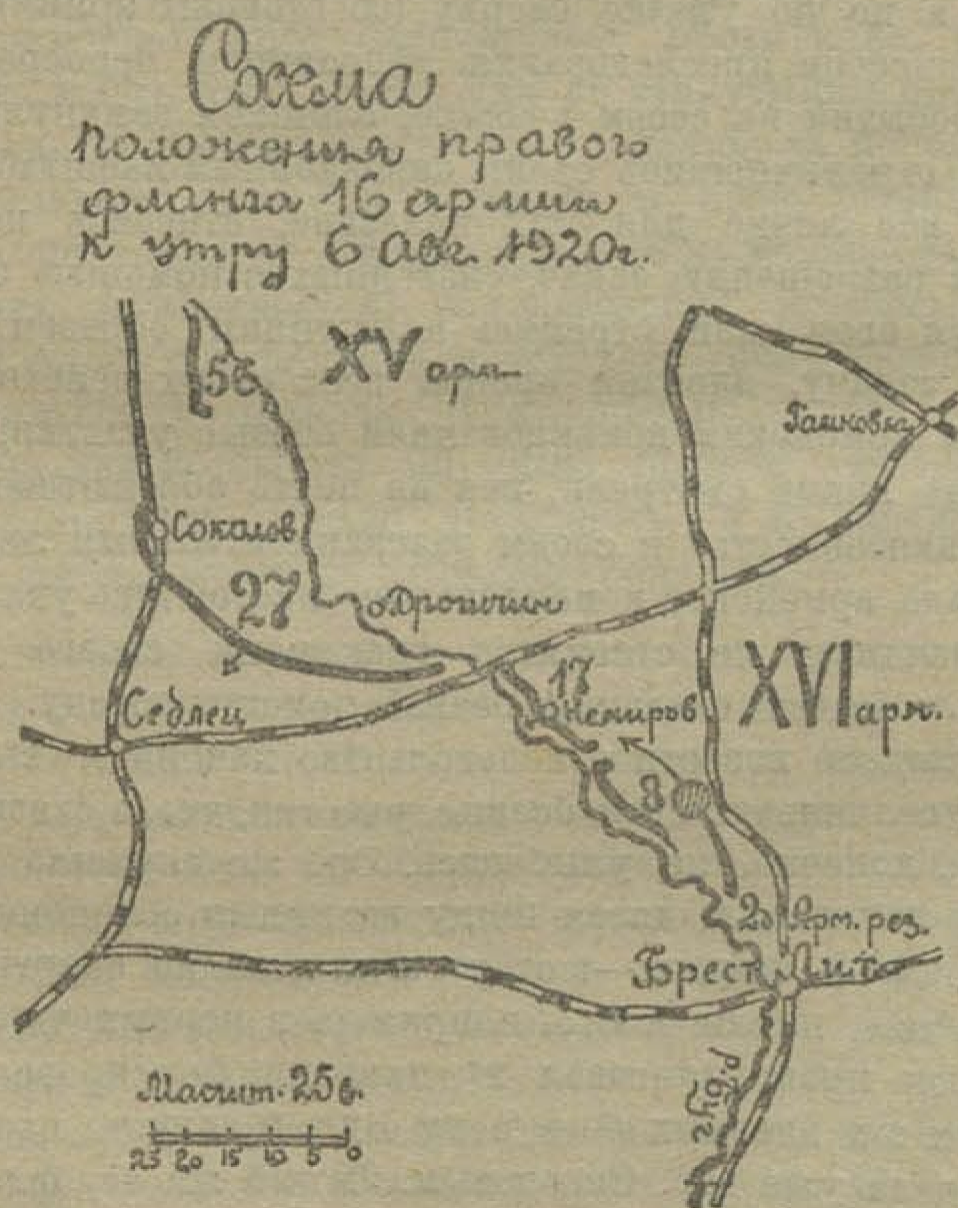

Схема № 3.

легких, а потому становились понятными настойчивые требования начдива 27 к начдиву 17 о более энергичных действиях правофланговых частей 17 дивизии. В свою очередь начдив 17, ссылаясь на утомленность своих частей, их малочисленность и упорство неприятельского сопротивления, пред'являл к начдиву 27 встречные требо-

вания о помощи со стороны левого фланга частей 27 дивизии, путем их наступления с севера на юг, из района Дрогичина, во фланг противнику, занимавшему район к югу от ж. д. Седлец—Гайновка. Эти трения между начдивами 17 и 27 потребовали вмешательства армейского командования, которое и вынуждено было указать, как одному, так и другому, на полную и очевидную необходимость взаимопомощи.

Необходимость подобного вмешательства не имела бы места, если бы подчиненные инстанции, не увлекаясь, так сказать, своеобразным боевым „сепаратизмом“, более чутко, внимательно, а, главное, более беспристрастно относились бы к оценке общего положения и осуществляли бы в надлежащей полноте принцип боевой взаимопомощи. Это условие, прежде всего, требует со стороны начдивов отказа от формального взгляда на разграничительные линии и широкого взаимодействия на флангах путем надлежащего и вполне отвечающего обстановке применения маневра. Ослабляя тем, если нужно, временно боевую работу в достижении своих узко—дивизионных целей, тот или иной начдив, путем коротких, но в высшей степени энергичных ударов, обязан помочь соседу проткнуть тактическую пробку на его участке, памятуя, что это послужит ему же самому в пользу и поведет к скорейшему и лучшему разрешению задачи в общеармейском масштабе.

Мы сознательно более подробно остановились на вопросе боевой взаимопомощи дивизии в процессе движения преследующей армии, дабы показать, насколько удовлетворительное решение этого вопроса облегчает армейскому командованию возможность выделить при преследовании часть дивизий в армейский резерв. Это положение станет еще более показательным, если мы к вышеприведенному примеру добавим, что командование 16-й армии, вследствие сдвига на север частей 27 дивизии, для заполнения образовавшегося между ней и соседней с севера 56 дивизией 15 армии прорыва, вынуждено было для сокращения левого фланга 27 дивизии израсходовать одну из дивизий своего резерва (2-ю), получившую задачу сосредоточиться к 6 августа в районе Немирова и, по переправе через р. Буг, наступать в полосе между 27 и 17 дивизиями. В этом не было бы нужды, если бы левый фланг 27 дивизии не замер бы на месте в первых числах августа, что, в свою очередь, не имело бы места, если бы 17 дивизия не отстала в своем продвижении от 27 дивизии, и если бы, наконец, командование обоих названных дивизий действовало бы более дружно, дабы совместными действиями более безболезненно и скорее разредить затор, образовавшийся в районе стыка этих дивизий.

Возвратимся теперь к вопросу об армейских резервах, необходимость коих в процессе движения преследующей армии, отмеченная нами выше, очевидна сама по себе. Только при наличии армейского резерва возможно подвести армию (если не всю, то известную часть ее) свежей и с налаженным тылом к полю решительного сражения.

Постараемся же теперь определить те об'ективные условия, наличие которых способствует образованию и сохранению армейского резерва. По нашему мнению, таковыми условиями являются:

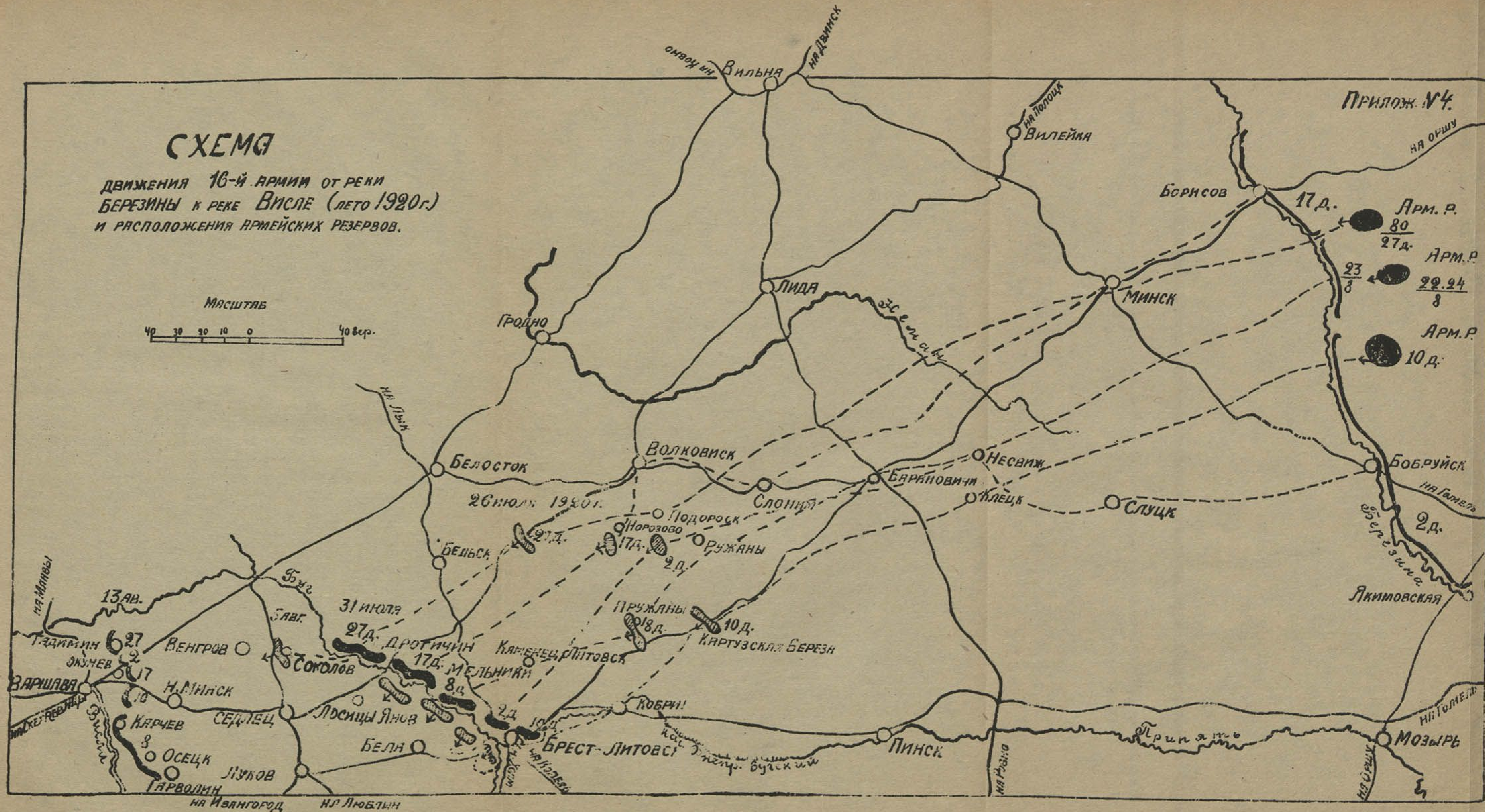
1) Хладнокровная, всеоб'емлющая и—самое главное—правильная оценка армейским (и выше над ним стоящим) командованием текущей и назревающей обстановки, с полным и всесторонним учетом всех данных, как стратегического, так и политического характера. Это условие требует точного знания неприятеля во всех отношениях (количества и качества его сил, настроения, рессурсов и т. д.) и основательного знакомства с его глубоким тылом (отношение общества к армии и целям войны, вообще, настроение внутри страны, авторитетность и популярность правительства, тыловые запасы и пр.). Наконец, тщательное изучение местности предстоящего театра действий, дабы, по возможности (в связи с расположением неприятельских баз, направлений ж. д. линий и шоссе, важнейших переправ), заранее предугадать характер действий отходящего неприятеля и, главным образом, будущие районы более упорного сопротивления.

2) Как вывод из сказанного (плюс учет своих сил и средств),—принятие соответственного плана действий с расчетом неотступного преследования, с одной стороны, и подвода части сил свежими к полю решительного сражения—с другой. Отсюда, как следствие: а) правильная постановка задач дивизиям, б) планомерное и постоянное руководство их действиями, с направлением их усилий на скорое преодоление всех преград, встречающихся на пути их преследования отходящего врага, б) согласование этих усилий и направление их в общеармейское русло, в) надлежащая оценка важнейших направлений преследования и, в связи с этим, соответствующая группировка сил, с минимальным расходом на фронт и с запасом в глубину.

3) Тактическая правильность боевых действий преследующих дивизий (см. главу „Преследование“).

4) Полное осуществление принципа боевого взаимодействия дивизий, основанное на точном знании обстановки, ясном представлении о сущности и духе армейской задачи и широком проявлении частной инициативы. Взаимопомощь дивизий—это своего рода „движение на выстрелы“, которое не должно ожидать ни особых приглашений, ни прямых приказаний.

5) Соразмерность (хотя бы относительная) численности преследующей армии ширине занимаемого ею фронта. Минувший опыт и ближайшее будущее дает основание заключить, однако, что вряд ли представится возможным надлежаще выдержать эту соразмерность, а потому надо быть готовым компенсировать это „неудобство“ гибкостью фронта, целесообразностью боевых задач и энергией командования и частей преследующих дивизий.

Прилож. №4.
СХЕМА
движения 16-й армии от реки Березины к реке Висле (лето 1920 г.)
и расположения армейских резервов.
Масштаб
40 30 20 10 0 40 вер.
на Ковно
Вильня
на Двинск
на Полоцк
Вилейка
на Оршу
Борисов
17 д.
Арм. Р.
80
27 д.
Арм. Р
23
8
22. 24
8
Арм. Р
10 д.
Лида
Гродно
Минск
Неман
Белосток
Волковиск
Несвиж
Барановичи
Бобруйск
на Гомель
Клецк
Слуцк
Слоним
26 июля 1920 г.
Подороск
Морозово
27 д.
17 д.
2 д.
Ружаны
Бельск
Березина
2 д.
Якимовская
на Млавы
13 ав.
Буг
31 июля
5 авг.
27 д.
Дрогичин
Пружаны
8 д.
10 д.
Картузская Береза
Радимин
27
2
Венгров
Окунев
17
Соколов
17 д.
Мельники
Каменец Литовск
Варшава
Н. Минск
8 д.
Карчев
8
Седлец
Лосицы
Янов
2 д.
10 д.
Кобрин
Осецк
Гарволин
Бела
Брест-Литовск
Пинск
Мозырь
на Гомель
Припять
Висла
Луков
на Ивангород
на Люблин
на Ровно
на Ковель
на Холм
на Овруч

№ 303

6) Надлежащее разрешение вопросов тыла—этих наиболее больных вопросов организации и выполнения операции по преследованию. Своевременный подвоз на фронт предметов снабжения всеми видами довольствия и пополнения людьми, конечно, сыграют огромную роль в обеспечении беспрепятственного хода боевых действий. То или иное наличие железных дорог и полезного транспорта окажут свое влияние на результаты операция, каковое обстоятельство и надлежит учесть в полной мере.

Таковы, в общем, те главные, наиболее существенные, условия, кои возымеют важное значение в вопросе образования и сохранения в целости армейских резервов вплоть до подхода к полю окончательного боя.

Наиболее крупная операция на западном фронте—летняя кампания 1920 г.—является и наиболее поучительной в отношении вопроса фронтовых и армейских резервов. В строгом смысле этого понятия их не было, что, по нашему мнению, и явилось одной из основных причин нашего отхода от стен Варшавы. Подстрекаемые желанием овладеть столицей белой Польши, учитывая нетерпеливые требования политического момента, стремясь возможно полнее реализовать достигнутый успех, увлеченные перспективой радикального воздействия на польскую буржуазию и правительство,—мы неслись, как буря, не оглядываясь на тыл, не заглядывая вперед. Таяли ряды,—мы расходовали последние резервы, отставали тылы—мы махали на них рукой. А в момент, когда нам понадобились свежие силы для того, чтобы подтолкнуть остановившиеся части или парализовать неприятельские части—у нас не оказалось ни одного свободного человека. И в результате—уставшие, оглушенные грохотом многочисленной артиллерии на укрепленных Варшавских позициях, с прорвавшейся неприятельской кавалерией и партизанщиной в тылу, мы покатились назад.

Обращаясь к действиям 16-й армии в ее летнюю операцию 1920 г., мы видим, что вопрос с армейскими резервами и здесь обстоял весьма плачевно.

К моменту своего перехода в наступление в ряду прочих армий западного фронта, т. е. к 7 июля 1920 г., в состав 16 армии входили 2, 8, 10, 17 и 27 дивизии, общей численностью в 26 тысяч штыков и 1.100 сабель, против $3^1/_2$ пехотных польских дивизий в $20^1/_2$ тысяч штыков и 2.100 сабель. Таким образом, мы имели перевес, примерно, в $5^1/_2$ тысяч штыков, уступая, однако, в количестве сабель (на 1.000 меньше). Первоначальный план армейского командования предусматривал форсирование р. Березины тремя дивизиями (17, 27 и 8) с оставлением одной в армейском резерве (10-й). Соответственно этому, 17, 27 и 8 дивизиям и намечалось поставить ближайшими задачами овладение известными районами, а 10-й дивизии—лишь передвижение также в определенный район, с целью подтянуть ее по-

ближе к фронту. Однако, в дальнейшем, этот план подвергся изменению и при форсировании р. Березины в дело были введены сразу все 4 дивизии (8, 10, 17 и 27); таким образом, армейский резерв с началом операции уже исчез и впоследствии появился не скоро. Ввод в дело 10-й стрелковой дивизии, вопреки первоначальным предположениям, об'яснялся желанием начать операцию превосходными в отношении противника силами. Это превосходство, правда, получили. На фронте армии насчитывалось к началу операции 12.000 неприятельских штыков первой линии. Силы 8, 17 и 28 дивизий равнялись в общей сложности 10.000 штыков, т. е. мы уступали противнику на 2.000 штыков, но сохранили зато в армейском резерве целую стрелковую (10-ю) дивизию в 4.000 штыков. Вводя ее в дело, мы превосходили неприятеля на 2.000 штыков. Однако, это превосходство, при ширине фронта операции почти в 75 верст, вряд ли представляло настолько значительные выгоды, чтобы, начиная крупную и безусловно важную по своим последствиям операцию, сразу же отказаться от армейского резерва. Нам думается, что, приступая к форсированию р. Березины с силами на 2.000 штыков меньшими, чем у противника, было бы все же гораздо выгоднее и важнее иметь армейский резерв в виде одной стрелковой дивизии. В дальнейшем течении операции мы видим продолжающееся стремление использовать все наличные силы. В самом деле, только 26 июля, т. е. почти через 3 недели после начала операции, командование армии делает попытку образовать армейский резерв в две стрелковые дивизии (17, отведенную после боев под Волковыском в район юго-западнее Порозово, и 2-ю, сосредоточенную в районе Лыско). Однако, в дальнейшем ходе боев этот армейский резерв был израсходован уже к 31 июля, к каковому времени обе указанные дивизии, во исполнение поставленных им задач, втянулись в бои на линии р. Буг, 17-я в районе Немиров, а 2-я—Брест-Литовска (см. приложение № 4). В условиях отсутствия армейского резерва протекали и все дальнейшие бои, вплоть до выхода дивизий на Варшавские подступы, т. е. в момент подхода преследующей армии к полю решительного боя. Справедливость требует отметить, что, учитывая слабость южного соседа 16 армии (Мозырской группы), командование запфронта, в целях обеспечения левого фланга войск фронта, решило вывести во фронтовой резерв левофланговую 8-ю дивизию 16-й армии. Начавшийся с утра 16 августа контр-маневр поляков не позволил осуществить эту меру и 8 дивизия, втянувшаяся 15 августа в упорные бои, в резерв выведена не была.

Итак, следовательно, из почти 40-ка дневного периода наступательной операции 16-й армии, лишь в течение около недели армейское командование располагало резервом; остальное время оно руководило действиями армии, не имея в своем распоряжении свободных сил. Отрицательная сторона этого обстоятельства особенно невыгодно сказалась в достопамятные дни 15—17 августа, когда усталые ди-

визии, остановленные укрепленной позицией противника в десятке верст от Варшавы и, подвергшись затем энергичному удару маневренной неприятельской группы, покатились назад. Можно положительно сказать, что отсутствие армейского резерва явилось одной из существеннейших причин нашего отхода от стен белой Варшавы. Во всяком случае, в ряду всех причин указанная является одной из первых. Тем не менее, ход боев в операции 16 армии доказывает, по нашему мнению, что абсолютной надобности в непосредственном израсходовании в первую линию всех наличных дивизий не было, и что можно было из 5 дивизий, входивших в то время в состав 16 армии, 2 иметь в резерве, держа их в тылу сосредоточенно и таким же порядком их и передвигая. Исходя из положений, указанных в главе „Преследование", являлось возможным установить, как направления, так и пункты, кои, служа жизненными артериями отходящей польской армии или средоточием материальных сплавов, не могли не вызвать усиления упорства сопротивления отходящего противника. Таковыми направлениями и пунктами на участке действий 16 армии являлись—в первой фазе операции—ж. д. магистраль Борисов-Минск-Барановичи и пункты Минск и Барановичи и во второй—совпадающие, в общем, с ж. д. линиями Волковыск-Седлец-Н. Минск и Барановичи—Брест-Литовск—Луков с пунктами Слоним-Волковыск, Соколов и Седлец и Картузская Береза, Кобрин, Брест-Литовск и Луков. С другой стороны и местность определяла характер действий отступающего, а значит направляла в известное русло и действия преследующего. С большой вероятностью можно было, например, ожидать усиления упорства противника на линии р. Буг, являвшейся хорошим оборонительным рубежом. Перечисленные условия позволяли командованию внести известный критерий в группировку сил армии и постановку общих задач дивизиям, ведшим преследование. Помимо этого, разведывательные данные указывали на ослабление стойкости неприятельской армии. Добавив, наконец, то обстоятельство, что у нашего противника, также как и у нас, наблюдалась несоразмерность численности сил с протяжением фронта, мы, в конечном выводе, вряд ли ошибемся, если выскажем утверждение, что командование 16 армии, в период ее летней операции 1921 г., имело возможность образовать и сохранить во все течение операции, вплоть до выхода на Варшавские подступы, армейский резерв силою не меньше 1—2-х дивизий, т. е. из 5-ти имевшихся вести непосредственное преследование 3—4 дивизиями. Этими силами возможно было ограничиться для обеспечения успеха на важнейших направлениях, не боясь за промежутки.

Суммируя сказанное о движении ядра преследующей армии, мы можем притти к двум основным выводам:

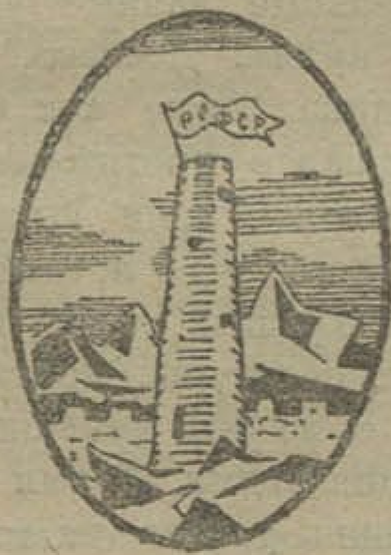
1) Движение армии, ведущей преследование, должно быть организовано таким образом, чтобы группировка ее в момент подхода к полю

решительного боя обеспечивала бы возможность сохранения инициативы в своих руках и нанесения энергичного удара, в целях довершения расстройства неприятеля. Указанное требует обязательного наличия части свободных и свежих сил — другими словами, армейского резерва.

Со стороны армейского командования необходима полная выдержка в этом направлении. Расходование живой силы армии в процессе непосредственного преследования отнюдь не должно совершаться лишь под впечатлением текущей обстановки, а обязательно в связи с полным и правильным учетом грядущей, гораздо более важной, так как только в условиях этой последней придется искать и добиваться решительной, окончательной победы.

2) Исполнители (командование дивизий), в целях общей пользы дела, не должны ослеплять себя своими узко-дивизионными интересами, не замыкаться, как в броню, в свои разграничительные линии. Нужен более широкий взгляд на вещи, большая внимательность к положению на участках своих соседей. С этой целью, начдивы, не дожидаясь прямых указаний сверху, обязаны проявлять собственный почин в деле оказания помощи соседу, в деле боевого взаимодействия. Этим они значительно облегчат работу армейскому командованию вообще, и, в вопросе сохранения им своих резервов, в частности.

Выполнение двух вышеупомянутых основных условий в должной мере гарантирует подход преследующей армии к полю окончательного сражения во всеоружии условий, надлежаще обеспечивающих достижение решительной победы.

Б. Леонидов.

Дивизионная конница в Красной Армии.

Блестящая деятельность нашей конницы за истекшую трехлетнюю войну дала богатый и весьма поучительный материал для исследования и изучения действий и приемов применения конных масс в маневренной войне. Нельзя, однако, сказать, чтобы этот богатый материал получил уже более или менее должную разработку, и чтобы полученный опыт был зафиксирован в тех или иных выводах, приведенных к одному знаменателю.

Все же, несмотря на это, можно отметить отрадное явление, что в немногих трудах, посвященных рассмотрению действий стратегической конницы, напечатанных в нашей немногочисленной военной литературе, не наблюдается заметных расхождений по данному вопросу. И это явление тем более отрадно, что оно безусловно отражает взгляды, существующие в рядах Красной Армии. Таким образом, мы можем отметить, что по этому, весьма важному вопросу у нас в известной степени установлено единство взглядов. По крайней мере до сих пор, если и было разноречие, то оно сводилось к тому, какие организационные формы должны принять крупные конные соединения: корпус или армию.

Но и с этим разногласием можно считать вопрос поконченным, поскольку он уже разрешен нашим высшим командованием и поскольку по этому вопросу не было резких расхождений.

Иначе совсем обстоит дело со взглядами на дивизионную конницу.

Дивизионная конница за то же трехлетие не обогатила своей истории такими громкими и блестящими делами, как наша страте-

гическая конница и, естественно, не могла дать таких же ярких и убедительных доводов и также наглядно доказать свое право на существование. Тем меньше, конечно, это могло способствовать установлению единства взглядов. Но последнее зивисит не только от самих действий дивизионной конницы; оно зависит еще и от того внимания, которое ей уделялось, и от правильного освещения фактов.

Несмотря на то, что дивизионная конница несла на фронтах тяжелую и ответственную работу, в особенности там, где у нас не было стратегической конницы или ее было очень мало, ей уделялось слишком мало внимания, о ней слишком мало заботились, хотя и пред'являли зачастую чрезмерные требования. Насколько невнимательно относились к дивизионной коннице можно заключить хотя бы из того, что в оперсводках наших штабов об ее действиях говорилось очень редко и весьма мало или даже просто обходилось молчанием. Это обстоятельство в значительной степени также способствовало установлению неверных взглядов, будто дивизионная конница в Красной Армии играла слишком незаметную роль, чтобы о ней стоило много говорить.

Насколько разноречивы взгляды на дивизионную конницу,—можно видеть из приводимых ниже цитат по этому вопросу.

И эти разноречия так глубоко простираются, что они не только имеются в вопросе об организационных формах, какие должны придать дивизионной коннице, но, что более всего удивительно, даже в освещении ее деятельности с точки зрения правильности сообщаемых фактов.

В журнале „Революция и Война“ сборник 6—7 тов. Гая, в статье „Недостатки в организации красной конницы“, дает следующий отзыв о дивизионной коннице: „Не ошибусь, если скажу, что, разбросанная на мелкие тактические единицы, дивизионная конница в гражданской войне, главным образом, использовалась для разных реквизиций в тылу, для транспортирования, для ординарческой службы и для личной охраны комбригов, штабов и начдивов.

Дивизионная конница не является также *серьозной боевой силой.* Комбриги и начдивы не могли бы воспользоваться ею для *самостоятельного боя*, во-первых—потому, что она слаба и слишком малочисленна для такого боя, а во-вторых, что дивизионная конница разбросана. Дивизионная конница, как сила охранения, прикрытие или завеса, непригодна, и вряд-ли пехотные начальники могли бы надеяться на охрану слабой конницы, тем более в ночное время.

На западном фронте, по приблизительному подсчету, имелось до 6.000 сабель дивизионной конницы, разбросанной по всем бригадам и дивизиям. В период наступления и, особенно, во время отступления вся эта конная масса разбрелась по хуторам и деревням (?) или же удирала впереди всех, не представляя собой никакой боевой силы“.

В этом же журнале „Революция и Война“ напечатана статья тов. Роговского „Дивизионная конница“, в которой автор говорит:

„Но не надо забывать, что были армии, в которых не оказывалось другой конницы, кроме дивизионной и только силами этих численно слабых частей велась разведка перед фронтом армии и выполнялись задания, присущие кавалерии. Поэтому, казалось, было бы вполне целесообразным обратить теперь же и безотлагательно внимание на части дивизионной конницы“.

Характерно, что оба автора ссылаются на свой личный опыт на запфронте: т. Гая, как командир конного корпуса. а тов. Роговский, как инспектор кавалерии, сначала 3-ей армии, а затем фронта.

Кто же из них прав, и кто вернее говорит о деятельности дивизионной конницы?

Мы думаем—и это мы дальше докажем фактами, основанными на документальных данных,—что вернее говорит тов. Роговский, делавший свои выводы на основании действительных данных, а не тов. Гая, почерпнувший, очевидно, свои сведения из непроверенных слухов или единичных случаев, которые могли, конечно, иметь место.

Не мудрено, конечно, что такие разноречия в освещении просто фактов привели к еще большим разноречиям в вопросе о применении и организации дивизионной конницы.

Т. Гая, в цитированной уже выше статье, говорит:

„На основании опыта полагал бы целесообразным, *если рессурсы страны позволяют, дивизионную конницу иметь только в виде бригад 3-х полкового состава, приданных пехотным дивизиям.*

Пора покончить раз и навсегда с отдельными эскадронами и дивизионами. Стрелковая дивизия, в составе 6 полков пехоты и 3-х полков конницы, была бы для нас наилучшей боевой единицей (смешанной) из всех родов оружия. Только при такой группировке возможно пред'явление требования коннице: *быть средством ближней разведки, охранения и боевой самостоятельной единицей.* Если рессурсы страны не позволяют иметь много кавалерии, то предпочтение, безусловно, нужно отдать стратегической коннице и, помимо отдельных формирований, необходимо усилить ее за счет дивизионной. Нет сомнения, что в будущей гражданской войне значение и роль кавалерии должны проявиться только в армейской коннице. Только усиление такого рода формирований даст возможность решать стратегические задания, а потому было бы целесообразным: *увеличить команды конных разведчиков в полках,* довести их число до $^1/_2$ эскадрона (или сотни) в 20 рядов, а остальную конницу превратить в армейскую“.

Т. Роговский, разбирая в своей статье вопрос об организации дивизионной конницы и также, как и т. Гая, будучи противником разбрасывания ее по бригадам отдельными эскадронами, считает: „Что на стрелковую дивизию необходимо иметь минимум 5-ти эскадронный

полк (лучше, конечно, 6-ти эскадронный), подчиненный непосредственно начальнику дивизии".

Свое мнение тов. Роговский весьма основательно мотивирует.

Для большей показательности существующих разноречий в вопросе о дивизионной коннице, надо еще отметить и оффициальный взгляд на это высшего командования Красной Армии.

Оффициально у нас установлено иметь в дивизии 2-х эскадронный дивизион и три отдельных эскадрона при бригадах, а всего 5 эскадронов—около 750 сабель.

Мы полагаем, что вопрос о дивизионной коннице далеко еще не разрешен в положительном смысле оффициально установленным на это взглядом и что он требует еще своего обсуждения.

Настоящей статьей мы имеем в виду вызвать обмен мнений по данному вопросу и, кроме сего, привести некоторые данные о действиях дивизионной конницы, в том виде, как они имели место в действительности, а не так, как это пишет т. Гая, так как мы полагаем,—как это уже отмечено было выше,—что от правильного освещения фактов в значительной степени зависит и правильное разрешение вопроса в целом, поскольку мы ставим себе целью выводы свои делать из опыта.

Кавполк при 53-й стрелковой дивизии *).

Кавполк при 53-й стрелковой дивизии, к началу июльского наступления на запфронте, представлял собой боевую единицу в 200 сабель при одном пулеметном взводе. Несмотря на свою малочисленность, полк всегда получал исключительно боевые задачи, присущие кавалерии, или же участвовал совместно с пехотой при занятиях с боя того или иного рубежа или населенного пункта, действуя большей частью во фланг и тыл противника.

Вот некоторые эпизоды из его боевой деятельности.

При движении 53-й стрелковой дивизии от мест. Осино-Городок на местечко Бельки и далее на Козяны (Виленской губернии), противник значительными силами укрепился и окопался под местечком Бельки и в этом месте задержал дивизию в течение двух суток, что влияло на продвижение соседних наступающих частей.

Необходимо было выбить противника во что бы то ни стало.

Начдивом 53 стрелк. див. тов. Тарасовым-Родионовым было отдано приказание двум стрелковым полкам 159 бригады, совместно с кавполком дивизии, движением с боем выбить противника с фольварка Марвиенполь, находящегося в тылу противника.

---

*) Все приводимые примеры взяты из оффициальных источников, как-то: журналов боевых действий, оперсводок и др.

Во исполнение полученной задачи, кавполк, совместно с полками пехоты, переправился вплавь через реку Половицу и, несмотря на сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, повел наступление в конном и пешем строю на фольварк.

Удар был стремителен и дал хорошие результаты.

Вследствие одновременности удара частями дивизии с фронта (157 и 158 бригадами) и с фланга (159 бригадой и кавполком) противник был выбит с очень тяжелыми для него потерями и принужден был к беспорядочному отступлению на местечко Козяны.

Для преследования противника был назначен кавполк, который гнал бело-поляков, захватывая пленных и пулеметы, до мест. Козяны, где резервы противника успели укрепиться и задержать дальнейшее наступление. Таким образом, была очищена территория протяжением в 100 верст (сх. № 1).

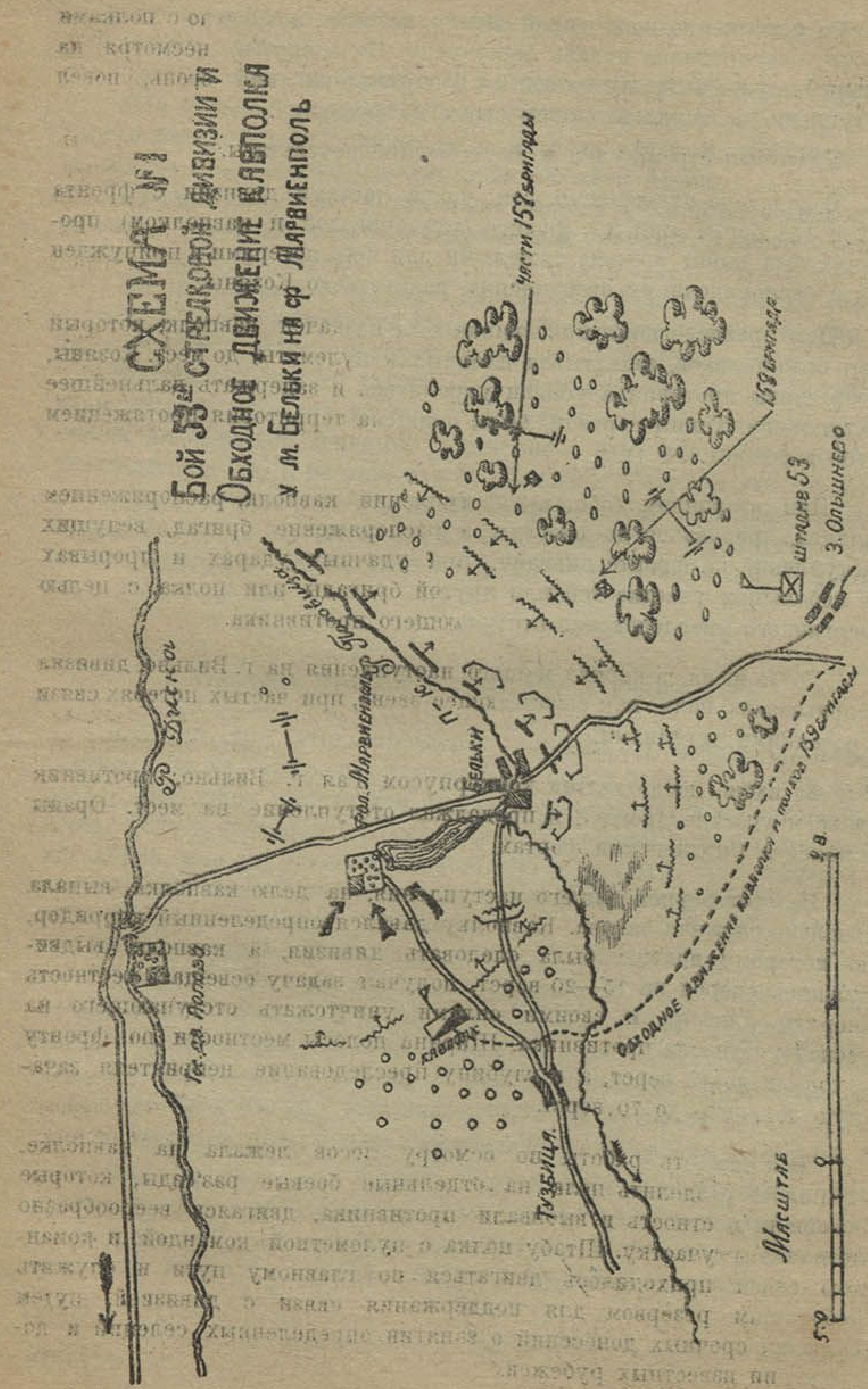
При вторичном (общем) наступлении кавполк, распоряжением начдива, придавался по очереди в распоряжение бригад, ведущих наступление на фронте дивизии, при удачных ударах и прорывах на небольшом участке той или другой бригады или полка, с целью энергичного преследования отступающего противника.

До 15 июля, в период нашего наступления на г. Вильно, дивизия использовала полк, как связывающее звено, при частых потерях связи с соседними дивизиями.

14 июля, после взятия конкорпусом Гая г. Вильно, противник на всем участке дрогнул и продолжая отступление на мест. Ораны и далее к Гродненским фортам.

За этот период нашего наступления, на долю кавполка выпала довольно сложная задача. Кавполку давался определенный коридор, по которому должна была следовать дивизия, а кавполк, выдвинувшись вперед на 15—20 верст, получал задачу освещать местность впереди дивизии и своими силами уничтожать отступающего на лесной местности противника. Ширина полосы местности по фронту доходила до 12 верст, а в глубину преследование неприятеля зачастую доходило до 70 верст.

Вся тяжесть работы по осмотру лесов лежала на кавполке. Пришлось разделить полк на отдельные боевые раз'езды, которые освещали местность и вылавливали противника, двигаясь веерообразно по данному участку. Штабу полка с пулеметной командой и командою связи приходилось двигаться по главному пути и служить небольшим резервом для поддержания связи с дивизией, путем высылки срочных донесений о занятии определенных селений и достижении известных рубежей.

СХЕМА №1
Бой 53ᵉ стрелковой дивизии и
Обходное движение кавполка
у м. Белки на ф. Марвиенполь
части 157 бригады
158 бригада
штадив 53
з. Ольшнево
Р. Днепр
Белки
Фол. Марвиенполь
Обходное движение кавполка и полков 159 бригады
Масштаб

Такое движение кавполка впереди своей дивизии давало возможность следовать пехоте на подводах, вследствие чего пехота сберегалась и значительно отдыхала.

Во время движения кавполк, в конце июля (числа 22), с целью занятия переправы на реке Неман у деревни Жидовичи, что южнее г. Гродно, внезапно наткнулся на целую дивизию неприятельской пехоты, которая, будучи выбита конкорпусом Гая, отступала по правому берегу реки Неман на местечко Скидель с целью переправы.

Кавполк, несмотря на свою малочисленность (160 бойцов), бросился преследовать противника и своими лихими действиями с фланга задержал пехотные части противника у переправы на реке Неман. Во время перестрелки были убиты с нашей стороны один командир эскадрона и несколько кавалеристов.

Переправа польской дивизии приняла панический характер, и, в результате, берег реки Немана был усеян ранеными, оружием и снаряжением неприятеля.

1-й кавполк 56 стр. дивизии.

26 сентября, по приказанию начальника 56 стр. дивизии, кавполк был придан 168 бригаде и в 9 часов этого же дня выступил из деревни Путришки по маршруту Жидомля, Скидель, мест. Демброво с задачей итти в арьергарде за частями 56 стр. дивизии, отходившей на мест. Демброво и далее на гор. Лиду.

Не доходя до дер. Жидомля было получено донесение о том, что путь следования частей 56 стр. дивизии у дер. Жидомля уже отрезан противником, который занял своей пехотой названную деревню, госп. дв. Жидомля, кладбище, околицу Толочки и распространился далее на север. Создавшаяся, угрожающая для нас, обстановка требовала принятия с нашей стороны самых решительных и энергичных мер.

Командир 1-го кавполка, взяв на себя инициативу для прорыва фронта противника, лично повел свой полк в атаку в конном строю на дер. Жидомля, господский двор того же названия, на кладбище и околицу Толочки (сх. № 2).

Полк, во главе со своим лихим командиром, ринувшись в атаку, дерзким налетом разметал всю польскую пехоту, которой было около баталиона. Много поляков было зарублено.

В этой лихой атаке было захвачено в плен 100 польских солдат, 1 офицер, 1 пулемет Шоша, 3 пулемета Максима, 2 орудия Гочкиса, 1 мотоциклет и часть обоза.

Около 30 солдат неприятеля, спрятавшихся в сарае и не желавших выйти из него, также были уничтожены.

Потери кавполка были незначительны: 3 кавалериста убито, 3 ранено и 6 пропало без вести.

СХЕМА №2
Бой 1-го кавполка 56 стрелк. дивизии
26 сент. 1920 года

Полк, прорвав фронт, очистив своей пехоте путь на местечко Скидель, по окончании атаки и освещении местности, пошел на местечко Демброво, а оттуда на ночлег в деревню Евлоши, сделав до нее 30-ти верстный переход.

1-й кавполк 21-й стр. дивизии.

Во время осенняго отступления наших армий на Гродненские позиции, противник, действуя охватами, часто пересекал своими конными частями пути отступления, заставляя наши части пробиваться, что болезненно отзывалось на нашей артиллерии и обозах.

Так, 22-го августа, 1-й кавполк 21-й стрелковой дивизии получил от начдива приказание двигаться из Брянска (Гродненской губ.) на на гор. Бельск.

Перед выступлением полка, в данном направлении был выслан разведывательный эскадрон. Через некоторое время разведка донесла, что гор. Бельск прочно занят противником, причем 60 человек из числа разведывательного эскадрона были отрезаны противником.

В то же время разведкою было выяснено, что полк окружен с 3-х сторон противником, кроме дороги, ведущей на Белосток.

По полученным дополнительным донесениям от раз'ездов, выяснилось, что город Белосток также был занят противником.

Полку, совместно с пехотными частями, была дана задача выбить противника из г. Белостока. Действиями пехотных частей с фронта, а кавполком—обходом противника с левого фланга, город был взят и противник отступил на гор. Сокалку.

Высылкой раз'ездов было обнаружено, что противник занимает гор. Сокалку. 24 августа была дана задача кавполку к 6 часам утра занять гор. Сокалку, без поддержки пехоты.

В 2 час. 25 минут того же числа полк, согласно приказа, выступил на город Сокалку вместе с приданной полку конной батареей.

Высланная разведка донесла, что противник занимает шоссе в 10 верстах сев.-западнее Сокалки, силою около 3-х эскадронов.

Командир полка, спешив один эскадрон для ведения наступления в лоб, остальной частью полка действуя обходом с правого фланга противника, принудил последнего, после небольшой перестрелки, отступить по шоссе на Сокалку, но в 3-х верстах от гор. Сокалки пр-к получил подкрепление около 150 коней, где пытался задержаться. Беглым огнем нашей батареи противник был сбит с занимаемой позиции, и вскоре Сокалка была занята кавполком.

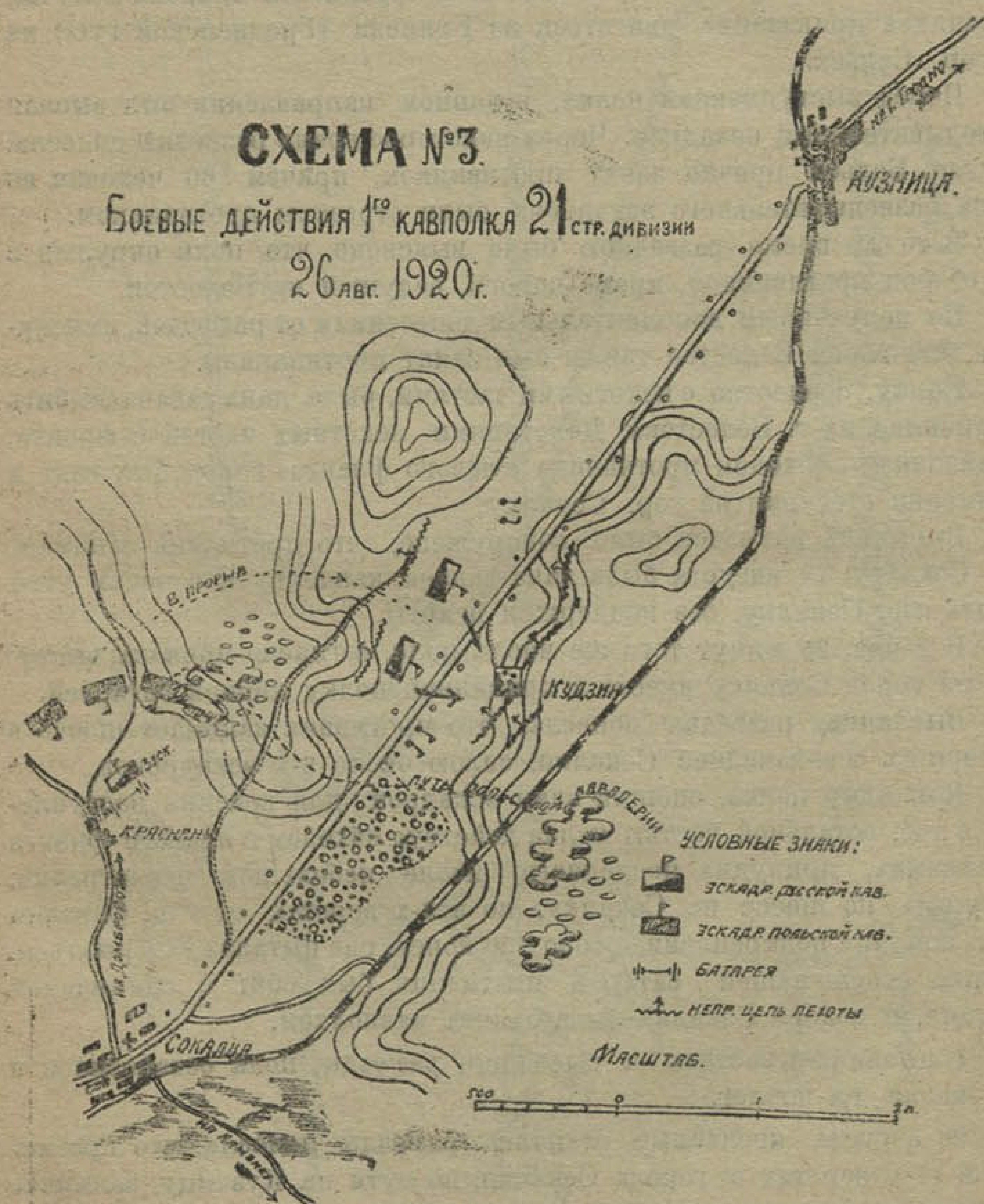
Выставивши заставы и выславши раз'езды, полк остановился в г. Сокалка на ночлег.

26 августа посланные от полка раз'езды донесли, что противник в $11^1/_2$ верстах от города Сокалки, по пути на Кузницу, занимает позицию на высотах восточнее шоссе, а также было получено донесение, что к противнику прибыло подкрепление в количестве одного полка пехоты.

В 15 час. 20 минут противник, силою около 2-х рот пехоты, пробовал наступать по шоссе на Сокалку, но снова был рассеян нашим артиллерийским огнем и отступил на свою прежнюю позицию.

К этому времени конница противника перерезала дорогу Сокалка — Дешброво, единственный путь отступления нашим войскам.

Полк был построен в боевой порядок, артиллерия, под прикрытием одного эскадрона, заняла позицию в деревне Красняны, а командир кавполка с двумя эскадронами пошел в атаку на пехоту противника со стороны деревни Красняны на деревню Кудзин (сх. № 3).

Решительная атака нашей конницы дала блестящий результат: фронт противника был прорван и последний отступил за полотно железной дороги. Таким образом представилась возможность пропустить наши обозы на м. Кузницу.

Кавполк 48 стр. дивизии.

Согласно телеграммы начдива 48 от 6 сентября сего года, кавполк располагался в дер. Залещики, Новосады, что в 3-х верстах южнее местечка Яловка.

7-го сентября, в 21 час, полк получил приказание от комбрига 143 за № 02663/оп выслать два эскадрона с пулеметным взводом на дер. Подозеряны, на высоту 87, 4, откуда атаковать противника, находящегося в названной деревне, в конном строю.

Во исполнение приказания комбрига, комполка приказал своему помощнику по строевой части тов. Маринову, с дивизионом и пулеметным взводом, усиленным аллюром отправиться для выполнения поставленной полку задачи, действовать энергично, обходом деревни Подозеряны с западной стороны, и после нескольких очередей пулеметного огня атаковать противника.

В это время поступило вторичное приказание—прибыть всему полку в мест. Яловку. Во исполнение чего полк, в составе трех эскадронов в 120 сабель при 2-х пулеметах, прибыл в 22 часа в местечко Яловку.

По имевшимся сведениям в штабриге 43, дер. Подозеряны была занята пехотой противника с невыясненными силами, при двух пулеметах, поставленных на позиции восточнее дер. Подозеряны.

Дер. Вейки также занималась пехотою противника, и последний начал движение в направлении д. д. Зубры-Зубки, а раз'езд противника появился в лесу, что южнее дер. Зубры.

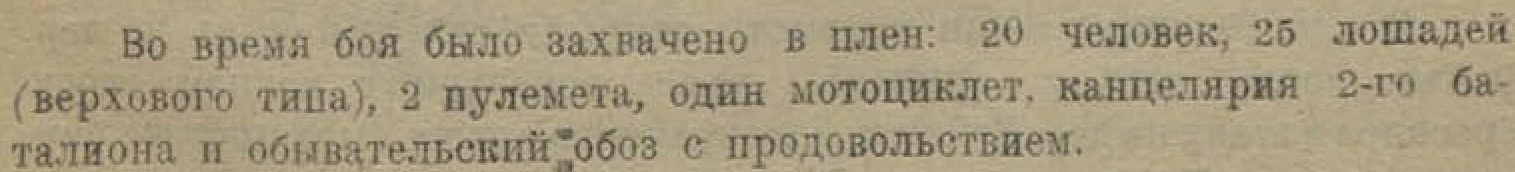
Кавполку было приказано: 2-мя эскадронами взять дер. Подозеряны и одним эскадроном с пулеметным взводом овладеть дер. Вейки.

Для исполнения данной полку задачи комполка приказал комдивизиона, со 2-м и 4-м эскадронами (80 сабель), обойти дер. Подозеряны лесом с южной стороны, выйти на западную окраину деревни и атаковать одновременно с эскадроном, наступающим на дер. Вейки. Командиру 1-го эскадрона (40 сабель), при 2-х пулеметах, было приказано, возможно скрытнее, обойти дер. Вейки северною стороною и атаковать противника в конном строю, подготовив атаку пулеметным огнем. Штаб полка остался в мест. Яловка, куда и надлежало присылать донесения о выполнении данной задачи.

В 1 ч. 20 минут наши пулеметы открыли сильный огонь по дер. Вейки, после чего с криками „ура“ эскадрон в конном строю бросился в атаку на дер. Вейки и, одновременно с этим, была произведена атака на дер. Подозеряны (сх. № 4).

Со стороны противника было оказано стойкое сопротивление при поддержке 2-х пулеметов, но, несмотря на стойкость противника, последний был сбит; 40 человек было зарублено, а остальная часть

бежала в лес. Благодаря темноте и болотистой местности, преследовать его не представилось возможным.

Во время боя было захвачено в плен: 20 человек, 25 лошадей (верхового типа), 2 пулемета, один мотоциклет, канцелярия 2-го баталиона и обывательский обоз с продовольствием.

Кавполк 4-й стр. дивизии.

Преследуя отступающего противника, к 24 часам 15 мая кавполк продвинулся до дер. Петровка, причем у деревни Можики лихим налетом прорвал сторожевое охранение противника, произвел панику в

его частях и обратил их в бегство, захватив 2 полевых орудия и большое количество снарядов.

Кроме того, за 15 мая, кавполком взято 40 человек пленных поляков, 10 пулеметов, 8 патронных двуколок с патронами, 2 ящика с французскими винтовками и обоз.

Из оперативной сводки 4-й стр. дивизии № 2230/оп. и 2244/оп.

16 мая кавполк выполняет задачи по разведке, его разъезды, высланные в юго-западном направлении на местечко Старый Медзиол, выяснили присутствие противника в дер. Лукенович, силою до 300 человек пехоты.

Из оперативной сводки 4 стр. дивизии № 2320/оп.

25 мая кавполк выполняет задачи по установлению связи с соседней дивизией и охране флангов своей дивизии, поддерживает связь с 53-й стрелковой дивизией у деревни Цапляки, охраняя правый фланг своей дивизии.

Из оперативной сводки 4 стр. дивизии № 2329/оп.

Кавполк выполняет задачу по заполнению прорывов, образовавшихся при перегруппировке частей. 27 мая кавполк был направлен для скорейшего выдвижения до линии, между левым флангом 10-й бригады и правым флангом частей 11 стрелковой дивизии. При выдвижении вперед у деревни Прудищи полк был встречен ружейным огнем одной из застав противника, которую после атаки целиком взял в плен, в числе 35 человек Академического полка.

Из оперативной сводки 4 стр. див. от 28 мая № 2379/оп.

29 мая полк ведет участковый бой с белополяками.

29 мая, в 8 часов, противник, силою около баталиона, повел наступление на дер. Тридалы (что 5 верст восточнее мест. Медзиол) и принудил наши сторожевые заставы отойти к фольварку Лохвичи.

В 9 часов вечера полк, двумя эскадронами в пешем строю и одним эскадроном в конном, с охватом правого фланга, повел наступление на дер. Тридалы и, после непродолжительной перестрелки, им был занят данный участок и восстановлено прежнее положение.

Со стороны противника было оставлено на месте боя 20 человек убитыми.

Из оперативной сводки 4 стр. див. от 29/V № 2408/оп.

* *
*

Приведенные примеры из боевой деятельности дивизионной конницы достаточно убедительно доказывают неосновательность заявления тов. Гая. Из этих примеров мы видим, что в Красной Армии дивизионная конница применялась вполне по своему назначению; ей давались самые разнообразные боевые задачи: движение с боем во фланг и тыл противника, бросание ее в прорыв для преследования отступающего противника, налеты на-коротке в тыл, на базы, железные

дороги, разведка, восстановление и поддержание связи с соседними дивизиями и, наконец, занятие ответственных боевых участков с ведением на них боя.

При этом надо иметь в виду, что такие задачи давались, не считаясь с численным составом кавполка, а численность кавполков при дивизиях почти никогда не была штатной и всегда колебалась от 100 до 300 сабель, за редкими исключениями.

Таким образом, если мы будем оценивать действия дивизионной конницы по ее действительной работе, мы, очевидно, придем к другим выводам, чем тов. Гая.

Никто не станет, конечно, возражать т. Гая, что бригада конницы сильнее полка, но дело в том, что и сам т. Гая считает, что бригада не по средствам нашей Республике. Мы добавим к этому, что это вряд ли по средствам даже более богатым государствам, где военные расходы в общем бюджете занимают первое место.

Однако, вряд ли кто согласится с т. Гая, что лучше тогда совсем не иметь дивизионной конницы и пытаться ее заменить командой конных разведчиков. Возлагать все надежды на стратегическую конницу также не приходится, так как мы не сможем довести ее численность до того, чтобы ее было достаточно во всех армиях и чтобы она могла работать и за себя, и заменять в то же время дивизионную конницу.

Нужда в дивизионной коннице была, есть и будет. И раз это так, то необходимо ее иметь, считаясь с действительными возможностями, стремясь организовать ее так, чтобы при ее малочисленности возможно было самое рациональное ее использование.

Раздача ее по бригадам отдельными эскадронами безусловно не только не дает возможности использовать кавполк, как боевую силу, но сводит его в этом отношении на-нет.

Из приведенных примеров мы видели, что когда полк был в целом при дивизии, начдив имел всегда возможность использовать его для боевых задач, возлагаемых обычно на кавалерию, и в то же время была всегда возможность, в случае нужды, придавать кавполк, как в целом, так и отдельные его эскадроны, той или иной бригаде. Но, придавая отдельные эскадроны бригадам, вряд ли удастся также успешно соединять их для совместных боевых действий.

Исходя только из этих соображений, мы полагаем, что дивизионная конница должна быть в виде кавполка (5—6 эскадронов) и подчинена непосредственно начдиву. Приведенные примеры подтверждают, что кавполк, несмотря на его малочисленность, более или менее справлялся с возлагавшейся на него задачей.

Но для того, чтобы кавполк мог выполнить возлагаемые на него задачи в полной мере, необходимо довести его до штатного состава и уделять ему больше внимания, чем это было до сих пор. Эту задачу мы считаем неотложной и требующей своего разрешения, коль скоро поставлен вопрос о реорганизации вооруженных сил Республики, с тем, чтобы эта реорганизация подняла и улучшила боевые качества нашей армии.

Борьба польской пехоты с конницей Буденного.

(Перевод с польского).

В прошедшей войне с Польшей красная конница, и особенно конница Буденного, нанесла не мало поражений польским войскам. Одно слово „конница Буденного“ наводило панический страх на поляков и обращало их в бегство.

В целях обучения польской пехоты борьбе с конницей Буденного польским министерством военных дел было издано специальное руководство—„только для пользования по службе“—дающее практические указания для борьбы с конницей, вообще, и, главным образом, с конницей Буденного.

Ниже приводится в переводе это руководство в его практической части.

ЧАСТЬ I.

Общая тактика Буденного. Буденный, прорвав фронт, быстрым движением направляется в тыл нашей армии. С большими пехотными частями он не ввязывается в бой; малые отряды, в особенности этапные, уничтожает. В занятом районе, особенно где имеется продовольствие, задерживается на несколько дней.

Главной целью его операций является уничтожение железнодорожных линий, овладение важными узлами, дабы таким способом затруднять снабжение, подвоз, а также сношение фронтовых частей с тылом.

Тактика боя Буденного. Вынужденный вступить в серьезный бой, Буденный стремится занять возможно широкий фронт, охватывая

немедленно фланги и тыл противника. Конницу свою развертывает он лавой, т. е. конной цепью, с интервалами в 30—35 шагов между отдельными всадниками. За лавой, шагах в 200—250, двигаются пулеметы с интервалами в 100—150 шагов.

В тех случаях, когда лава встречает сильное сопротивление, она отступает назад, давая обстрел пулеметам. Как только пулеметный огонь произведет замешательство в рядах противника, он немедленно прекращается, и конница снова идет в атаку.

Действуя на сообщениях, Буденный высылает большую часть своих сил из временной оперативной базы отдельными отрядами в 300—500, сабель, с соответствующим числом пулеметов и орудий.

Как резерв, обычно остается одна бригада конницы (и одна дивизия пехоты). Затем резерв этот бросается на пункт наименьшего сопротивления.

Вышеуказанные отдельные отряды действуют в направлениях, заранее им указанных; в случае надобности, они атакуют концентрически, а, потерпев неудачу, собираются на заранее назначенных сборных пунктах.

ЧАСТЬ II.

Вообще об отражении конницы. Хорошо выученная пехота, как в сомкнутом, так и в рассыпном строю, выдерживает всякую атаку, как бы она ни была стремительна. Каждый всадник в значительной степени зависит от крепости нервов коня, которым он не может управлять в момент наивысшего напряжения огня. Во время атаки нередко бывает такой критический момент, когда атакующая конница может без боя уступить пехоте поле сражения.

Нужно раз навсегда твердо усвоить себе, что спокойствие, сила и меткость огня пехоты превалируют над маневром конницы.

Принимая во внимание все вышеуказанное, следует постоянно применять одни и те же методы отражения конницы, а именно:

1) Никогда не открывать огня по атакующей коннице, находящейся далее 800 метров, лучше подпустить ее возможно ближе; ружейный огонь на большей дистанции—недействителен; он не остановит атаки конницы, а только деморализующе подействует на пехоту, которая потеряет веру в свое оружие. Наоборот, встреча конницы огнем с дистанции прямого выстрела всегда действует на нее деморализующе.

2) Огонь открывать не ранее приближения конницы на дистанцию 800 метров, усиливая его от редкого до наивысшего напряжения к тому моменту, когда противник будет находиться на дистанции 200 метров.

3) Устанавливать два прицела с разницей в сто метров.

4) Меткий огонь отдельных стрелков (цепи) достаточен для отражения конницы, атакующей лавой.

5) Залпы употреблять только в виде исключения.

6) Располагаться глубокими колоннами, даже если бы вследствие этого образовались прорывы фронта.

Резервы в сомкнутых колоннах держать ближе на флангах, за центром—дальше.

Дистанция уступов не должна превышать 50—100 метров, чтобы моментально можно было увеличить силу огня вводом в боевую линию новых винтовок. Уступный порядок необходим самостоятельно действующим частям для наблюдения за безопасностью флангов, ранее всего атакуемых конницей.

О бое с конницей Буденного. Принимая во внимание все сказанное выше, а также познакомившись с тактикой и организацией армии Буденного, не трудно составить себе схему боя с его конницей. Однако, нужно заметить, что схема эта на практике не должна применяться незыблемо и без рассуждений. Специальные условия боя, ход его, а также условия местности вынуждают иногда делать известные отступления от нижепреподанных правил.

Правила тактики боя отдельных частей. Для наибольшего однообразия действий против Буденного надлежит руководствоваться следующим:

1) Части и отряды немедленно реорганизовать так, чтобы они, на всякий случай, были независимы от операционной базы, особенно в хозяйственном отношении. Не избегать реквизиционного способа снабжения.

2) Группировать крупные части в местах, на которые можно ожидать нападения Буденного, особенно в продовольственных центрах, близ складов боевых припасов, в узлах дорог и т. д. Доверять охрану этих пунктов этапным частям не следует.

3) Подтягивать транспорты продовольствия и боевых припасов возможно ближе к частям; последние сами организуют их охрану.

4) Дробление частей на отряды менее баталиона дает Буденному слишком большой численный перевес, его конница атакует почти всегда только малочисленные отряды.

5) Тоже относится и к растянутости частей. Растянутые части составляют слишком слабую линию, которая во всякое время и в любом месте легко может быть прорвана.

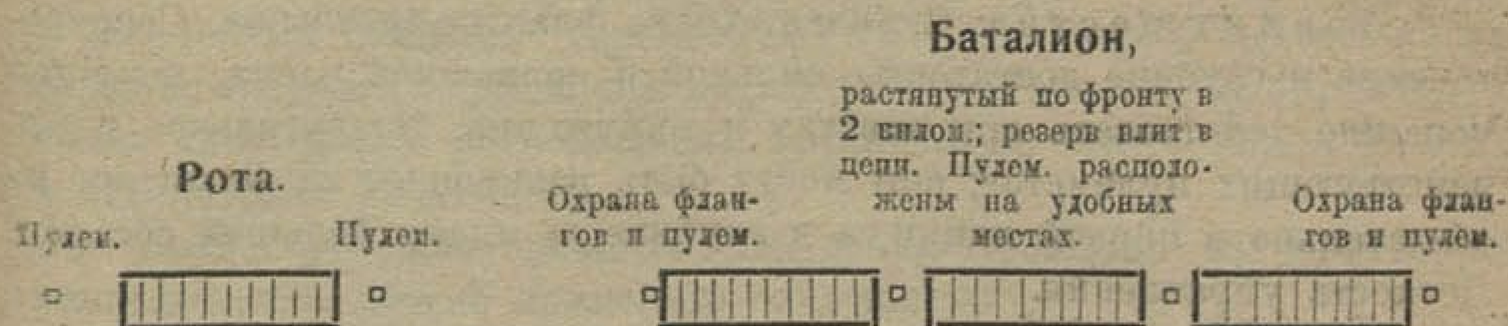
6) Не следует опасаться больших интервалов между частями. Естественно, что, не взирая на интервалы, *нужно установить прочную связь между частями, а взаимодействие соседних частей усилить.*

7) Пехоту группировать компактными массами, чтобы возможно было непосредственное управление огнем. Боевой порядок—глубокий.

Рисунки 1 и 2 раз'ясняют неправильное (1) и правильное (2) построение против атакующей конницы Буденного.

Рис. № 1.

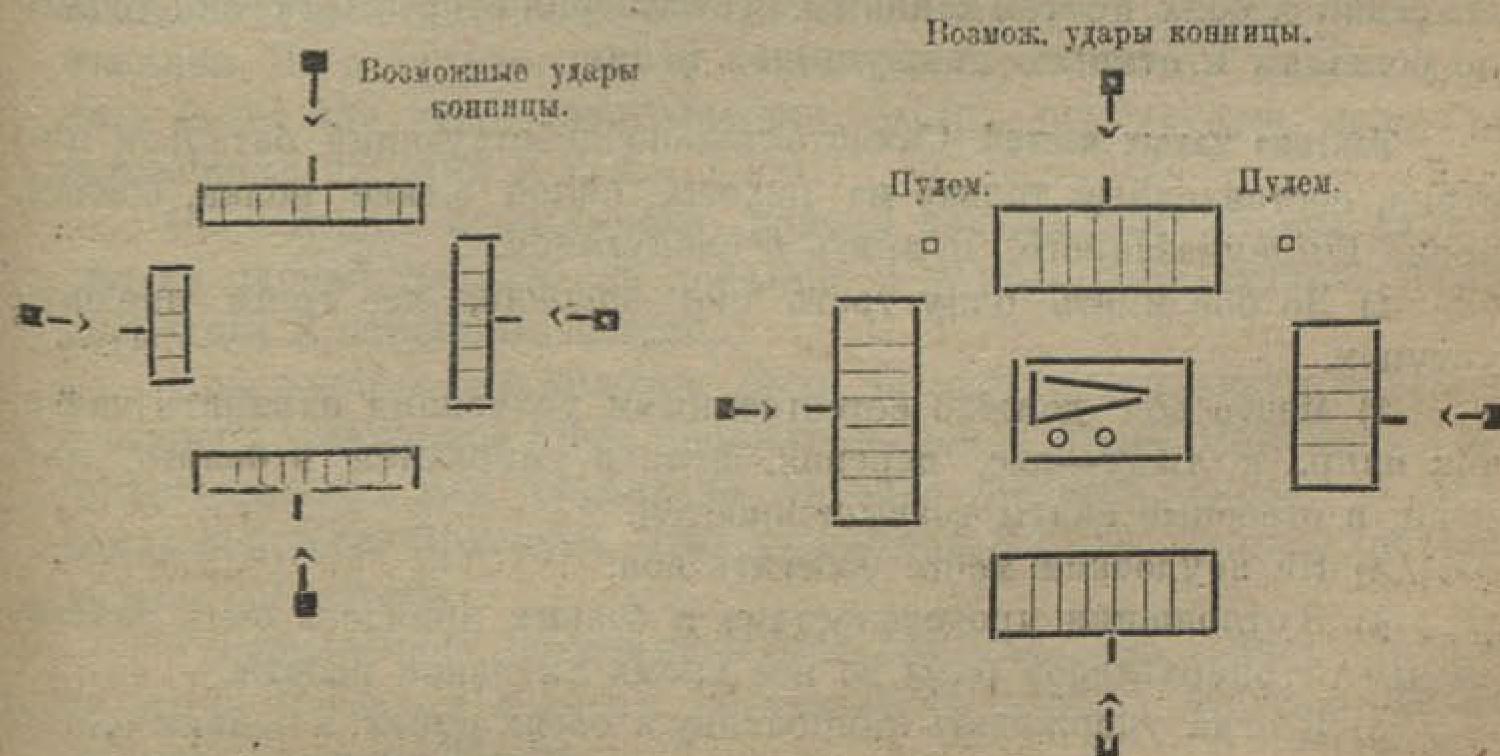
Неправильное расположение частей пехоты против атакующей конницы.

(К рис. 1-му). Предположим, что батальон трехротного состава, с соответствующим количеством пулеметов, растянулся по фронту на 2 километра, составляя слабую линию цепей без резерва. Батальонный резерв влился уже в боевую линию. Пулеметы или по одиночке, или группами расположены в наиболее удобных местах и охраняют фланги; одна группа пулеметов осталась в резерве.

Рис. № 2.

Правильное расположение частей пехоты против атакующей конницы.

(К рис. 2-му). Предположим, что фронт в 2 киллометра предназначен для трехротного батальона с соответствующим количеством пулеметов. Командир батальона расположил роты в глубоких колоннах, выдвинув все пулеметы в первую линию.

Преимущества и недостатки первого построения:

Преимущества: Большое число винтовок участвует в огне. 2 пулемета за центром, в случае прорыва конницы, могут открыть огонь в любую сторону.

Недостатки: Слабость линии. Трудность управления. Слабая охрана флангов при помощи только отдельных пулеметов.

Преимущества и недостатки второго построения:

Преимущества: Сильная охрана флангов батальона. Сосредоточение в глубине достаточно сильной и подвижной части, могущей успешно действовать при охватах и окружении. Значительное число действующих пулеметов; они могут быть размещены за флангами не обязательно в первой линии, а в глубине, и имеют большой обстрел. Легкость управления.

Недостатки: Сравнительно меньшее число винтовок принимает участие в огне,—отчасти этот недостаток восполняется участием в огне большего числа пулеметов, поставленных так, что маневрирование удобно, а в силу этого и огонь их более действителен.

Высшее командование, располагая сражающихся так или подобно тому, как во втором примере указано, имеет значительно больше шансов на победу, чем при первом способе.

И в одном, и в другом случае можно применять рассыпной строй или сомкнутый, в зависимости от силы огня противника и общей обстановки.

Что касается до совместных действий артиллерии и конницы с пехотой, то в таких случаях обязательно отдание соответствующего приказа; нужно только не упускать из вида необходимой быстроты действий в боях против конницы. Артиллерия открывает огонь только по большим и открыто движущимся целям.

Тактика малых частей. Самостоятельно действующий батальон или отряд, составленный только из пехоты, силой менее полка, обязан, кроме вышеуказанного, помнить о следующем:

1) До боя иметь одну треть сил впереди, две трети держать уступом.

2) Место боя должно естественными условиями охранять часть, так напр., в тылу—лес, деревня, фланги упираются в болото, лес, реки, в отвесные скаты возвышенностей.

3) На неудобном месте избегать боя.

4) В отношении продовольствия и боевых припасов быть независимым от оперативной базы во все время активной работы.

5) Всегда удерживать инициативу в своих руках, а подвижностью части затруднять противнику производство разведок.

6) Нужно хорошо обучить пехоту и внушить ей сознание, что пехота при отступлении всегда бывает разбита конницей, так как в этом случае важнейший фактор победы—огонь—отдается в руки по-

следней. Отступление пехоты ободряет конницу противника, и она всеми способами преследует и разбивает пехоту.

При отражении конной атаки на месте со всех сторон одинаково открытом, оказалось весьма полезным быстро перестраиваться в карре. Схемы построения карре для роты и батальона показаны в рис. № 1 и 2.

Меры охранения при расположении на квартирах и бивачным порядком.

Конница бессильна против пехоты, расположенной на квартирах в населенных пунктах, укрепленных со всех сторон; выходы из населенного пункта охраняются постами и пулеметами. Забаррикадирование квартирного расположения препятствует также людям уходить и осведомлять противника.

Когда возможно ожидать нападения конницы на квартирное расположение, нужно применять следующее:

Из частей расквартированных в данной местности, должна быть назначена постоянная дежурная часть. На эту часть возлагается отражение внезапной атаки конницы противника. В состав дежурной части входят пулеметы, вместе с их прислугой.

Все входы в район квартирного расположения должны быть забаррикадированы; баррикады препятствуют неприятельской коннице проникнуть в середину расположения.

Входы должны охраняться, на случай тревоги, наблюдательными постами, на обязанности которых лежит, заметив что-либо подозрительное, как напр., туман, пыль и т. д., немедленно предупредить квартирующие в деревне части о необходимости быть на готове.

Даже временных препятствий, как например, нескольких возов, стоящих на дороге, или изгородей между отдельными домами, достаточно, чтобы не допустить противника в середину квартирного расположения. По возможности, эти временные препятствия нужно дополнить более или менее постоянными (напр., срублеными деревьями, испанскими козлами и т. д.).

По каждому квартирному району должна быть отдана диспозиция на случай тревоги для действий в разных направлениях дежурной части и остальных частей.

При налетах все должны быть на местах, пулеметы обращены в сторону ожидаемой атаки неприятельской конницы. Пулеметы можно ставить в избах или сараях на окраине деревни, сделав в стенах домов бойницы. Прислуга этих пулеметов должна обязательно находиться поблизости.

Беспорядочная, самочинная стрельба отдельных солдат или групп во время тревоги в деревне, указывает на панику; поэтому она наистрожайше запрещается.

Еще больше нужно обратить внимание на готовность, на случай внезапного нападения, частей, расположенных биваком.

Строения, заборы и сады населенного пункта вынуждают конницу действовать исключительно вдоль улицы или прорываться между до-

мами. Пулеметы, помещенные скрытно в домах, направляют атаку конницы на заранее подготовленную оборонительную линию.

При расположении биваком нужно выбирать место, вблизи которого имеются естественные препятствия для конной атаки, как-то: сильно изрытое поле, рвы, ямы, овраги, ущелья, густые заросли или леса, дома, сараи и т. д. Такие естественные препятствия вблизи бивака ограничивают возможные направления атак конницы, и тем самым облегчают наблюдение и оборону этих направлений.

Также назначается дежурная часть и отдается диспозиция на случай тревоги; в диспозиции указывается, в зависимости от характера местности вблизи бивака, места расположения дежурной части и сторожевых постов. В соответствующих пунктах нужно установить готовые к открытию огня пулеметы с прислугой.

Набеги на расположение неприятельской конницы.

Важную роль в борьбе с конницей Буденного могут сыграть набеги на его квартирное расположение и на биваки.

Конница его довольно слабо охраняется, сторожевое охранение его не выдвигается достаточно вперед. Неожиданная атака ночью или на рассвете вполне возможна.

Условия осуществления такой атаки:

Приготовление в тайне, обрекогносцированная дорога, каждой группе, принимающей участие в набеге, дать вполне определенное и точное задание, так, чтобы они одновременно подошли, окружили бивак или квартирное расположение; продвигаться малыми колоннами в глубочайшей тишине (не отвечать ни под каким видом на выстрелы противника, особенно потому, что в ночное время его огонь почти совершенно недействителен), атаковать в штыки; а главное, *тайна, быстрота и тишина.*

ЧАСТЬ III.

Практические указания для подготовки запасных частей к борьбе с конницей Буденного.

До сих пор обучение борьбе с конницей было только теоретическое. Такая ошибка в обучении отразилась на наших частях, находящихся на фронте.

Давая себе ясный отчет в серьезности обстановки, созданной действиями Буденного, следует немедленно приступить к практическому, а не теоретическому, обучению подготовке к борьбе с конницей всех запасных частей, особенно тех, которые в ближайшее время отправляются на фронт.

На 3-ей и 4-ой неделе обучения необходимо ежедневно уделять при обучении бою по $1/2$—1 часу на упражнения в отражении конных атак, в нападении на отдельные конные раз‘езды, а также в ночных атаках. При этом следует пользоваться каждым случаем, чтобы, как офицеры и унтер-офицеры, так и рядовые солдаты вы-

работали способность быстро ориентироваться при внезапных нападениях; кроме специальных упражнений по $1/2$—1 часу ежедневно, случаем для обучения будут: отправление на учебный плац и обратно, упражнения во время походного движения, при расположении на квартирах и биваком, даже больше того — занятия в поле всего запасного батальона или частей целого гарнизона. Необходимо проделать возможно больше разных упражнений по отражению конницы при всевозможных условиях, чтобы как инструктор, так и солдат, застигнутые врасплох нападением, автоматически, без промедления, выполнили то, что требует данная обстановка.

Упражнения в отражении конницы следует вести так, чтобы они возможно более соответствовали действительности, ибо только при таких условиях они могут дать хорошие результаты, заинтересовать солдата, заставить его быть постоянно на чеку, и при внезапном нападении конницы, быстро ориентироваться в создавшемся положении. Следует приложить много старания в обучении офицеров и унтерофицеров ориентироваться при нападении конницы.

При этих упражнениях нужно пользоваться всем конским составом, находящимся в распоряжении запасной части.

В гарнизонах, где вместе с пехотой расквартирована конница или артиллерия, последние должны участвовать в занятиях совместно с частями пехоты.

Таблица упражнений, которые необходимо обязательно проделать.

15-ый день обучения, $1/2$ — 1 час.

Показать: появление конного раз'езда на расстоянии 2500 метров, продвижение раз'езда (шагом, рысью, галопом) в определенном направлении. Цепь раз'ездов — расстояние увеличивается и уменьшается. Раз'яснение этих показов. Здесь нужно подчеркнуть, что на такой большой дистанции пехота не стреляет. Тут-же сказать, что до подхода появившейся конницы на дистанцию прямого выстрела еще долго. Пулеметы открывают огонь с дистанции 700 метров.

Как лучше укрепить нервы: не обстреливать малых раз'ездов, не изменять положения, не портить патронов бесцельной стрельбой.

16-ый день обучения, $1/2$ — 1 час.

Конный отряд в развернутом строю движется рысью в направлении обучающихся, останавливаясь каждые 100 метров, — солдаты определяют расстояние.

Упражнение в определении расстояний специально для офицеров. Указанным выше порядком всадники под'езжают до дистанции 800 метров, на этой дистанции они останавливаются. Пехоте об'ясняется, что с этой именно дистанции и следует открыть огонь;—дальше об'яснить, что от спокойствия и меткости огня зависит — повернет ли назад конница, или нет; не следует опасаться приближения конницы на дистанцию даже 200 метров; и тогда еще не трудно отбросить конницу, массировав пулеметы.

17-ый день обучения, 1/2—1 час.

Конный отряд внезапно появляется на дистанции 800 метров (атакует), с рыси переходит в галоп на дистанции 400—300 метров, с дистанции 300 метров поворачивается и в рассыпную отступает. Пулеметы, сберегая патроны (цель для пулеметов не соответствующая), прекращают огонь.

При внезапном появлении конницы пехота без всяких приказаний исполняет следующее:

1) бегом переменяет фронт,

2) берет на изготовку,

3) открывает частый огонь по коннице.

Для соблюдения порядка можно стрелять залпами. Огонь поддерживать до момента поворота конницы.

18-ый день обучения, 1/2—1 час.

Конница появляется в двух пунктах, на дистанции 2000 метров, с целью атаковать фланги пехотной части, охраняемые пулеметами.

Указать цели в соответствующих направлениях и об'яснить, что пулеметы предназначаются, по преимуществу, для охраны флангов.

Об'яснить управление огнем. Конницу подпустить на дистанцию 800 метров,—назначить два прицела и открыть спокойный, меткий огонь. Конные движутся концентрически и поворачивают назад при приближении на дистанцию 300 метров.

Об'яснить слабые и хорошие стороны выполненного упражнения, указать способы исправления ошибок и т. д., подчеркнуть важность пулеметов, особенно при умелом руководстве огнем.

19-ый день обучения, 1/2—1 час.

Повторить упражнения 15 дня обучения при иных местных условиях.

20 день обучения, 1/2—1 час.

Повторить упражнения 16 дня обучения при иных местных условиях.

21-ый день обучения 1/2—1 час.

Показать лаву, построенную по способу Буденного, обратить внимание на его склонность к охвату флангов; об'яснить, как охранять фланги от охватов, строиться глубокими уступами, резервы держать близко.

Лава должна подходить с большой дистанции. Открыть огонь по лаве с 500 метров, провести конницу через пехотную цепь, раз'яснить, что такой прорыв конницы еще не составляет ее победы, отдельные всадники, которым удалось прорваться через пехотную линию, всегда попадают в плен или уничтожаются огнем. Раз'яснить, что всадник находится в известной зависимости от коня, поэтому ему трудно бороться с пехотинцем, лежащим на земле или в окопе. Кони никогда не топчут людей. Показать употребление штыков про-

тив конницы (даже лежа колоть коня в брюхо) и щитов для защиты от ударов сабель.

Это упражнение учит пехотинца отражать атакующую конницу на близком расстоянии.

22-ой день обучения, 1/2—1 час.

Повторить упражнения 21-го дня обучения в иных местных условиях, однако с тем, чтобы конница не подходила ближе дистанции 200 метров.

23-ий день обучения.

Производство днем разведки деревни, занятой конницей.

24-ый день обучения.

Проведение ночной атаки.

Охранение ночью—усиление охранения конницы. Наставление для обучения пехоты борьбе с конницей на каждый день указывает лишь методы, согласно которым следует вести обучение, и устанавливает минимум того, что в данном направлении должно быть сделано. Не следует считать всего указанного шаблоном, тем более, что наставление не исчерпывает всей массы случайностей и всех моментов боя с конницей.

Указанные упражнения можно пройти в меньшее число дней, но при условии, что все пред'обеденное время занятий будет предназначено для них.

Указания по технике упражнений.

Пользоваться для упражнений лошадьми верховыми и обозными, давая их на время занятий только умеющим хорошо ездить. Показывание конницы нужно детально подготовлять и организовать так, чтобы во время упражнения у пехотинца создавалось впечатление, что он имеет дело действительно с конницей.

В гарнизонах, где расположены запасные эскадроны или батареи, нужно привлекать их к совместным занятиям.

Выбирать для упражнений не засеянные поля.

Не стесняться недостачей седел, если нужно, ездить на попонках.

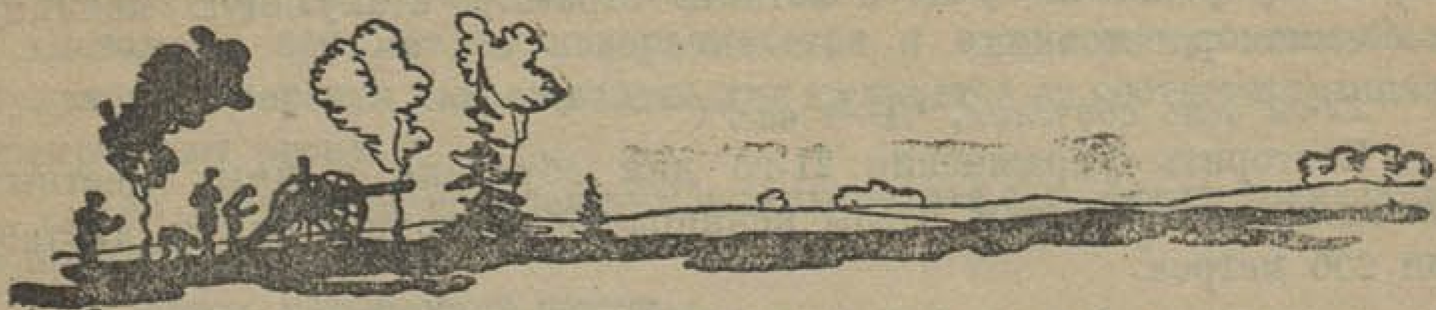
Проявлять инициативу в наиболее простых и целесообразных способах проведения упражнений. Выдумывание неправдоподобных и сложных положений—не поучительно, следует избегать этого.

Заключение.

Настоящий очерк, вызванный потребностью момента, не исчерпывает всех приемов обучения борьбы с конницей, тем не менее, так как дело безотлагательно, он должен немедленно получить самое широкое распространение среди офицеров, унт.-офицеров и рядовых.

Б. Л.

К характеристике польской армии.

Удары, нанесенные Красной Армией полякам, отрезвили воинственно настроенную польскую шляхту, сбили ее гонор и спесь и заставили более трезво оценить собственные силы, а также силы Красной Армии.

В официозном органе польского штаба „Rząd i Wojsko“ за 1921 г., в ряде номеров напечатаны статьи полковника Ружицкого, под общим заглавием „Дни великих поражений и великих побед“, в которых автор довольно поверхностно анализирует причины поражения поляков под Киевом и дает характеристику офицерского корпуса и степени боевой подготовки армии весной 1920 г.

Причины поражения под Киевом полковник Ружицкий усматривает, с одной стороны, в том, что польским главнокомандованием не были в достаточной мере оценены силы Красной Армии, ее способность быстро оправляться от полученных ударов, колоссальная воля и энергия советского командования, отступление большевиков на левый берег Днепра, не приняв боя в выгодных для поляков условиях, а с другой стороны,—главным образом,—в том, что польская армия не только не пользовалась поддержкой всей страны, но разлагалась политической агитацией в тылу.

По этому поводу автор говорит в статье „Главная причина поражения,“ следующее:

„Когда в июне 1920 года мы вынуждены были вступить в решительный оборонительный бой, неожиданно обнаружились во всей полноте своей все недостатки и из'яны нашей армии и, попутно— нашего общества—оно то, прежде всего, и толкнуло Польшу на край пропасти.

Людендорф, в своих воспоминаниях, приходит к заключению, что армия лишь тогда может выполнить свое назначение, если на ее

сторону становится все общество, об'ятое непреодолимой жаждой победы, а боевое напряжение армии встречает полную нравственную поддержку в лице всего народа. Справедливость этих наблюдений отчетливо подтверждают случаи, имевшие место в Польше за время последней войны.

Отношение нашего общества к собственной армии было безусловно отрицательное и ограничивалось пустыми фразами и сентиментальничанием над „нашей дельной, геройской армией“ или же выражалось в такой форме, что приносило вред армии и, деморализуя ее, вносило разложение. Еще несколько недель тому назад*) известные Варшавские органы печати, описывая вручение „булавы“ войскам первому маршалу Польши, старались установить мнение, что на этом торжестве присутствовало мало штатской публики. Таким образом то, что было глубоким переживанием всей армии, известный„ большой“ круг общества не желает признать, так как это не нравится определенным политиканам, клеймящим подобное деяние, „как посягательство на суверенитет Сейма“—и т. п.

Факт этот—весьма знаменателен в отношении известной части общества к армии.

Внутреннее состояние народа весной 1920 г., партийное его увлечение, глубоко идущий раскол, отсутствие понимания всей серьозности момента и великих задач, какие *предстояли армии для выполнения*, все это не поднимало нравственно нашего солдата. Политические партии вожделенно смотрели на войска, ища в них поддержки при реализировании своих политических намерений. Заигрывание разного рода политиканов с войсками и выражение ими восторгов скорее было расчитано на привлечение войск на свою сторону, для собственных целей. Вне этого армией интересовались весьма мало, знали только, что где-то там, на рубежах Речи Посполитой, стоит непобедимая армия и—спячка продолжалась...

Солдат почувствовал, что общество покинуло его...

После же Киевского похода на страницах „Речи Посполитой,“ „Газеты Варшавской“ и где только представлялась возможность, была поднята кампания против главнокомандующего. Кампания эта, какою бы то ни было ценою, стремилась подорвать его авторитет в широких слоях общества а, следовательно, и в армии. Подобные явления могут происходить лишь в наших условиях безвластия и анархии, где политические лидеры ставят партийные вопросы выше народных. В духовно созревшем обществе с подобным явлением столкнуться не пришлось бы. Ведь трудно думать, чтобы руководители известных политических органов печати, нашего общества, были настолько ослеплены, что не понимали, как должна была действовать на солдата эта безумная, анархическая агитация, проводимая в период, когда решалась судьба Польши.

*) Май 1921 г.

Если я высказываю здесь свои замечания, то это совсем не из желания отметить свою партийную принадлежность. Пишу, как солдат, стоящий вне политических партий*), видевший и переживавший тяжелые моменты нравственного упадка нашей армии, стараясь выяснить его причину; последняя-то и выражалась в том, что, агитация изменнически нанесла в спину тяжелый и чувствительный удар войскам, вовлеченным в кровавый бой.

Что может быть более ценным для солдата в моменты неудач и тяжелых поражений, как непоколебимая вера в своего вождя? Не нужно даже понимать психологию войск, чтобы вышеприведенное признать за правду, за аксиому. Особенно это важно было для нашего солдата, который должен своим высоким нравственным уровнем сгладить недостатки своего обучения и боевой подготовки.

После Киевского похода над нашим восточным фронтом появились грозные тучи. На войне нет ничего более тяжелого, как оборонительный бой и отступление, как ожидание в бездействии врага, который атакует, где хочет и когда хочет.

Тогда только вера в вождя, в его счастливую звезду и его гений спасает войска от окончательной ломки и упадка. Солдат не всегда может и должен понимать необходимость тех или иных стратегических передвижений, не всегда может быть осведомлен о причине неуспеха, но он до тех пор будет сражаться при всяких условиях, пока непоколебимо верит своему вождю. Для такого солдата, как наш, с относительно низким умственным уровнем, эта вера в вождя должна быть всегда глубокой основой его послушания и военной дисциплины, в противном случае она будет слабой или же насильно вызванной боязнью кары.

После Киевского похода в этот то „спинной мозг" боевой устойчивости солдата и его нравственных качеств преступная политическая агитация начала просачиваться ядом сомнения. Сколько раз, в то время, когда фронт начинал колебаться и терять устойчивость, до моих ушей доносился следующий разговор солдат: „Зачем нас загнали сюда, пойдем за Буг и там будем защищаться".

Если эта политическая кампания, направленная против главнокомандующего, не проникла непосредственно в широкие массы солдат, то, во всяком случае, сильно подействовала на офицерский корпус. Это характерно для наших войск,—каков офицер, таков и рядовой.

У хорошего офицера всегда хорошие солдаты и наоборот. К этому вопросу, весьма существенному для уяснения наших военных взаимоотношений, я вернусь после, когда буду говорить о нашем офицерском корпусе. В данном случае, меня интересует выяснить лишь те пути, какими пробиралась политическая агитация к широким солдатским массам. Ударила она и в офицерский корпус.

*) По мнению полковника Ружицкого, очевидно, выходит, что ругать одну политическую партию и защищать другую —Пилсудского—значит быть „вне партии"!

После первых неудач на фронте, в конце мая и в начале июня, наш офицерский корпус охватила мания критицизма и искания причин отступления и поражения. А так как наш офицер не грешит избытком гибкости суждения в общественных и политических вопросах и всегда не настолько достаточно ориентирован в этом отношении, чтобы более или менее высказаться самостоятельно, неоднократно приходилось слышать мнения и взгляды, целиком взятые из „Речи Посполитой“ и родственных с ней органов печати, которые весьма примитивно разрешали вопросы, столь интересующие войска. Шло это сверху донизу и встречалось во всех военных сферах. Нет надобности доказывать, как это влияло на ход военных действий и на психику рядового, который реагировал массовым дезертирством с фронта.

Не столько большевики, сколько собственное общество, а, во всяком случае, известная его часть, руководимая не вполне честными политиками, очень заметно приобщилась в июне и июле к победе над нашей армией. Если впоследствии под Варшавой мы одержали победу, то не потому, что побудитель этот перестал вдруг действовать, теряя свою силу, но потому, что тогда выступили с необычной мощью другие силы, которые заглушили все остальное, а ими оказались—здоровый инстинкт самосохранения широких масс общества и колоссальная, непреклонная воля великого вождя народа“.

Далее полковник Ружицкий переходит к характеристике офицерского корпуса и обучению польской армии весной 1920 г. Эти главы мы приводим полностью, думая, что они представляют интерес для читателей, т. к. сведения, которые сообщались по этому вопросу в нашей печати, очевидно, не совсем отвечали действительности и склонялись в сторону переоценки боевой подготовки и боевых качеств польской армии.

Офицерский корпус.

„Главную массу нашего офицерского корпуса составляют офицеры из бывших армий захватных государств, прежде всего, из бывших русских и австрийских армий, с небольшим количеством офицеров германской армии. В численном отношении на дальнейшем плане стоят офицеры Польских и Восточных легионов и, наконец, офицеры, получившие образование в военных школах после достижения независимости.

Среди отдельных групп наших офицеров существует также резкое отличие, так как не следует забывать, что иное представляет собой кадровый офицер одной из бывших армий захватных государств, и совсем другое—резервный, который пробыл весьма непродолжительное время в рядах русской или австрийской армий, причем шел по принуждению, а, следовательно, и неохотно.

Кадровые офицеры бывших армий захватных государств вступили в наши войска, как специалисты и единственные знатоки военного дела, в противоположность другим офицерам—дилетантам, не окончившим до войны никакой регулярной военной школы, но приобревшим все свои познания в военное время. На фоне этой специализации и дилетантизма, возникали и возникают трения среди офицеров, которые причиняют войскам неисчислимый вред.

Представим себе служебные отношения, где во главе какой-нибудь высшей боевой единицы, армии или дивизии, стоит офицер бывших польских легионов, а командиром подчиненной ему дивизии или бригады будет старый, опытный офицер, который пробыл японскую кампанию или принимал участие в оккупации Боснии и Герцеговины, а во время великой войны командовал какой-либо крупной единицей регулярной армии. Естественно, приказания, идущие сверху, неоднократно встречаются с предубеждением и полным нежеланием их понимать и исполнять.

Я сам был очевидцем прискорбной сцены, в которой один из командиров крупной боевой единицы, в присутствии офицеров своего штаба, в резких выражениях охарактеризовал приказания, последовавшие сверху и подписанные генералом не специалистом. Однако, отличные по существу, содержанию и форме приказания, вызвали предубеждение и недовольство только лишь потому, что они исходили от офицера с высшим специальным военным образованием. При подобных условиях не могло быть и речи о тщательном и серьезном исполнении приказания и я получил впечатление, что это именно было причиной одной из неудачных боевых операций, которой главнокомандование, в период отступления, придавало громадное значение.

Вопросы специализации и дилетантизма наших офицеров, так часто затрагиваемые в прессе лицами, лишенными необходимой в данном случае об'ективности, по моему мнению, в настоящее время являются совершенно неуместными и только в высокой степени затрудняют уяснение существенных недостатков нашего офицерского корпуса и надлежащих мер к его исправлению и, прежде всего, неужели критерием хорошего офицера вообще, а польского в частности, служит свидетельство об окончании им военной академии одного из захватных государств? Неужели же, кроме глубоких специальных знаний, офицер не должен обладать, не менее важными, умственными и душевными качествами, именно тем, что мы зовем „сила воли и характера“.

Хороший офицер должен быть, прежде всего, воспитателем солдата и полководцем, а для этого необходимы характер, сильная воля, чувство долга и такт. Полное понимание души солдата, а в бою инициатива и непоколебимое присутствие духа,—все это качества врожденные, которых не заменят самые глубокие познания в области военного искусства. Между тем, я получаю впечатление, что при

обучении и воспитании кадровых офицеров бывшей русской и австрийской армий совершенно об этом забыто.

Послушаем, впрочем, что говорит о кадровых офицерах б. австро-венгерской армии генерал Крамон—во время великой войны, представитель германской армии в главном австрийском штабе: „При воспитании офицеров заброшена выработка воли, так как в оценку больше принимались знания. Воспитывали скорее подчиненных, но не самостоятельных, сознающих свою волю, начальников; систематически приучали офицеров к чувству подчиненности и руководимости. Точно также, в генеральном штабе решающее значение придавалось знаниям; они превосходно сумели овладеть системой управления войсками и отдачей приказаний, зато очень слабо ознакомились с тем орудием, при помощи которого можно было бы использовать эти знания“.

Среди кадровых офицеров бывшей русской армии, в этом отношении, царит еще худшее положение. В настоящее время всем стало известно, что Японскую кампанию Россия проиграла, главным образом, благодаря неспособности полководцев, отличавшихся отсутствием всякой инициативы, чувства долга и силы воли. То же повторялось в продолжении великой войны. Весьма знаменательны слова подполковника Tettau'a, в его очень интересной книге: „Kuropatkin und seine unterficher“ (Куропаткин и его помощники).

„Мы знаем—говорит подполковник Tettau, что Куропаткин и его помощники были выдающиеся генералы в мирное время, что главнокомандующий до войны прекрасно вел царские маневры и, даже за-границей, приобрел славу превосходного генерала. Но, когда настал час серьозной поверки и принятия полных ответственности решений, от которых зависила участь армии и родины, тогда оказалось, что Куропаткину и его помощникам не доставало того, что характеризует настоящего полководца“.

Россия проиграла две войны не потому, что ее армии недоставало специальных знаний, но потому, что среди полководцев не было людей, обладающих выдающимся по своей силе характером.

Если за наши поражения и неудачи летом 1920 г. ответственность падает на офицерский корпус, то это не потому, чтобы у нас не было достаточной специализации или развился дилетантизм, но за отсутетвием выдающихся и сильных характеров.

Анализируя основательно и об‘ективно какую-либо из неудавшихся летних операций 1920 г., убедимся, что единственным решающим мотивом неудач было отсутствие у полководцев инициативы, предприимчивости и желания принять на себя ответственность. Кадровые офицеры бывших армий захватных государств привыкли прежде всего к известным уже урегулированным условиям работы, где приходится оперировать строго определенными и установленными элементами. У нас же, именно, этого не было,—везде был хаос, отсутствие организации и порядка. Люди со слабым характером, именно, в

этих условиях находили прекрасное оправдание своей бездеятельности, имея возможность взвалить всю ответственность на обстоятельства или же на других.

Среди большинства наших офицеров не было, к сожалению, того убеждения, что, чем больше недостатков в нашей армии, тем усиленнее каждый обязан работать, тем большая ответственность падает на каждого.

Характерно отклонение одним из выдающихся наших офицеров предложенного ему ответственного поста, мотивируя тем, что в наших условиях нельзя брать на себя ответственности за вверенную часть".

Эта характеристика офицерского корпуса столь красноречива, что, как говорится, комментарии излишни.

Обучение польской армии весной 1920 г.

„Отрицательное отношение нашего общества к собственной армии, усиленная кампания, которую вели народные демократы против главнокомандующего, все это принесло потрясающие последствия и сильно деморализовало войско—молодое, импровизированное создание, обладающее многими недостатками и дефектами, а, вследствие этого, мало устойчивое орудие войны, боевые качества которого в высокой степени зависили от постоянно сменяющихся настроений. До тех пор, пока положение на фронте нам благоприятствовало и мы одерживали победы, естественно, было несвоевременным говорить громко о далеком несовершенстве наших войск; впрочем, в ту пору, дефекты эти не обрисовывались с такой ясностью. Когда же счастье от нас отвернулось, тогда лишь только начали искать причину неудачи, поражения и уяснять все недочеты и упущения.

Армия наша, весной 1920 г., в общих чертах представляла собою войско весьма слабо обученное и разнообразно вооруженное, еще со времен «польской вооруженной силы». По традиции последней нам завещана идея 6—8 недельного обучения пехотного новобранца. Эта гомеопатическая доза обучения властно привилась у нас в 1919—1920 г. г., и мне нигде не приходилось наталкиваться на сколько-нибудь резкое подчеркивание, что методом этим следует пользоваться лишь в исключительных случаях, что это неизбежное зло и что в 6 или 8 недель из неграмотного новобранца нельзя сделать хорошего солдата. Забыли совершенно, при каких условиях и где возникла идея 6—8 недельного обучения пехотного новобранца: идею эту применили армии европейских государств после первых кровавых битв 1914 г., когда требовалось в спешном порядке удержать численный состав армии и создать новые резервные части; кроме того, новобранцы с 6 недельной выучкой представляли из себя здоровый

кадр, имеющий превосходный унтер-офицерский корпус. Затем в германской армии 6-ти недельный рекрут, по прохождении элементарного обучения, попадал в так называемый «Feldrekrutendepot», где уже, в атмосфере близкого фронта, под влиянием непосредственного военного опыта, подготовлялся для соответствующих боевых действий.

У нас, конечно, 6—8 недельный труд над рекрутом не был столь действительным, как, например, в германской и французской армиях, где запасные части имели относительно многочисленный инструкторский состав, и где рекрут мог быть сразу хорошо одетым и вооруженным. У нас, в запасных частях, труд над обучением рекрута наталкивался на громадные препятствия, за недостатком у солдат обуви и плащей, так что, в большинстве случаев, осенью и зимой, не могло быть разговора о значительных боевых упражнениях в поле; ограничивались проделыванием простейших ружейных приемов и занятиями в казармах. Инструкторский же состав был малочисленный и не всегда стоял на высоте своего назначения. Вследствие этого, программа 6—8 недельного обучения являлась лишь фикцией; большею частью, в поле отправлялись новобранцы, не имевшие абсолютно никакого понятия об обращении с оружием. Конечно, положение в этом отношении в разных частях было различно: в одних лучше, в других хуже.

Во всяком случае, обучение нашего солдата, отправляющегося на фронт, в общих чертах, было весьма мизерное и, прежде всего, разнообразное. Такой новобранец попадал в полк, на фронт и проходил через учебную команду дивизии; хорошо, если совпадало так, что полк стоял в резерве,—тогда рекрута удавалось еще кое-чему выучить, но конец приходил его самым элементарным познаниям, когда полку предстояло непосредственно столкнуться с врагом. Наши дивизии, разбросанные на обширном фронте, занимали участки протяжением в 50—90 кил. и служба патрулей, постов поглощала почти весь боевой состав дивизии. На основательное и систематическое обучение новобранца не было времени, а, кроме того, в период зимнего застоя в операциях, наш фронт заболел каким-то хроническим проделыванием постоянных вылазок.

Не подлежит сомнению, что это было единственным средством и единственно возможной была активная оборона нашего восточного фронта, однако, не следовало доводить этого до абсурда, до какой-то мании вылазок, до чрезмерного конкурирования соседних частей в устраивании вылазок. Говорено постоянно о том, что необходимо деморализовать большевиков, и слишком мало думалось о том, чтобы, прежде всего, в собственном солдате удержать на известном уровне его нравственный и боевой дух. Несомненно, что частые вылазки с нашей стороны деморализовали противника и, не влияя качественно на нашего солдата, приучали его к дешевым и легким успехам и,

что еще хуже, приносили ему известные материальные выгоды, так как из набегов привозили большую добычу, захваченную у противника.

Если бы этих вылазок было несколько меньше, то, полагаю, что в течение зимнего периода фронт был бы нами удержан, а новобранец лучше обучен и приспособлен к летней кампании 1920 г. Нужно признать, что в этом отношении зиму 1919—20 г. г. мы проморгали, не использовав с должной интенсивностью продолжительного застоя в операциях на дообучение солдата.

Возьмем, например, 1-ую литовско-белорусскую дивизию (в настоящее время группа ген. Желиговского в Вильне), которая в течение зимы занимала участок на правом фланге 1-ой армии (под Березиной) и оставалась в течение нескольких месяцев в бездействии. Весною солдат был настолько утомлен, что в мае месяце, во время большевистского наступления, не выдержал и отступил.

Затем программа 6—8 недельного обучения была слишком мало применительна к требованиям восточной войны—войны пехотных и автоматических винтовок. Если основой выучки хорошей пехоты, отвечающей даже требованиям большой войны, является выработка у нее доверия к винтовке, как огнестрельному и холодному оружию, то принцип этот должен быть обязательным в восточной войне. Наша пехота почти не была обучена стрелковому делу и, вследствие этого, потеряла доверие к винтовке, этому идеальнейшему и основному оружию пехоты. Во многих случаях совершенно было излишним допускать не умеющего стрелять новобранца к упражнениям ручными гранатами, забывая при этом, что введение таковых являлось доказательством некоторого упадка тактики пехоты, которая не умела, в достаточной степени, владеть присущим ей оружием—винтовкой. И, как пригодилось бы в тяжелые июньские дни отступления, это доверие солдата к винтовке и хотя кое-какие познания в области стрелкового дела.

Полагаю, что в настоящее время навсегда придется проститься со всеми рецептами ускоренной подготовки солдата, и инструкции 6—8недельного обучения, в скором будущем, со всей торжественностью, будут преданы костру. Конечно, долго еще придется бороться с навыками прошлого, пока, наконец, войска не проникнутся убеждением, как, в действительности, продолжителен и тяжел труд, чтобы из безграмотного новобранца создать хорошего пехотинца, даже при условии такого превосходного солдатского материала, каким мы располагаем“.

В заключение приведем еще одну статью этого же автора, касающуюся применения технических средств борьбы в минувшую войну. Выводы полковника Ружицкого по этому вопросу совпадают с теми выводами, которые делались и у нас.

Артиллерия, авиация, бронепоезда и повозки.

„В кампанию 1919—1920 г. артиллерия не сыграла той выдающейся роли, как это было в 1914—1918 г., где этот род оружия имел решающее значение. Война с большевиками была, прежде всего, наступательной войной частей, относительно незначительной силы, разбросанных на обширных пространствах восточного фронта. Таким образом, не было речи о сплошном фронте, загроможденном сетью непрерывных проволочных заграждений и другими препятствиями. Лишним было концентрирование крупных артиллерийских сил для пробивания брешей. Укрепленную позицию выгоднее было обойти с флангов и, таким образом, заставить противника оставить оборонительные позиции. Как одна, так и другая сторона не располагала, при этом, большим количеством артиллерийского снаряжения, так что никогда не доходило до артиллерийских боев в крупном масштабе.

Артиллерия наша страдала, прежде всего, от недостатка артиллерийского снаряжения; только лишь в 1920 г. полки полевой артиллерии получили почти все французское вооружение. Хуже обстояло дело в этом отношении, с тяжелой артиллерией, но здесь разновидность моделей не представляет таких неудобств, как в полевой артиллерии. На развитие и существование нашей артиллерии, как вообще всякого технического оружия, катастрофически влияло отсутствие собственной военной промышленности. Приходилось все приобретать за границей за громадные суммы и преодолевать большие трудности в их транспортировании.

В течение критических летних дней 1920 г. постоянно возникала мысль о возможном перерыве транспортов с оружием и аммуницией и невозможности снабдить во-время боевые части военным материалом. Нужно признать, к сожалению, что вопрос о приведении в движение собственной военной промышленности остался у нас заброшенным, и в течение двух лет независимого существования можно было в этом направлении сделать значительно больше. Приведены были в движение, здесь и там, артиллерийские мастерские, где можно было проводить успешно более сериозные исправления, но, конечно, этого было не достаточно. Спрос на артиллерийское снаряжение был у нас относительно большой, не везде, однако, умели обращаться с французскими пушками, вследствие чего польза от французских орудий, была сравнительно не большая. Большинство наших артиллерийских офицеров, особенно офицеры бывшей австро-венгерской армии, не были в достаточной степени ознакомлены с новым орудием, причем не питали к нему доверия, так как были глубоко убеждены в превосходстве австрийской артиллерии.

Организационно, всякая 4-х полковая пехотная дивизия имела одну артиллерийскую бригаду, в состав которой входит один полк тяжелой артиллерии. Ввиду слабой стрелковой подготовки нашей пехоты и

недостаточного снабжения ее автоматическими винтовками, сила огня такой дивизии была слишком незначительна, так как количества полевой артиллерии положительно не хватало. Войска тем более „нуждаются в артиллерии, чем они слабее“—говорит Наполеон. Имеются корпуса, которым достаточно одной трети того количества артиллерии, какое нужно другим корпусам. Основательность воззрений великого императора подтвердила в полном значении слова великая война. Несомнéнно, что под влиянием примеров великой войны наша дивизия имела непропорционально большое количество тяжелой артиллерии, что в условиях войны с большевиками, было совершенно лишнее. Хотя, быть может, действия тяжелой артиллерии имели громадное моральраное влияние, но фактически на большевистском фронте вполне можно было обойтись более незначительным ее количеством, увеличивая зато количество полевой артиллерии. При подобном разрешении вопроса сила огня дивизии достигла бы большей интенсивности.

Во время великого отступления от Двины и Березины до Вислы, дивизии смотрели на тяжелую артиллерию, как на балласт, поглащающий большое количество солдат для охраны. Таким образом, тяжелую артиллерию отсылали в тыл, дабы она не досталась противнику. Больше, подчас, оберегали тяжелую артиллерию от потерь, чем заботились об уместном применении ее в бою.

Что касается действительности огня нашей артиллерии, то, ввиду разнообразия, царящего и в этом роде оружия, трудно вывести какие-либо общие заключения для всех войск. В смысле обучения, артиллерия наша стояла несколько выше пехоты, хотя и тут царило настроение, вызванное краткосрочной программой обучения новобранца. Потери артиллерии были значительно меньше, вследствие этого каждая батарея имела большое количество относительно старых солдат, так что прибывающие пополнения, подготовленные, подчас поверхностно, не слишком обнажали уровень подготовки артиллерии, как это имело место в пехоте. Имелись батареи прекрасно обученые вообще, и, в частности, стрельбе; наряду с ними, встречались также и такие, которые не оправдывали возлагаемых на них надежд.

При тактическом применении артиллерии, влияли немало традиции великой войны, которые не всегда отвечали требованиям кампании 1919—1920 г. г. В большинстве случаев артиллерия располагалась слишком далеко от фронта, тогда как можно было стрелять непосредственно с линии расположения пехоты. Тактические взаимодействия пехоты с артиллерией оставляли желать многого. Артиллерия была подчас, быть может, слишком уступчива в отношении желания пехоты, которая, согласно примерам, заимствованным у позиционной войны, требовала продолжительной и основательной подготовки расположений, которые можно было бы взять смелой и решительной атакой.

Подобно артиллерии, и авиация страдала недостаточным количеством хороших аппаратов.

Аппараты, присланные нам с запада, не всегда были в хорошем и годном к употреблению состоянии. Летчики наши вынуждены были летать на аппаратах, обладающих большими недостатками, способствовавшими большому количеству несчастных случаев и потерь, превышающих потери от пуль противника. В продолжение летних боев 1920 г. на фронте чувствовалось значительное отсутствие летчиков.

Количество действовавших аппаратов положительно было недостаточно, дабы удовлетворить всем требованиям, пред'являемым авиации войсками, как в боевом, так и в разведывательном отношении. И как пригодилось бы еще несколько хороших боевых эскадр во время нашего отступления на Украйне и в Подолии, когда с конницей Буденного не могли совладать, ни наша конница, ни пехота. Смелая и решительная эскадра, обстреливающая с небольщой высоты колонны большевистской конницы, могла бы причинить серьозные потери, деморализовать и решительно задержать налет конницы Буденного. Если бы у нас было больше хороших аппаратов, действия эти можно было бы вести беспрерывно и систематически, тем более, что большевики не могли бы этому помешать, так как их авиация не отличалась обильным снабжением.

Полагаю, что таким путем мы гораздо скорее одолели бы Буденного, чем преследованием его плохо импровизированным корпусом конницы.

Характерным явлением войны с большевиками—было применение для боевых целей бронированных автомобилей и поездов.

Война 1919—1920 г.г. была, кажется, первой, где этот род оружия нашел столь широкое применение. Впрочем, бронированные поезда играли далеко не второстепенную роль во всех колониальных войнах, как например, в англо-бурской войне 1900—1902 г. г., однако, не в такой степени, как во время польско-большевистской войны. В первый раз, на нашем фронте, бронированные поезда были применены в боях у Львова, а потом нашли повсеместное применение на восточном фронте, принимая в каждом боевом действии заметное участие. Успешное применение бронированных поездов в первых рядах—сделало возможным отсутствие сильной артиллерии у обоих сторон. Большевики также обладали большим количеством броневиков, и, нужно признать,— очень удачно и с большой смелостью умели ими пользоваться, что не всегда можно сказать о нас.

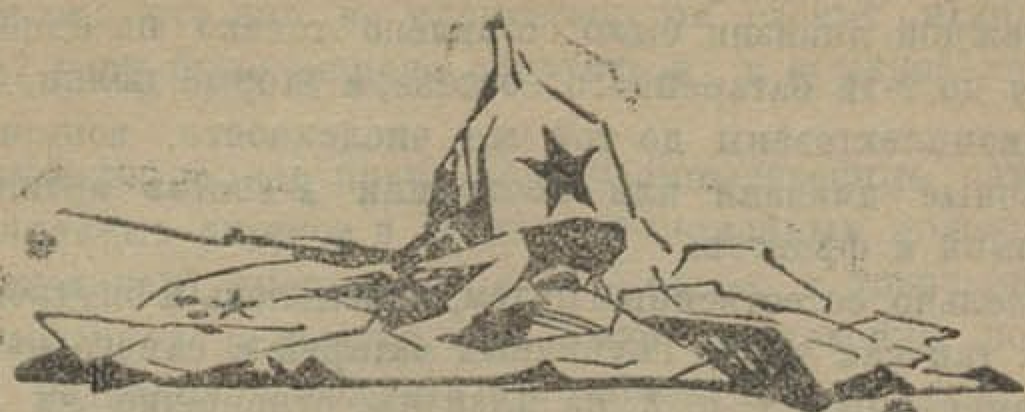
Более широкому применению бронированных автомобилей мешало отсутствие хороших шоссейных дорог на восточных рубежах, а также то незначительное количество их, каким располагали наши войска. Умело использованные и управляемые решительно и смело, они неоднократно оказывали боевые услуги, как например, в вылазке бронированной группы 3-й армии, во время выхода на Волынь, непосредственно после наступления на Варшаву, группа бронированных автомобилей, с отрядом пехоты на грузовых автомобилях, и батарея

полевых орудий ускоренным ходом по Холмскому шоссе, через Брест-Литовск, ударила на Ковель и овладела им прежде, чем большевики успели эвакуировать город. Благодаря этой неслыханно смелой фланговой вылазке, нам досталась большая добыча и свыше 1000 нагруженных вагонов.

Что же касается бронированных повозок, то хотя они кое-где оказали довольно серьозные услуги, как например, при взятии Бобруйска осенью 1919 г., но вообще в период наступательных боев в 1920 г. не были особенно нужны. Их отсылали далеко в тыл, чтобы они случайно не достались большевикам, но когда являлась возможность воспользоваться бронированными повозками, тогда как раз их не было под руками; как например, добровольческая армия в первых днях сентября атаковала Гродно без помощи тяжелой артиллерии и повозок, которых нельзя было подвезти во время".

Ив. Московитин.

Германская артиллерия в 1914—17 г. г.

(Краткий очерк развития).

Установить точную картину развития германской артиллерии за время войны еще не представляется возможным, однако, по некоторым документам, преимущественно французского происхождения, можно иметь достаточно полное представление о той эволюции, которую проделали немцы за 1914 — 17 г. г.

Изменение физиономии германской артиллерии совершалось трояким образом: а) техническим усовершенствованием имевшихся орудий, б) применением новых систем и в) введением новой организации и увеличением численности частей.

Хронологически первое изменение претерпела организационная сторона. В начале войны в каждой дивизии состояло по два артиллерийских полка, в общем составе 12 батарей по 6 орудий, из которых три батареи гаубичных, т. е. всего по 54 полевых пушки и 18 гаубиц на дивизию. В начале 1915 года для вновь формируемых частей потребовалось большое количество орудий. Тогда состав полевых батарей был уменьшен до 4 пушек, что дало возможность увеличить численность батарей германской армии на 50%, сохранив в то же время еще вполне достаточную мощность каждой из них (французы имели с самого начала четырехорудийные батареи). Однако, число орудий, приходящееся на тысячу штыков, в результате этой меры понизилось.

Чтобы несколько компенсировать этот недостаток, по мере поступления орудий, стали формировать отдельные позиционные легкие батареи, прикреплявшиеся к участкам и в дивизии не входившие. Вместе с тем, еще с середины 1916 г., выяснилась необходимость придать всей артиллерии более гибкую организацию, которая допу-

скала бы образование ударных масс, требуемых при атаке и противодействии наступлению противника (артиллерия усиления). В связи с этим, в каждой дивизии было оставлено только по одному полку, доведенному до 9-ти батарейного состава, а вторые полки, будучи выделены и укомплектованы до той же численности, вошли во вновь сформированные дивизии или поступили в состав артиллерийских резервов армий и фронтов.

Параллельно, естественным путем, изменилось и внутреннее строение полков: так как число гаубичных батарей с самого начала оставалось неизмененным, т. е. 3 на дивизию, отношение их к общему числу орудий, вместо прежней $^1/_4$, стало равным $^1/_3$.

Следующее изменение было проведено в организацию высшего артиллерийского командования. До 1916 г. старшим из артиллерийских начальников дивизии считался командир артиллерийской бригады, а с переходом к однополковой организации — командиры последних. В этих условиях об'единения всей, и легкой, и тяжелой, артиллерии дивизии фактически не было. В 1916 г. была учреждена должность начальника артиллерии дивизии (Artiellerie Kommandeur), с подчинением ему всех частей легкой и тяжелой артиллерии дивизии и придачей воздухоплавательных и авиационных средств.

Артиллерия усиления — так называемые отдельные подвижные или летучие полки, были различной численности, преимущественно шестиорудийного состава. На вооружении их, по не вполне проверенным данным, состояло три типа орудий: 77 м/м. полевые пушки 96 г. Р/А (около 30-ти батарей), 77 м/м. полевые пушки обр. 1916 г. KIH (около 30 батарей) и 105 м/м. гаубицы (около 25 полков). По одним сведениям—отдельных гаубичных полков не существовало, а были только трехбатарейные дивизионы полевых гаубиц в составе ряда полков, по другим же — целая серия формирований получила на вооружение 105 м/м. гаубицы.

Отдельные позиционные батареи были сформированы преимущественно для восточного (русско-румынского) фронта, в количестве около 100. На вооружении их состояли 77 или 90 миллиметровые пушки. Есть вероятность, что некоторые из этих батарей были преобразованы в ездящие или тяжелые.

Кроме указанных категорий, 1915 год принес германской армии горную артиллерию, достигшую к концу 1916 года численности около 25-ти шестиорудийных (вначале четырехорудийных) батарей. На вооружении их состояли частью вновь сконструированные горные пушки Эргардта, частью легкие горные гаубицы. В начале 1916 г. из трофейных русских трехдюймовых пушек было сформировано 27 батарей, по 6 орудий, которые были приданы пехоте. Появление в англо-французской армии танков заставило, год спустя, прибегнуть к созданию специальной противотанковой артиллерии, так называемых батарей ближнего боя (Nahkampf Batterien), получивших на воору-

жение по шесть 77 м/м. полевых пушек на специальных низких колесах. Таких батарей было создано до 50-ти. Однако, в боях под Аррасом выяснилось, что они не удовлетворяют своему назначению, почему в 1917 году было решено обратить их в обыкновенные полевые батареи.

Организация парков претерпела несущественные изменения: количество зарядных ящиков в легких муниционных колоннах (придаваемых дивизионам) уменьшено с 23 — вдвое; в дивизионных муниционных колоннах первоначально было 3 колонны по 21 ящику для 77 м/м. патронов, 1 колонна в 21 ящик для 105 м/м. гаубичных патронов и 2 колонны, по 32 ящика каждая, для ружейных патронов. Это количество подвергалось различным уменьшениям, в зависимости от состава артиллерии дивизии, колеблясь от 2 до 4 артиллерийских колонн на дивизию. Число же пехотных колонн было повсюду ограничено одной. Личный состав колонн, соответственно этому, также претерпел сокращение.

О штатном облике полевых артиллерийских частей дает представление следующая таблица *).

	При мобилизации:					В 1917 году.				
	Офицеров.	Солдат.	Лошадей.	Орудий.	Зарядн. ящ.	Офицеров.	Солдат.	Лошадей.	Орудий.	Зарядн. ящ.
Батареи 77 м/м. пушек . .	5	146	137	6	6	4	115	98	4	4
„ 105 „ гаубиц . .	5	146	137	6	6	4	121	103	4	5
Горные батареи	—	—	—	—	—	6	200	123	6	6
Позиционные батареи . . .	—	—	—	—	—	3	100	10	6	—
Пехотные „ (3" русские пушки)	—	—	—	—	—	3	100	60	6	—
Батареи ближнего боя . . .	—	—	—	—	—	2	70	10	6	—
Легкие муниционные колонны	4	188	196	—	23	2	109	90	—	11

О тяжелой артиллерии имеются гораздо менее подробные сведения; ограничиваются они, преимущественно, указаниями на калибр и основные свойства орудий, приводимые ниже.

Весьма значительные изменения выпали на долю технической стороны артиллерии. Основное орудие — 77 м/м. пушка 96 г. n/А, в 1916 г. получила существенные усовершенствования.

Тело орудия удлинено с 27,3 до 35 калибров, крутизна нарезов увеличена с 7° до 8°25'. Затвор и казенная часть—прежние. Тело положено на круглый стол (платформу), облегчающий боковые повороты. Поворотный стол соединен с лафетом 105 м/м. полевой гаубицы. Благодаря этому, предельный угол возвышения, не превышавший в орудии 77 м/м. n/А — 16°, доведен до 38°, в связи с чем дальность

*) Из разведывательной сводки штаба ю.-западного фронта 1917 г. № 247.

стрельбы возрасла с 8400 мт. до 10000 мт. Попутно увеличился и общий вес системы, достигший 1300 килограммов (вместо прежних 980), что должно сильно отразиться на подвижности полевой германской артиллерии. Новое орудие получило название полевой пушки обр. 1916 года (Feldkanone 1916 — F. k. 16), иначе 77 KIH — 77 м/м. пушка на гаубичном лафете (Kanone in Haubitzlaffete).

Огнестрельные припасы также изменились. Боевой заряд иногда заключен в отдельную от снаряда гильзу (раньше у полевых пушек были исключительно унитарные патроны); появился довесок для стрельбы на дальние дистанции; введены пламягасители и уменьшенные заряды для сохранения каналов орудий и увеличения углов падения.

Универсальный снаряд был прекращен выделкой в 1915 г. Шрапнель осталась без изменения. Зато граната подверглась неоднократным усовершенствованиям. Первоначальный тип, из литой стали, с разрывным зарядом в 115 граммов, исчез и заменен более легко выделываемым стале-чугунным снарядом обр. 1914 г., а потом вновь стальным—обр. 1915 г. Война показала, что соображения, положенные в основу конструкции французских (и русских) фугасных снарядов, дают большее полезное действие, почему разрывной заряд был увеличен сперва до 260 (обр. 14 г.), а потом до 370 граммов (обр. 15 г.). Наконец, в 1916 появляется удлиненный, тонкостенный стальной снаряд с разрывным зарядом в 920 граммов. Таким образом разрывной заряд увеличился с начала войны в пять раз.

С 1916 г. вводится также головка к удлиненной гранате, увеличивающая дальность стрельбы и усиливающая рикошетирование (для осколочного действия). Появление танков вызвало к жизни специальный фугаснобронебойный снаряд, с разрывным зарядом в 185 гр. Отличительными особенностями его являются—усеченная плоская головка и ударная трубка с замедлителем.

Аналогичный процесс наблюдается и в гаубичных 105 м/м. снарядах, где также отменяется универсальный снаряд и увеличивается (правда, только на 7, 5%) разрывной заряд.

Для полевых орудий вводятся химические снаряды, содержащие 1—1 ½ кгр. жидкости. Кроме того, появляются пристрелочные снаряды с улучшенной видимостью разрывов (⅓ боевого комплекта пушки и ½ гаубицы).

Первоначальными образцами тяжелой артиллерии полевых армий были: 15 с/м. гаубица, 21 с/м. мортира и 10 с/м. пушка. Батареи этих орудий составляли армейскую тяжелую артиллерию, всего 400—500 тяжелых орудий, из них около 350—15 с/м. гаубиц. Кроме того, в качестве образчика немецкого „кунстштюка" имелась 42 с/м. мортира— т. наз. «Grosse Bertha».

Позиционная война вытянула из сухопутных и береговых крепостей, а также и с судов, всевозможные системы, включительно до

28 с/м. береговых гаубиц, 38 с/м. морских пушек и знаменитой пушки „Колоссаль“, специально построенной для обстрела Парижа. Вместо первоначальных пяти образцов орудий, в поле оказывается 50, т. е. германцы пускают в обращение все свободные ресурсы, подобно французам (около 60 образцов вместо 6) и русским (до 55 образцов). В соответствии с этим появляется громадное разнообразие огнестрельных припасов—не менее 100 образцов (вместо 10) снарядов и до 50 типов трубок.

Траншейная артиллерия в германской армии представлена 75-ти миллиметровыми легкими бомбометами, 17 с/м. средними и 25 с/м. тяжелыми. Боевой комплект их состоит из фугасных, химических и зажигательных снарядов. Главнейшие свойства этих орудий следующие: дальность 1040 метр. для легкого, 1190 мт. для среднего и 850 метр. для тяжелого бомбомета; веса фугасных снарядов, соответственно—4, 5; 45, 2 и 95 кгр.; разрывных зарядов—0, 56; 9, 8 и 43 кгр. Взрывчатое вещество—астралит, смесь селитры, динитротолуола и небольшого количества нитроглицерина, иногда—нитролит, смесь селитры и тринитроанизола.

Кроме того, имеются сведения о пятиствольной 37 м/м. револьверной автоматической пушке и одноствольной пушке того же калибра, 2 с/м. противосамолетной автоматической пушке на тумбовой установке, а также 5 и 6 с/м. пушках в бронированных башнях (противотанковые орудия).

Из образцов артиллерии ближнего действия—бомбометы обслуживались пехотой, а остальные—артиллерийскими средствами.

В результате описанной эволюции, общая численность германской артиллерии возросла в значительной мере и достигла 3500 батарей вместо 700 (приблизительно), предполагавшихся при мобилизации; число орудий с 3895, значившихся в 1914 г. по штатному составу германской армии, к 1918 г. превысило 12.000. В связи с этим коэффициент насыщенности армии артиллерией, равный в 1914 г. 5, 2 орудий на 1000 штыков, к 1918 г. достиг 8 (не считая противосамолетных, конных и горных батарей).

Приведенные факты, в числе прочего, сильно омрачают тот ореол предусмотрительности, которым мы привыкли окружать немецкие приготовления к войне 1914—18 г. г. Германские предположения оказались ошибочными не только в области продолжительности, но и в определении размеров тех технических средств, которые были в действительности использованы на поле брани.

М. Волчанецкий.

Журнал для младшего комсостава.

С давних пор у нас привилось положение, охарактеризованное Щедриным, как „писатель пописывает, а читатель почитывает“.

В этих немногих словах схвачен весь смысл положения литературы вообще и военной в частности: разделение на пишущих и читающих, механическое вырабатывание построчной платы и равнодушное „почитывание“ написанного теми, для кого оно предназначалось.

Старая русская армия состояла из людей двух категорий. Одни, ученые, украшенные значками и аксельбантами, творили, спорили на глубокомысленные темы, считали себя „солью земли“, „белой костью“ армии. Другие—„серая масса“—на учениях месили ногами грязь, жили от двадцатого до двадцатого числа и терпеливо ждали роты и двух просветов на погонах, завистливо гледя, как избранные счастливчики с бархатным воротником обгоняли их по службе. Первые—пописывали, дебатировали вопросы о „военной доктрине“, „стратегических резервах“, походах Ганнибала, Юлия Цезаря и Тамерлана, охватах, маневре....... Вторые—были чужды этим вопросам, не могли интересоваться ими по самому своему положению и, в лучшем случае, только почитывали, как ученые спорят, часто даже не отдавая себе отчета в значении того или иного спора.

Существовавшие прежде Военный Сборник, Инженерный, Артиллерийский и пр. журналы отражали в себе именно такое положение—многомудрые статьи, доступные лишь „избранным“ и полное молчание о нуждах, потребностях и запросах войск, обо всем, что волнует и интересует „серые“ массы рядовых деятелей армии.

Нынешняя военная литература отличается от прежней тем, что в массе она стоит гораздо ближе к армии, чем ее прародители. Разбирающиеся ныне вопросы так же далеки от исканий вечного и неизменного, как Красная Армия далека от прежней. Статьи, помещаемые в теперешних „толстых“ журналах имеют безусловный практический характер.

Но за всем этим, несомненно, и то, что в то время, как совершается ценнейшая и необходимейшая работа по созданию теории военного искусства, которая отражала бы в себе взгляды переживаемой эпохи, остается в тени вопрос будничный, но имеющий одинаковое с ним значение. В ряду наших военных журналов нет ни одного, который бы посвящал свои страницы нуждам и запросам младшего командного состава, в котором взводный, ротный и батальонный командиры нашли бы ответы на интересующие и важные для них в данный момент вопросы.

Все руководящие статьи, приказы, инструкции и наставления твердят о необходимости новых методов обучения и воспитания бойца. Но что за методы, как их применить на деле, как поступить в том или ином случае, рядовой комсостав не может, конечно, найти ответа в журналах, занятых переработкой опыта недавнего прошлого в кристаллические формы научных выводов. Равным образом, остается неудовлетворенным известный круг потребностей в исторических примерах и многих других сторонах обыденной армейской жизни.

К сожалению следует признать, что широкая журнальная среда не охватывает нужд всей читательской массы. Да иначе и быть не может: слишком разносторонни вопросы, подлежащие выяснению, слишком много стоит на очереди основных тем для разработки. Не выяснив их—нельзя переходить к мелочам.

Однако, время не ждет, и привычка во всех случаях жизни искать решение в собственном опыте может без должного направления и руководства переродиться в косность, в систематическое отрицание полезности чтения, самообразования и знания. Став на эту точку зрения, революционный военный совет фронта, желая пробудить в широких войсковых массах стремление к знанию, к развитию, решил выяснить, как относится главный процент читателей, именно младший командный состав, к существующей военно-периодической литературе, в частности, к журналу „Революция и Война“.

С этой целью была устроена среди войсковых частей анкета, в которой были поставлены следующие вопросы:

1) Насколько популярен журнал среди младшего командного состава (взводных, ротных и баталионных командиров)?

2) Какие новые видоизменения желательно произвести в этом журнале?

3) Что именно не удовлетворяет в журнале читателей из младшего и среднего командного состава?

4) Какое количество экземпляров журнала приходится на часть и как они распределены?

Полученные ответы дают ценный материал для характеристики журнала—во-первых—и запросов самих читателей (что самое главное)--во-вторых.

Значение журнала „Революция и Война".

В этой области (в вопросе изучения военных действий 1918—20 г. г.) значение „Революции и Войны", по общему признанию,—„очень велико". „Сознательный и развитой комсостав, интересующийся военным делом, обращается к журналу „Революция и Война", как источнику, освещающему его запросы. Местами, при занятиях с комсоставом, производится детальное изучение описываемых операций по картам и схемам текста".

Степень популярности журнала вообще.

По вопросу о популярности журнала вообще все ответы единодушно сходятся на мнении, что „Революция и Война"—„очень популярен, читается с большим интересом".

Причина этой популярности, по мнению читателей, кроется в том, что журнал обращает главное внимание на наиболее интересные и близкие сердцу войск вопросы тактики и организации Красной Армии и ее истории. Участники гражданской войны проявляют к нему „особенный интерес", их внимание к журналу „слишком велико", так как он „затрагивает вопросы, относящиеся к близкому прошлому", всем памятному, и для многих связанному с горьким осадком осенних неудач 1920 года.

Таким образом, большинство читателей, очевидно, считает журнал, в общем, отвечающим своему назначению. Только один ответ находит, что „Революция и Война"—не удовлетворяет читателя „за отсутствием статей, разрешающих вопросы, непосредственно касающиеся жизни", т. е., иными словами, считает журнал оторвавшимся от массы и ее непосредственных нужд.

Отношение к журналу младшего комсостава.

Источники такого мнения кроются, очевидно, в постановке первого вопроса анкеты—насколько журнал популярен среди *младшего* комсостава. В этой области 40% ответов носят отрицательный характер. К ним надо особенно прислушаться потому, что они, большею частью, мотивированы и, притом, повсюду одинаково.

По одному мнению, преобладание стратегического элемента во многих статьях приводит к тому, что „комвзводы, комроты и комбаты могут очень мало извлечь для своей повседневной работы среди красноармейцев; такой материал служит больше „для сведения", и „в практическом отношении более полезен для высшего комсостава и штабных работников, деятельность которых протекает в более широком масштабе". По другому отзыву—„журнал мало популярен

среди младшего комсостава, так как пригоден для чтения только лишь получившим специальное военное образование".

Еще рельефнее и определеннее следующий отзыв, наиболее полно определяющий и причины малого интереса к журналу со стороны младшего командного состава. „В общем, среди комвзводов и комротов „Революция и Война" популярностью не пользуется: 1) за недостаточностью общеобразовательной подготовки, 2) апатичного с их стороны отношения к приобретению военных знаний и 3) так как журнал не касается близких для комвзводов и комрот вопросов в смысле строевого и тактического обучения".

Таким образом, две низших категории младшего командного состава журналом, очевидно, не удовлетворены. Не будет преувеличением сказать, что, очевидно, это общее явление, так как положительные ответы, хотя их и большинство (60%), не отвечают прямо на поставленный вопрос, исходят, главным образом, от штабов, артиллерии и инженерных частей и имеют ввиду более старший и квалифицированный командный состав штабов, и специальных, более развитых, войск.

Весьма наглядно иллюстрируют это явление цифры читаемости журнала, приведенные в анкете одного из полков. За время с 28 июля с. г., при колеблющемся числе:

командиров взводов	от 49 до 30 чел.	журнал читало	9,
» рот	» 14 » 7 »	» »	9,
» батальон.	7 (со штаб. полка)	» »	7,

т. е. из комвзводов журнал (в этом полку) читается 20—30%, командиры рот проявляют к нему слишком вдвое больший интерес, а старшие—читают его поголовно.

Но и это не общее явление, так как в другом полку и „комбатами журнал читается слабо".

Оставляя пока в стороне психику читателей—комвзводов и комрот („апатичное отношение к военным знаниям"), нельзя, в связи с другими причинами этого явления, не остановиться на вопросе.

Какие военные журналы нужны фронту?

Прежде всего, 100% благоприятных отзывов о журнале „Революция и Война", как „чрезвычайно ценном чтении" для *старшего* командного состава", свидетельствуют о том, что этот журнал завоевал себе определенный круг читателей и пользуется среди них достаточными симпатиями. Впрочем, среди них сквозит в нескольких случаях чувство некоторой неудовлетворенности журналом: им хочется большего круга сведений, но эта неудовлетворенность есть скорее простая жажда знаний, а не упрек журналу.

Гораздо важнее пробел в чтении для младшего командного состава. Изменять программу существующего журнала не следует—слишком очевидна его необходимость и полезность. Да не этого требуют и сами читатели: им нужно два журнала—существующий и новый, преследующий совершенно особые задачи, которые довольно ясно обрисовываются произведенной анкетой.

Этот второй журнал должен носить следующий характер:

а) Быть предназначенным для *младшего командного состава* (от командиров батальонов до взводных).

б) Поставить себе первой задачей—*пропаганду необходимости непрерывного пополнения военных знаний,* путем чтения и самообразования, чтобы изжить неоднократно отмечаемую в анкетах апатию к своему развитию и

в) *Руководить младшим комсоставом* в этом направлении.

Издание такого журнала в настоящее время, как увидим ниже, и предполагается. Чтобы удовлетворить запросам читателей и их просьбам, в нем намечаются следующие отделы:

1) *Военно-исторический.* Как отмечается в нескольких анкетах, „комсостав об'ясняет подчиненным виды оружия, не ознакамливая с постепенным развитием вооружения, и, благодаря этому, обучающий часто сталкивается с такого рода вопросами: Каким оружием владели русские в Петровские войны и позднее? Ответов на такие вопросы найти негде, и обучающий становится втупик или принужден изворачиваться“. В этом отделе, применительно к кругозору читателей, должны рассматриваться боевые действия мелких войсковых соединений, от взвода до батальона и полка включительно.

2) *Тактика* мелких войсковых соединений.

3) *Стрелковое дело.*

4) *Методика* военного обучения и духовного воспитания бойца.

5) *Технические средства* вооруженной борьбы: артиллерия, инженерные и технические войска.

6) *Литературно-справочный* и библиографический отдел, как указатель для самообразования.

Наличием такого журнала будут вполне исчерпаны пожелания главной массы читателей по третьему вопросу анкеты,—что не удовлетворяет в „Революции и Войне“.

Нельзя еще обойти молчанием высказываемые в нескольких ответах (специальных войсковых частей) пожелания—развить технический отдел. Несомненно, что в таком материале ощущается немалый недостаток; несомненно, что, например, намечавшийся, но умерший прежде рождения, инженерный журнал фронта нашел бы себе читателей и принес пользу, как и другие издания подобного рода (по артиллерии, авиации и пр.).

Распространение журнала.

По общему мнению „весьма неблагоприятно отзывается нерегулярное поступление журнала в части, что на будущее время желательно было бы устранить, путем более аккуратной высылки“.

„Революция и Война“ рассылается в части фронта по 250 экз. на дивизию. Выход журнала не приурочен к определенному сроку, но за каждым номером вызываются приемщики. Таким образом, отсутствие в одном из полков N-ой дивизии 6—7, 8 и 11—12 сборников и недостаток других не относится к вине редакции, так как приемщики за ними вызывались, и сборник 11—12 был выслан; забота о регулярной рассылке журнала в части—дело штабов дивизий и последним следовало бы обратить на него надлежащее внимание.

По установленному в настоящее время порядку все поступающие в части издания являются собственностью части, а не отдельных лиц, и должны передаваться в библиотеки для общего пользования. При таком порядке возрастет и количество их, доступное для общего чтения.

В заключение, нельзя не обратить внимание читателей на следующее обстоятельство. Содержащиеся в некоторых ответах пожелания—развить тот или иной отдел—не всегда осуществимы по самым разнообразным причинам, устранить которые, сплошь и рядом, журнал не в силах. В качестве примера достаточно привести указания на желательность помещения в журнале большего количества военно-исторических очерков, именно, разбирающих действия мелких соединений: взводов, рот и т. п.

Имеющийся в архивах фронта исторический материал крайне скуден, большею частью по содержанию неудовлетворителен и почти никогда не заключает в себе описаний действий частей меньше полка. Поэтому, интересующие многих боевые эпизоды *могут быть составлены лишь самими участниками, самим командным составом.*

Затронутые в настоящей статье вопросы привлекли внимание реввоенсовета фронта, 26-го ноября обратившегося к войскам с приказом следующего содержания:

„Ликвидация внешних фронтов, как результат побед Красной Армии, и переход Республики на рельсы экономического строительства ознаменовали собой новый этап в жизни и строительстве вооруженных сил нашей страны.

Заканчивающееся сокращение численного состава армии даст в результате омоложение и освежение, как красноармейского, так и командного состава армии, что в значительной степени повышает необходимость принять меры качественного улучшения всего состава Красной Армии.

Вместе с тем, отсутствие непосредственной угрозы, а, следовательно, и отсутствие боевых действий дали возможность подойти

вплотную к рассмотрению и разрешению таких кардинальных и важных сторон армейской жизни, как стационарность и большая определенность личного состава частей и дислокации самих частей, а равно и большая устойчивость во всех прочих областях быта и жизни армии.

Все это, вместе взятое, позволяет перейти к серьезному, планомерному и систематическому образованию, обучению и боевой подготовке, как всей армии в целом, так и командного состава, в частности.

Существование целого ряда военно-научных обществ, аудиторий военного дела, кружков любителей военных знаний, военно-научных журналов, книг и брошюр,—все это свидетельствует о наличии в недрах нашей армии жажды знаний и стремления к восполнению своего военного образования.

Между тем, приглядываясь и знакомясь с современной военно-научной литературой, с нашими военно-научными журналами и, в частности, с журналом нашего фронта „Революция и Война", приходится констатировать почти полное отсутствие непосредственного участия широких слоев комсостава и политработников в военно-научной работе.

За целым рядом статей по вопросам „военной доктрины" и „стратегии" почти не видно, чтобы затрагивались, быть может, на первый взгляд, и будничные, но, безусловно, важные и животрепещущие вопросы армейского организма и его быта, как, например,— вопросы боевой подготовки войск, их военного воспитания и образования, методов работы младшего комсостава и проч.

Если главнейшей причиной этого явления служит то обстоятельство, что вся работа в области военно-научной мысли до сего времени ведется, в большинстве своем, лицами, принадлежащими, преимущественно, к старой военной школе, то, в такой же степени, причиной этому является то обстоятельство, что масса рядового комсостава все еще находится под гипнозом страха, открыто, в письменной форме, выявлять тот богатый и ценный опыт, какой получен им, как за последнюю мировую войну, так и, особенно, за период гражданской войны.

Признавая положение, что „война—дело практическое", требующее постоянного усовершенствования, разработки и подготовки, исключительно на основах приобретенного на полях сражений опыта,— нужно признать необходимость безостановочной и энергичной работы нашего комсостава в деле под'итожения приобретенного опыта, сделав его, тем самым, достоянием всей армии и дав возможность его изучения.

А для этого необходимо, чтобы органы нашей военно-научной мысли, являющиеся отражением всего уклада, быта и жизни армии,— были действительными выразителями настроений и интересов ее, что может быть достигнуто только при условии самого деятельного уча-

стия широких кругов комсостава и политработников в работах военно-научных обществ, учреждений и их печатных органах.

Участие это должно и может выразиться в присылке статей по всем интересующим и волнующим армейскую семью вопросам, в переписке между собою при посредстве редакции того или иного журнала, в доставлении хроникерских заметок, освещающих жизнь и работу своей части, в выступлениях в аудиториях, делая доклады и сообщения на военно-научные темы и участвуя в обмене мнений по затрогиваемым этими темами вопросам.

Пройдя суровую боевую школу гражданской войны и обладая ценным боевым опытом и практическими знаниями в области вождения, управления и использования войск и их свойств, командный состав нашей армии может дать ценный материал для наших военно-научных журналов, способствуя, тем самым, разработке наиважнейших вопросов в деле строительства вооруженных сил и их подготовки.

Достигнуть же этого, можно только при условии участия широких слоев комсостава и политработников в своем органе.

А для этого необходимо, чтобы каждое лицо комсостава, владеющее хоть сколько-нибудь пером, писало в своем журнале, делилось бы своим опытом, воспоминаниями и наблюдениями, не стесняясь формой изложения. Дело не в форме, а в содержании!

Вместе с тем, революционный военный совет фронта, считая насущно-необходимым пробудить действительный интерес к военному делу и знанию в широких рядах комсостава и политработников, с одной стороны, а, с другой, считая необходимым иметь орган, который бы отражал быт и жизнь войсковых частей, намерен приступить в ближайшем будущем к изданию, помимо журнала „Революция и Война“, еще одного еженедельного или двухнедельного журнала, более популярного и долженствующего явиться выразителем интересов, вопросов и настроений частей фронта *).

Но осуществление этого намерения, опять таки, возможно только при условии деятельного участия комсостава и политработников фронта.

Поднимая настоящим приказом вопрос о вовлечении широких слоев комсостава и политработников в дело военно-литературной работы, предлагаю всем начальникам, командирам и комиссарам частей обсудить этот вопрос самым широким образом, продискуссировав его в среде командиров и политработников, дабы наметить конкретные мероприятия, долженствующие повести к достижению намеченной цели.

О принятых решениях, пожеланиях и необходимых со стороны командования фронтом мероприятиях донести мне, для их немедленного проведения в жизнь.

*) С 1-го января 1922 г. для младшего комсостава и будет выходить двухнедельный популярный военно-научный журнал. *М. В.*

Только при условии, что каждый командир и политработник фронта будет непременным сотрудником, корреспондентом или хроникером наших военно-научных органов, возможно достижение намеченной цели.

Командующий войсками фронта, генштаба Егоров. Член реввоенсовета фронта Р. Муклевич. Начальник штаба, генерального штаба Меженинов".

В начале были отмечены некоторые причины оторванности прежней военной литературы от армии и указана одна из основных— разделение на „пописывающих" и „почитывающих".

„Пописывание" умерло вместе с частными издательствами, рассматривавшими всю литературу с точки зрения ее доходности. Следом за ним должно умереть и равнодушное „почитывание". Перед войной, на пытавшуюся пробудиться русскую военную мысль, умышленно надели шоры и жесткой рукой поставили на рельсы привычной рутины. Сейчас, наоборот, командный состав зовут к самодеятельности. Откликнуться на этот призыв вперед—долг каждого, в ком есть „душа жива", кто искренно предан своему делу, делу рабоче-крестьянской Красной Армии.

А. Григоров.

Краткий очерк боевых действий на фронте 7-й армии.

(В течение летнего периода 1919 г.) *)

Общая обстановка к 8 июня 1919 г. К началу лета 1919 г. Советская Россия оказалась охваченною почти со всех сторон армиями противников, составлявшими пять основных групп:

На *востоке*—армия адмирала Колчака; на *юге*—армия генерала Деникина; на *западе*—немецкие добровольческие части, войска вновь образовавшихся на западных окраинах царской России республик и румынская армия; на *северо-западе*—северный добровольческий корпус и добровольческие отряды из иностранцев и жителей Олонецкой губернии; на *севере*—отряды из войск согласия и русские части местного формирования.

Эти основные группы преследовали не одинаковые цели: в то время, когда адм. Колчак, ген. Деникин и части, действовавшие на северо-западе и севере стремились к полному свержению советской власти в России, части противника, оперировавшие на западе, ограничивались, главным образом, осуществлением своих узко-национальных задач.

Все указанные группы, кроме северо-западной и западной, не имели пока единого и непрерывного фронта, но действия их, видимо подчинялись общему руководству держав согласия.

---

*) Настоящая статья составлена по материалам, частью в виде описаний, военно-исторического отделения штаба войск западнаго фронта. К сожалению, большая часть документов, в виде разного рода распоряжений и донесений с мест, отправлена была в главный архив в Москву еще в первой половине 1920 года, а потому, в данном случае, не представилось возможным дополнить подробностями многие интересные эпизоды, как, например, мятеж на Красной Горке, Гдовскую операцию и др.

Предлагаемый очерк является как-бы первою частью уже помещенных в сборнике втором нашего журнала статей: „Петроградская операция"—П. Мей и „Стратегический очерк Нарвской операции"—Е. Сысоев.

Положение на фронтах Советской России, по оперативным сводкам, было следующее:

На *юге* войска ген. Деникина, вытеснив красные части из Донецкого угольного района, постепенно продвигались на Воронежском направлении и вели наступление значительными силами на Царицын, причем на Воронежском направления им удалось занять станцию Миллерово (200 верст севернее гор. Новочеркасска), а на Царицынском направлении красные войска, после упорных боев, оставили станцию Гнило-Аксайскую (90 верст южнее гор. Царицына).

На *востоке* красные войска успешно наступали на широком фронте против центра армий адм. Колчака. Последний отошел за реки Белую и Каму, оставив Стерлитамак, Бирск и Сарапул. Этим успехам против центра противника далеко не соответствовали действия красных частей на обоих флангах: так, на правом фланге позиции к Саратову удерживались армиею Колчака в районе Александрова-Гая и Уральска, а на крайнем левом фланге противник значительно продвинулся в направлении на Вятку, заняв гор. Глазов (около 150 верст северо-восточнее Вятки).

На *северном* фронте, в Архангельском районе, операции ограничивались мелкими столкновениями. На Мурманском направлении белые части медленно продвигались вдоль восточного берега Онежского озера и вдоль железной дороги к Петрозаводску.

Вообще-же северная группа белых занимала, видимо, выжидательное положение, чтобы развить свои действия в зависимости от хода событий на Вятском направлении и на подступах к Петрограду.

Ближайшим об'ектом *северо-западной* группы противника являлся Петроград, необходимый ему, как база для развития дальнейшей борьбы.

Немаловажное значение в общем ходе войны имели также операции белых на *Двинском* и *Пинском* направлениях.

Операции на *Украинском* фронте имели чисто местное значение.

Приведенный краткий обзор показывает, насколько сложна была общая обстановка, сложившаяся в начале летней кампании 1919 года. Несомненно, эта общая сложность не могла остаться без влияния и на операции 7-й армии.

Высший командный состав 7-й армии. Командующим армиею состоял тов. Ремезов; его помощниками были т. т. Блюмберг и Корк; начальником штаба—тов. Дыгальский; морскими силами командовал тов. Зеленый; должность начальника армейского тыла занимал член революционного военного совета армии тов. Шатов.

Фронт 7-й армии и подразделение его на участки. Боевой фронт 7-й армии к 8 июня 1919 года распадался на следующие участки, считая с северо-востока на юго-запад: *1) Междуозерный**) участок, *2) Корельский* **) участок, *3) Кронштадтский* крепостной район, *4) Нарвский* участок, *5)* Район внутренней обороны гор. Петрограда, *6) Лужский* участок и *7) Псковский* участок.

Соседними армиями были—на северо-востоке: 6-я армия и юго-западе—Латвийская армия (позже 15-я армия).

Разграничительная линия между шестой и седьмой армиями проходила через следующие пункты: Нюхча, Водло-озеро, Белозерск и Череповец, причем все пункты, за исключением гор. Череповца, входили в район 7-й армии.

Разграничительная линия между седьмой и Латвийской армией проходила через Печоры, Изборск, Остров, Холм и Осташков, считая все пункты, за исключением двух последних, в районе 7-й армии.

Общее протяжение фронта армии доходило, приблизительно, до 800 километров (около 750 верст).

На этом протяжении было расположено около 53 тыс. штыков, около 2 тыс. сабель, 473 пулемета и 449 орудий.

Весь боевой фронт армии в оперативном отношении находился в непосредственном подчинении двух помощников командующего армией, тов. тов. Блюмберга и Корка.

Первому из них был подчинен Междуозерный и Корельский участки, Нарвская группа и район внутренней обороны Петрограда.

Тов. Корку были подчинены Псковский и Лужский участки.

Разграничительная линия между районами, подчиненными упомянутым помощникам командующего армией, проходила через станцию Преображенская, д. Сабицы, д. Рясенец, д. Васильевщина.

Район Керново—Лужки—Готобужи—озеро Лубенское—Ломоносово—Б. Ижора с 3-го июня перешел в подчинение коменданта Кронштадтской крепости, на которого была возложена оборона и охрана указанного района от высадок и проникания в него противника.

Весь тыловой район подчинялся одному начальнику—члену революционного военного совета армии тов. Шатову, а каждый из участков имел свой район с особым начальником во главе.

Междуозерный участок.

Обстановка на фронте 7-й армии к 8 июня 1919 года. В Мурманском районе красные войска захватили Персгубы. В районе Шунской губы занято Мар-озеро. В Петрозаводском районе противник занял д. Речка. В Олонецком районе, заняв д. Куйтежи, красные войска продолжали продвигаться в направлении Бол. и Мал. Сельги;

*) Между озерами Ладожским и Онежским.

**) Между Ладожским озером и Финским заливом.

после обратного взятия, 7 июня, красными Олонца, продолжается наступление их на д. Новинку.

Корельский участок.

С 7 июня финляндские войска открыли стрельбу по заставам в районе Радуголь-Белоостров.

В Копорской губе Финского залива происходило обычное дежурство подводной лодки и трех миноносцев противника.

Над крепостью и городом Кронштадтом почти ежедневно появлялись аэропланы противника, сбрасывающие бомбы.

В районе Красной Горки наши части укрепились на линии блокгаузов Устье—Н. Калище—Вейта (Вепши-Ковашн ?)—Ковацская.

Нарвский участок.

С вечера 7-го июня противник, произведя значительными силами натиск на красные части, потеснил последние на участке Н. Медуши—Слепино, но двинутые немедленно резервы восстановили положение. В районе железнодорожной линии Гатчина—Ямбург красные войска заняли М. Кикерино, но ст. Кикерино, под натиском превосходных сил противника, пришлось оставить в руках белых. В районе Захонье—Озертицы отдельная кавалерийская бригада красных имела бой с противником.

Лужский участок.

Противник производил повторные атаки на ст. Плюсса, отбитые красными войсками. В лесу, юго-восточнее названной станции, сосредоточились отряды „зеленых“.

Псковский участок.

Под давлением противника красные части оставили д. Блинцова. В районе Решетина противник вел энергичное наступление; красные войска, не выдержав этого наступления, отошли по разным направлениям.

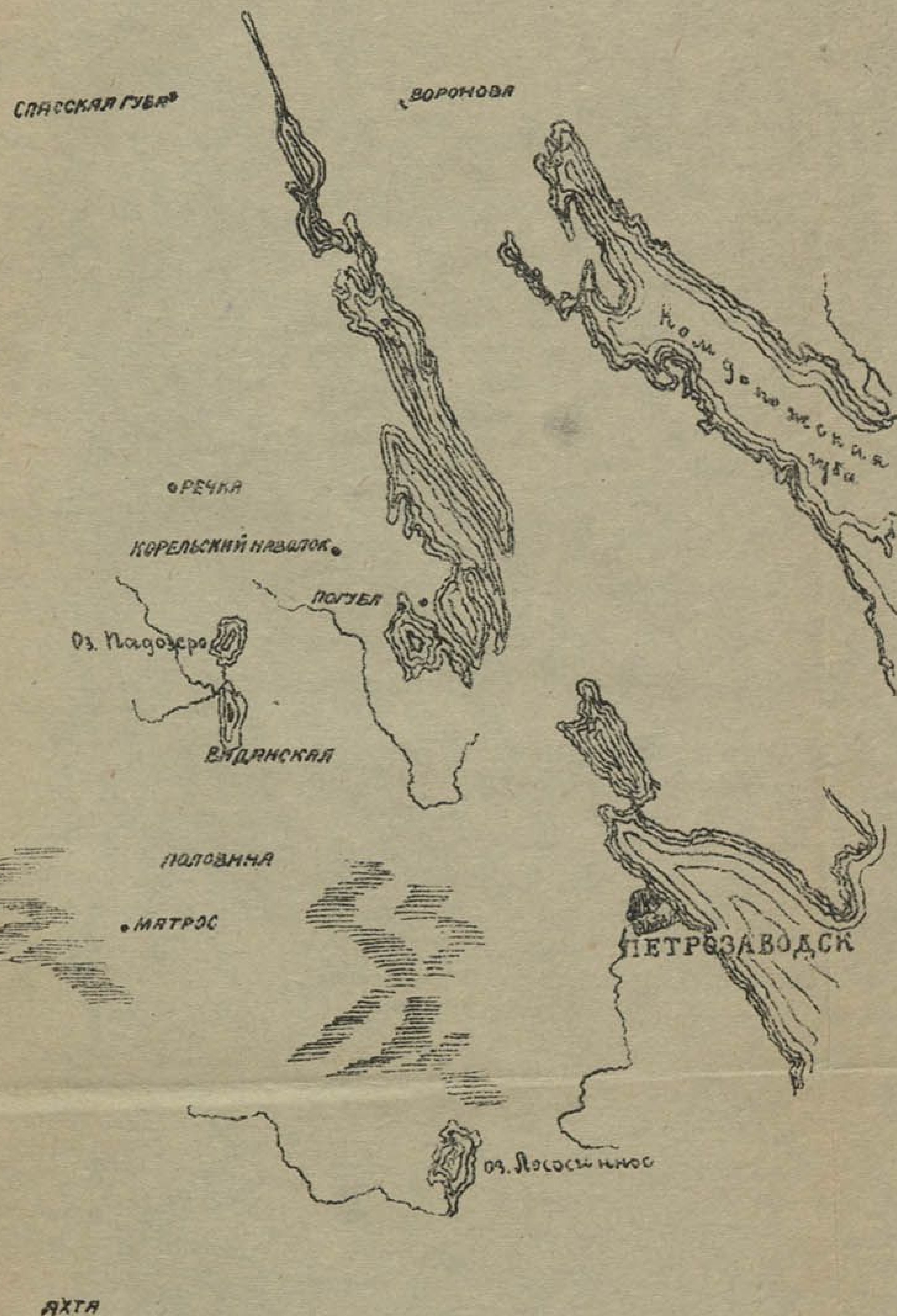
Для восстановления нарушенного положения по линии с. с. Горки-Банцова—Заходы—Чутково—Щубина были двинуты резервы. В районе станции Карамышево (линии Бологое—Псков) броневой поезд красных прикрывал своим артиллерийским огнем отходящие пехотные части.

Таким образом, на всем 800 километровом фронте 7-й армии, боевые действия к началу летней кампании 1919 года вылились в форму незначительных столкновений между красными войсками и их противниками. Эти столкновения на правом фланге фронта были сравнительно редки и имели исключительно местный характер, тогда как в центре и, особенно, на левом фланге враждебные действия

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ РАЙОН

Шушки

Сопуха

СХЕМА

обстановки на фронте VII армии к 8 июня 1919 г.

Междуозерный уч. Олонецкий район.

Лисья Сельга
Нирка
Войвас Ламба
Мят озеро
Березовый наволок
Варялов лес
Мукойла
Кирилова
Сириала
Железная гора
Тулос озеро
Сорочья гора
Кявг озеро
Горский
Кундуши
Сенна
Сорбяля
Видлица
Тошкаля Лахта
47 стр. п.
Гушкаля
Торос озеро
Сандебская пустынь
Березовая гора
Оз. Ахмозеро
Нюняс гора
2 Казанс. п.
Новинка
Сяры порог
50, 82 стр. п.
Печная Сельга
Сельги Большие
Сельги Малые
Речная Сельга
Штабриг 19
Олонец
Куйтежи
Ладожское озеро
Конец Эльмы
Отр. курсантов
Финистова
Сармяги
Тарасова
Шт. 1 стр. див.
1 Фин. п.
5-н связи
Лод. Пиньозеро
Масштаб 10 вер. в дюйме

проявлялись более интенсивно, обнаруживая этим признаки подготовки к более обширным операциям.

Во всех столкновениях на левом фланге фронта красные войска удерживали свои позиции только при слабом напоре противника; там-же, где противник проявлял большую энергию в наступлении, красные части довольно легко отходили назад.

Междуозерный район.

Главнейшие операции на фронте 7-й армии с 8 июня по 1-е июля.

Боевые действия происходили, главным образом, на Петрозаводском и Олонецком участках.

На первом из них к 15 июня (схема Петрозаводского района) создались серьезные угрозы захвата со стороны противника Петрозаводска, от которого он находился на расстоянии всего только 10 км. (9 вер.). Для восстановления утраченного положения были двинуты последние резервы.

Результатом произведенного энергичного наступления, в котором видное участие принимали 50-й стрелковый полк и Лодейно-Польская рота, было занятие сел. Суругуба, в 22 клм. (20 вер.) к северо-западу от гор. Петрозаводска, и ряда других селений, вследствие чего непосредственная опасность для Петрозаводска миновала.

В Олонецком участке (схема—Олонецкий участок).

Красным войскам была поставлена боевая задача: овладеть линией р. Видлица и тем обеспечить положение на участке около гор. Олонца.

Сел. Видлица составляла основную базу противника и здесь же находился главный штаб его Олонецкого участка.

27 июня, ночью, флотилия красных подошла по Ладожскому озеру, к устью р. Видлицы, и, высадив дессант, начала обстреливать артиллерийским огнем расположение противника.

Это, в свою очередь, вызвало сильный артиллерийский огонь белых.

Смелым наступлением дессанта противник был выбит с Финляндского шоссе и отброшен на сел. Видлица.

Успехи на крайнем левом фланге Олонецкого участка соответствовали успехам на правом фланге и в центре участка.

На правом фланге 47-й стрелковый полк, предварительно занявший сел. Сорочья Гора, продвигался в направлении на Тулос-озеро.

В центре красные части овладели сел. Гушкала и сел. Сяндебская Пустынь.

Для закрепления занятой красными Видлицы был направлен весь 82-й стрелковый полк, а к сел. Пограничные-Кундуши направлена особая разведка. Для несения сторожевой службы у устья р. Видлица была назначена флотилия в 6 судов.

Как результат наступления красных частей по всему фронту Олонецкого участка, было занятие к 1-му июля селений: Нярка,

Лисья Сельга, Войвас Ламба, Березовый Наволок, Мать-озеро, Варлов Лес, Железная Гора, Кирилова, Мукойла, Сирпила, Горский, Кавгозеро, Сеппа, Сорбала.

При занятии красным дессантом сел. Видлица была захвачена богатая добыча: 11 орудий, 28 пулеметов, несколько миллионов русских и несколько тысяч германских и японских ружейных патронов, а также часть имущества финской добровольческой армии, уцелевшего после обстрела Видлицы артиллерийским огнем дессанта.

Таким образом, оперативный приказ о захвате линии р. Видлицы был выполнен красными частями и флотом быстро и решительно и тем было достигнуто действительное обеспечение положения на участке около гор. Олонца.

На *Корельском участке* с 7-го июня началась провокационная деятельность финских войск. Не проходит дня и ночи без ружейного и артиллерийского обстрела нашей пограничной полосы, главным образом, в направлении на Белоостров.

Но, не ограничиваясь упомянутым обстрелом, финские войска в числе 200 чел. при 2-х пулеметах, предприняли 10 июня наступление в районе сел. Коркио-мяки. При этом наступлении все мужское население покидает насиженные места и уходит, вместе с вторгнувшимся противником, на финляндскую территорию.

В районе сел. Аллаккуль неприятель сбивает нашу заставу, а самый пункт—сжигает.

11 июня сел. Коркио-мяки опять переходит в руки красных, но в тот-же день противник, отрядом в 200 чел., занимает таможенный пост Кирья-салы.

11-го июня народный комиссар по иностранным делам *Чичерин* посылает финляндскому правительству радио-телеграмму, в которой перечисляются все враждебные акты, проявленные названным правительством по отношению к Советской России, с предупреждением, что отныне советская власть будет считать себя свободной применять по отношению к Финляндии все меры, способные расстроить ее агрессивные планы против Советской России. Но, несмотря на это предупреждение, 15 июня финны открывают ружейный и пулеметный огонь по нашему бронепоезду в районе Белоострова и по 170 стрелковому полку в районе Александровская. В результате повторных обстрелов станция Белоостров сгорает, а водокачка подвергается окончательному разрушению. Периодический обстрел нашей пограничной полосы со стороны противника продолжается и в последующие дни, что, естественно, вызывает наш ответный огонь.

Сделанный краткий обзор действий на Корельском участке показывает, что, руководимые указаниями высшей политики, красные войска держались здесь оборонительного, подчас даже излишне пассивного, образа действий.

Это придавало нежелательную смелость противнику, который целым рядом, хотя и не имеющих по существу серьезного значения, выступлений достиг некоторых частных успехов, из которых важнейшим для него было разрушение железнодорожной станции Белоостров.

В Кронштадтском крепостном районе и, в частности, в *районе форта „Красная Горка“*, события за рассматриваемый период времени развивались следующим образом.

6-го июня отряд моряков и 2-й баталион 50-го стрелкового полка, при поддержке артиллерии форта, произвели наступление на д. Усть-Рудицы, которую и заняли с боем; в то-же время разведчики заняли д. Долгово.

13 июня красные части выступили из д. Усть-Рудицы, заняли д. Вярепелева и вошли в связь с частями 6-й стрелковой дивизии, овладевшими д. Терентьево.

В этот-же день (13-го июня) гарнизон форта „Красная Горка“ поднял восстание против Советской Власти и по радио-телеграфу в 15 часов потребовал от гарнизона крепости Кронштадт присоединиться к восставшему гарнизону форта, а затем, в ультимативной форме, с предоставлением 15 минутного срока, требует сдачи крепости Кронштадт, грозя в противном случае открыть по последнему огонь из 12-ти дюймовых орудий. В виду неполучения в назначенный срок ответа от крепости, форт „Красная Горка“ открыл редкий огонь по Кронштадту.

Для ликвидации восстания линейные корабли Балтийского флота „Петропавловск“ и „Андрей Первозванный“ вышли из гавани Кронштадта и начали обстрел мятежного форта.

Одновременно, с тою-же целью ликвидации восстания, для действия в тыл форта выслан был десантный отряд моряков и украинские части.

14-го июня в форт „Красная Горка“ вступила рота противника.

Благодаря артиллерийскому обстрелу с „Петропавловска“ и с форта „Риф“ на Красной Горке начался пожар и было два взрыва.

15-го июня, в 8 часов, в море вышел крейсер „Олег“ в сопровождении подводной лодки и миноносца и, с своей стороны, подверг „Красную Горку“ артиллерийскому обстрелу, результатом которого был новый пожар на форту.

В этот-же день береговая группа красных, наступая, заняла линию селений Н. и В. Бронная—Пеники—М. Коновалово,—Б. Кузнецы и продвинулась далее на Таменгонт и Б. Ижора.

16 июня батарея „Серая Лошадь“ открыла огонь по красным частям, наступавшим на „Красную Горку“, но, не взирая на это, наши разведчики, часть 4-го стрелкового полка и цепи моряков береговой группы тов. Стороженко между 22 и 23 часами ворвались в форт и окончательно его захватили.

В то же время красные пехотные части заняли с. с. Таменгонт и Каменка.

В последующие дни наступление, начатое ударной группой, энергично и безостановочно продолжалось. Результатом этого наступ-ления было занятие д. д. Кандыкюля, Лендовщина, Тентелево, Шишкина, Ломоносово, Калище.

К д. Вярепелево была направлена разведка, в виду скопления в этом пункте значительных сил противника.

18-го июня красный флот понес значительные потери: крейсер „Олег", вышедший совместно со сторожевыми судами и миноносцами из Кронштадта к Толбухину маяку, для наблюдения за морем, внезапно был атакован неприятельской подводной лодкой; выпущенная последней мина попала в левый борт крейсера, у первой кочегарки, и вызвала взрыв, вследствие которого крейсер затонул на незначительной глубине.

Этим закончились действия по подавлению мятежа форта „Красная Горка".

Таким образом, благодаря энергичным действиям экипажей броненосцев „Андрей Первозванный" и „Севастополь" и крейсера „Олег", содействию форта „Риф" и решительному наступлению ударной группы,—мятеж на форту „Красная Горка" был быстро ликвидирован, и опасность, грозящая Кронштадту, а, следовательно, и Петрограду и на этот раз счастливо отвращена.

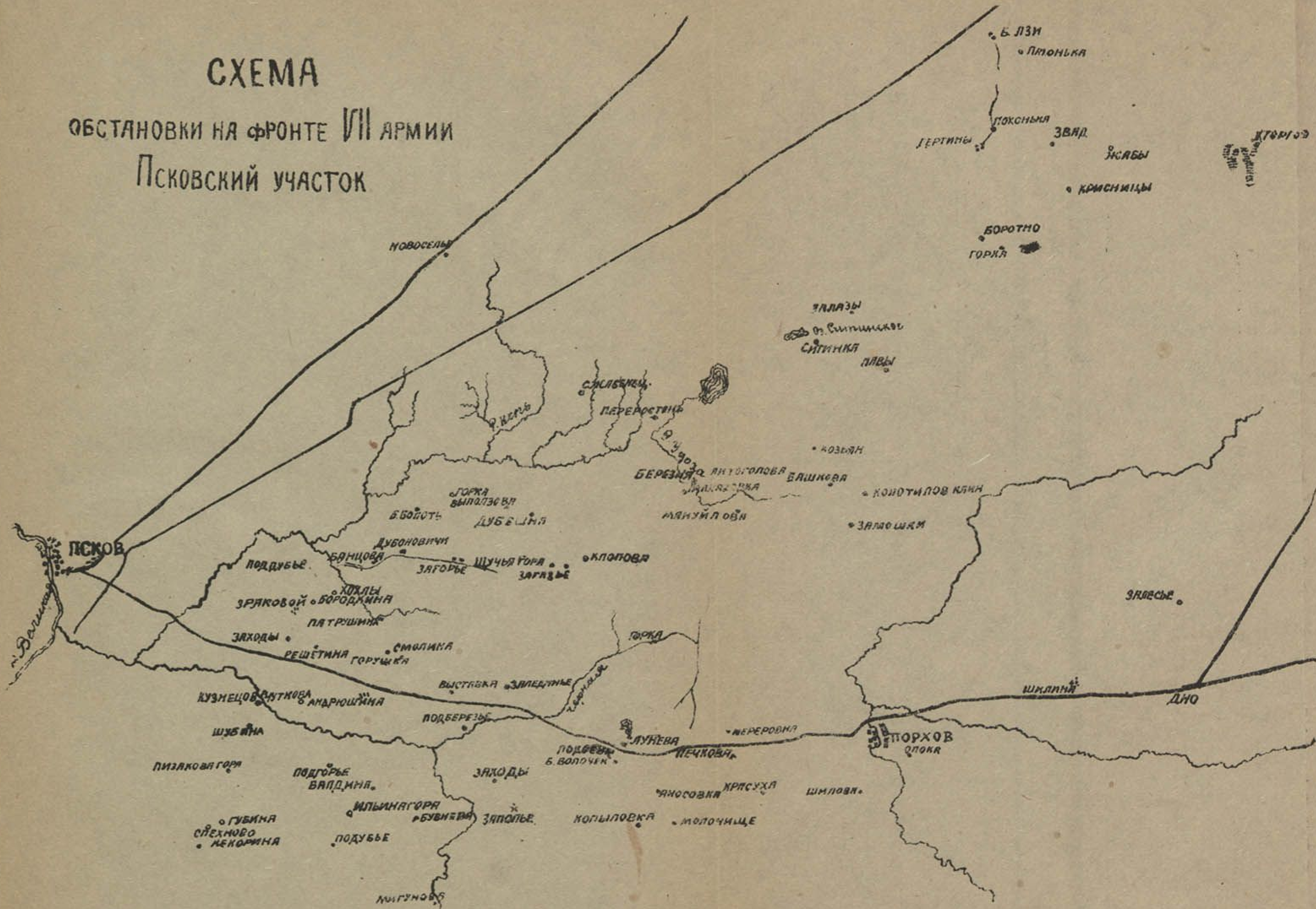
В результате повторных бомбардировок форт „Красная Горка" и населенный пункт того-же имени сгорели; водопровод был разрушен; большая часть орудий уцелела; от другой же части, главным образом от легкой артиллерии, белыми увезены замки. Гарнизон батареи „Серая Лошадь" принес повинную, после чего туда были направлены наши бронелетучки. Комендант батареи бежал к белым.

Войскам *Нарвского боевого участка* высшим командованием была дана в начале июня оперативная задача—всеми мерами стремиться к восстановлению своего первоначального положения.

Для этого были приняты нижеследующие мероприятия: прибывающие в армию подкрепления (4 полка 2-й стрелковой дивизии), после высадки их в Гатчине, были сосредоточены в районе селений Переярово-Вохоново, с целью дальнейшего наступления севернее железной дороги Гатчина—Ямбург, на линию с. с. Керстово—Котлы—Копорье.

Одновременно с наступлением вышеназванных частей 2-й стрелковой дивизии, 11-й, 53-й и 154-й стрелковые полки переходят в наступление вдоль указанной железной дороги на линию с. с. Керстово—Веймарн—Поречье.

После перехода в наступление, освободившиеся войска Нарвского участка частью были использованы для образования резервов,

СХЕМА
обстановки на фронте VII армии
Псковский участок
Б. ЛЗИ
ЗВАД
ЖАБЫ
КРАСНИЦЫ
БОРОТНО
ГОРКА
НОВОСЕЛЬЕ
ЗАЛАЗЫ
СИТИНКА
ЛАВЫ
р. Керь
ПЕРЕРОСТИНЬ
КОЗЬЯН
БАШКОВА
КОНОТИЛОВ КЛИН
ГОРКА ВЫПОЛЗОВА
ДУБЕЦНА
МАНУЙЛОВА
ПСКОВ
ДУБОНОВИЧИ
БАНЦОВА
ПОДДУБЬЕ
ЗАГОРЬЕ
ЩУЧЬЯ ГОРА
ЗАГАДЬЕ
КЛОПОВА
ЗАЛЕСЬЕ
ХОХЛЫ
ЗРЯКОВОЙ
БОРОДКИНА
ПАТРУШИНА
ЗАХОДЫ
РЕШЕТИНА
ГОРУШКА
СМОЛИНА
ГОРКА
ВЫСТАВКА
КУЗНЕЦОВА
ЛУТКОВА
АНДРЮШИНА
ШКЛЯНЫ
ДНО
ПОДБЕРЕЗЬЕ
ШУБИНА
ЛУНЕВА
ПЕЧКОВА
ПОРХОВ
ОПОКА
Б. ВОЛОЧЕК
ПИЗАКОВА ГОРА
ПОДГОРЬЕ
ВАЛДИНА
ЗАХОДЫ
КРАСУХА
ШИЛОВА
ИЛЬИНА ГОРА
БУВНЕВА
ЗАПОЛЬЕ
КОПЫЛОВКА
МОЛОЧИЩЕ
ГУБИНА
КЕКОРИНА
ПОДУБЬЕ
МИГУНОВА

частью были направлены для усиления войск, действующих на линии Рудицы—Анташи.

На Нарвском участке действовали две дивизии, 6-я и 2-я, из которых первая занимала правый боевой участок, а вторая—левый. Разграничительная линия между этими дивизиями проходила к 28 июня через с. с. Высоцкое—Волосово—Клясино—Голубовицы—Корчаны, причем все перечисленные пункты входили в район 2-й стрелковой дивизии.

Ввиду крайне упорного сопротивления противника, наличия у него значительных сил, а также вследствие недостаточной устойчивости некоторых из красных частей, развития среди последних в повышенной степени дезертирства, измены, в связи с чем были случаи перехода недостаточно сознательных частей на сторону белых и, наконец, сосредоточения в некоторых участках района отрядов „зеленых“—осуществление поставленной командованию 7-й армии основной боевой задачи—восстановления первоначального положения на Нарвском фронте,—в целом, по крайней мере на первое время, не удалось.

К 27-му июня, на участке 6-й стрелковой дивизии, в районе береговой группы, красные части успели занять с. с. Ракопежи, Долгово, Ниж., Сред. и Верх. Лужки; 4-й стрелковый полк с боем овладел сл. Фабричная, с. с. Петровицы, Горбовицы, причем в последнем районе в руки атакующих попали пленные и военная добыча.

28-го июня, на участке 6-й стрелковой дивизии, в руки красных частей переходит с. Керново, а на участке 2-й стрелковой дивизии занимаются с. с. Добряницы, Кивалицы и Касково.

Красная воздушная эскадрилья, в составе 8 самолетов, в тот-же день произвела налет на ст. Вруда и сбросила бомбы.

30-го июня части 6-й стрелковой дивизии заняли с. Шелково и выслали усиленные разведки на с. с. Власово, Теглицы, Зябицы и Александрово.

На участке 2-й стрелковой дивизии, в этот-же день, наши части с боем овладели селениями: Рус. Голубовицы, Кемполово, Кандакюля, Муратово, Медникова и продолжали наступать на Б. Тешково—Куйлово—Клопицы.

Таким образом, в конце июня был постепенно занят весь район Нарвского фронта, причем бои становились все интенсивнее и интенсивнее.

В южной группе 7-й армии, на Лужском и Псковском участках, (см. схему Лужского и Псковского района), хотя бои имели лишь местное значение, но тем не менее они временами были очень упорны; атаки чередовались с контр-атаками, причем селения и укрепленные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

В то-же время, в тылу наших войск, на Псковском участке обнаружилось скопление отрядов „зеленых“. Для ликвидации их были

приняты соответствующие меры, главным образом, в виде высылки особых экспедиционных отрядов.

Так, 14 июня, в районе с. с. Мигуново, Б. и М. Заборовье „зеленые“ захватили санитарную летучку одной из бригад 10-й стрелковой дивизии, а 16-го июня произвели налет на артиллерийскую базу той-же дивизии с захватом огнестрельных припасов.

21-го июня одному из наших отрядов удалось захватить организатора этих налетов, бывшего унтер-офицера, а затем командира роты, Макарова, вместе со 100 соучастниками. Во время происшедшего столкновения было убито 60 человек „зеленых“.

Другой отряд „зеленых“ был ликвидирован в местности южнее ст. Подсевы, где дело кончилось также захватом главарей.

В районе р. Череха отряд „зеленых“, численностью в 500 человек, повел наступление против наших частей, но также был уничтожен.

Из сделанного обзора боевых действий на фронте 7-й армии за июнь месяц видно, что боевые столкновения происходили на всех участках, но наиболее значительные из них имели место в Олонецком участке междуозерного района и, в особенности, в районе Кронштадтской крепости, в его Красногорском секторе. Здесь противник напряг все усилия, чтобы частью оружием, а, главным образом, вызванной среди некоторых несознательных красных частей изменой, добиться заветной цели—захвата Петрограда.

Боевое задание 7-й армии на июль. 28-го июня, приказом по армиям западного фронта, 7-й армии была дана следующая директива:

По достоверным агентурным сведениям, противник предполагает в ближайшем будущем произвести наступление на Петроград и в данное время развивает свои активные действия на всем протяжении фронта, на междуозерном перешейке и от Копорского залива до Пскова.

Поэтому безотлагательно необходимо принять самые решительные действия для восстановления стратегического положения в районе Петроград—Псков и занять рубеж на подступах к Петрограду по реке Нарове и Чудскому озеру.

Для достижения указанной боевой цели, 7-й армии, после пополнения ее численного состава прибывающими с восточного фронта подкреплениями, перейти в энергичное наступление на Нарвском направлении, направив главный удар так, чтобы прижать большую часть действующих здесь сил противника к морю; одновременно с тем перейти к активным действиям и в Псковском направлении.

В течение всего подготовительного периода намечаемой операции, в целях сокрытия ее от противника, вести на фронте энергичные разведки, которые необходимы также и для выяснения намерений противника и его группировки.

Во исполнение полученной 7-й армией директивы были сделаны нижеследующие распоряжения:

1) Головную бригаду 7-й стрелковой дивизии, перебрасываемой на усиление 7-й армии, направить со ст. Бологое на ст. Дно, где она должна поступить в распоряжение помощника командующего армией т. Корка; остальные части 7-й дивизии направить в район Гатчина—Красное Село—Детское Село, в качестве армейского резерва, причем самое распределение их по названному району должно быть произведено по указаниям начальника штаба 7-й армии.

2) Помощникам командующего 7-й армией, т.т. Блюмбергу и Корку, командующему войсками междуозерного района т. Гусарову, начальнику снабжения армии, инспектору артиллерии армии и начальнику санитарного управления армии срочно выполнить все возложенные на них подготовительные работы по перегруппировке войск, приведению в боеспособное состояние расстроенных частей и по устройству соответствующих баз.

3) На всех участках вести самые активные поиски и разведки, стремясь захватить и удерживать слабо занятые противником пункты, не позволяя ему укрепляться, перегруппировываться, и отвлекая его силы от пунктов, намеченных для наших решительных ударов.

4) Начальнику морских сил т. Зеленому со всею интенсивностью вести траление залива и к началу операции подготовить флот к полной возможности оказать могучую поддержку сухопутным действиям.

Относительно времени начала главной операции должно последовать особое распоряжение командующего армией.

5) Для достижения единства командования, начальник морских сил с флотом, кронштадтской крепостью и с укрепленным районом подчинялся в оперативном отношении непосредственно командующему 7-й армией, причем помощнику командующего армией, по должности начальника северной группы, было предоставлено право давать оперативные задания начальнику морских сил для флота, крепости и укрепленного района, донося об этом командующему армией.

6) Все морские отряды были переданы в распоряжение начальника морских сил, на которого возлагалась охрана и оборона Красногорского района и побережья Ораниенбаум—батарейная бухта.

7) Кроме того, была предпринята реорганизация и пополнение пехотного гарнизона Кронштадта, а также усиление артиллерийской и технической обороноспособности самой крепости.

Учреждение укрепленного района гор. Петрограда. Постановлением революционного военного совета 7-й армии от 9-го июля район внутренней обороны гор. Петрограда и состоящий при нем штаб были упразднены и, вместо них, создан *особый укрепленный район г. Петрограда.*

На должность коменданта этого района был назначен тов. Петерс, с подчинением его непосредственно революционному военному совету 7-й армии.

18-го июля состоялось заседание комитета обороны, который, в развитие приведенного приказа, постановил:

1) Организовать в Петрограде постоянный гарнизон, в составе 2-х крепостных бригад с 2-мя легкими артиллерийскими дивизионами и прочими вспомогательными войсками.

2) Вывести все запасные части из Петрограда за тыловую линию 7-й армии.

3) Заменить запасные части частями не территориального образования.

4) Снабжение частей Петроградского укрепленного района возложить на Петроградский окружный военный комиссариат.

5) Возложить на коменданта Петроградского укрепленного района обязанность составить план обороны.

6) Подготовить определенные мосты к взрыву, с расчетом повреждения на месяц.

7) Подчинить коменданту Петроградского укрепленного района во всех отношениях части крепостного гарнизона и воздушной обороны, все же остальные части оставить у него лишь на учете и подчинить в пределах гарнизонного устава.

Осуществление пункта 1-го этого постановления было впоследствии возложено на Петроградский окружный военный комиссариат, который приступил к сформированию одной отдельной стрелковой бригады трех-полкового состава (70-я отдельная стрелковая бригада), одного артиллерийского дивизиона из трех легких четырех-орудийных батарей, роты связи и саперной.

Пограничная линия Петроградского укрепленного района проходила от устья р. Паша*), через Ладожское озеро, совпадала с государственной границею с Финляндией, включала крепость Кронштадт с Балтийским флотом, с юга проходила через Ораниенбаум—Ропша—Кипень—Гатчина—Тосно—Званка и далее к устью р. Паша.

Для удобства управления и подготовки района к возможным боевым действиям, вся территория его была разделена первоначально на четыре сектора; с 22-го августа один сектор—Кронштадтский—поступил в непосредственное распоряжение командующего 7-й армией.

Наименование и границы секторов были следующие:

1) *Корельский*—для противодействия наступлению со стороны Финляндии, ограниченный линией—*с юга*—Александро-Невская Лавра, д. Мурзинка, д. Воскресенская, д. Бугры, *с запада*—устье р. Невы, коса Лисий Нос, берег Финского залива до государственной границы с Финляндией.

*) Впадает слева в р. Свирь, близ устья последней.

2) *Гатчинский*—для противодействия наступлению со стороны Ямбург—Луга; границами сектора была линия—*с севера*—устье р. Невы, южный берег Финского залива до г. Ораниенбаум (включительно); с востока—д. д. Чесма, Б. Кузьмино, г. София *) г. Гатчина.

3) *Ладожский*—для противодействия наступлению со стороны Междуозерного района; границы сектора проходили—северная—Александро-Невская Лавра, д. д. Мурзянка, Воскресенское, Бугры (все пункты включительно); *западная*,—д. д. Чесма, Б. Кузьмино, г. София и г. Гатчино (исключительно).

4) *Кронштадтский*—собственно крепость Кронштадт, с принадлежащими ей укреплениями на южном берегу Финского залива, и район, ограниченный западной границей Корельского и северной границей Гатчинского секторов.

Кроме того, в оперативном отношении коменданту Петроградского укрепленного района была подчинена также Шлиссельбургская крепость с районом д. д. Бугры, Липки, село Рыбацкое, ст. Шереметьевка, Кошкин маяк.

Причины создания Петроградского укрепленного района лежали в политико-стратегическом положении Советской России, главным образом в непрекращающихся покушениях ее врагов на Петроград. Из этого положения и вытекали, как самое основание Петроградского укрепленного района, так и задачи, которые этим основанием имелось в виду достигнуть.

Первая задача, предстоявшая управлению районом, состояла в выработке плана обороны Петрограда и в подготовке средств для отражения противника, наступления которого можно было ожидать с трех сторон.

Кроме этой задачи, созданием Петроградского укрепленного района достигалась еще и более общего характера цель: подготовка плацдарма и средств для принятия на себя задач отступающей 7-й армии, в случае прохождения ее через территорию Петроградского укрепленного района или для оказания ей помощи, как соответствующими средствами инженерной и артиллерийской обороны, так и материальными средствами и выделением на ее усиление частей из своего боевого состава.

Во главе Петроградского укрепленного района был поставлен военный совет (комитет обороны) в составе председателя—тов. Зиновьева и членов: т. т. Розенгольца, Козловского, Зофа и коменданта района.

В каждом секторе были образованы военные советы секторов, в составе трех членов, в число коих входил комендант сектора.

На основании директивы главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики от 12-го августа, а также постановления

*) Восточная часть г. Детского Села.

совета труда и обороны, приказом по 7-й армии № 041, на военный совет Петроградского укрепленного района были возложены, в развитие основных указаний, данных в постановлении совета обороны от 23-го июля, еще следующие задачи:

1) Согласование деятельности учреждений и предприятий, обслуживающих армию.

2) Использование для обороны Петрограда и содействия войскам, защищающим Петроград, материальных ценностей, находящихся в указанном районе, независимо от их ведомственной принадлежности.

3) Проведение для этой цели всякого рода мобилизаций.

4) Эвакуация Петрограда.

5) Руководство фортификационными работами.

6) Разработка плана обороны укрепленного района.

7) Принятие всех мер, необходимых для обороны.

8) Борьба с контр-революцией.

9) Охрана порядка.

10) Принятие всех необходимых мер для обороны.

Все работы по приведению Петроградского укрепленного района в оборонительное состояние были разделены, смотря по степени их важности, на работы первой и второй очереди.

К числу наиболее важных работ были отнесены:

а) окончательное и полное завершение оборонительных работ на Корельском перешейке по линиям: 1) с. Ваганова—оз. Хипоярви—с. Касимова—сл. Александровская—Курорт; 2) с. Шереметьевка—с. Щеглово—с. Б. Пугарево—с. Мастолово—с. Юкки—с. Новоселки—с. Тарховка—с. Верпелево; 3) с. Ново-Девяткина—3-е Парголово;

б) приведение в оборонительное состояние линии Ораниенбаум—Кипень—Гатчина—Суйда;

в) завершение оборонительных работ по устройству кругового обвода на подступах к Петрограду;

г) устройство ариергардной позиции на северном берегу р. Невы, для обеспечения плацдарма впереди переправ через Неву;

д) рекогносцировка и трассировка позиций по линии с. Остерман*)—Воло-Ярви—Варзолово—Лембалово—Елизаветинская;

е) рекогносцировка берега Ладожского озера от устья р. Паша до ст. Бугры, для выяснения пунктов, удобных для производства десантных операций и устройства в них батарей.

Для достижения задач, поставленных Петроградскому укрепленному району, последнему необходимо было произвести обширную работу. Но к моменту наступления северо-западной армии генерала Юденича таковые не были закончены.

Правда, позиции во всех секторах были обрекогносцированы, намечены и составлены планы их усиления фортификационными сооружениями, но самые сооружения не были выполнены. Наибольший

*) На западном берегу Ладожского озера.

процент исполненных работ был в наиболее угрожаемом секторе, т. е. Корельском; наименьший—в наименее угрожаемом, т. е. Ладожском. Что-же касается Гатчинского сектора, в направлении коего велось наступление ген. Юденича, то только у Ораниенбаума была исполнена часть работ по созданию кольцевого обвода.

Такое-же положение дела было и в отношении артиллерийской подготовки района: были намечены места расположения батарей, в зависимости от тактического значения участка, были частью построены окопы, капониры, склады и т. п., но в распоряжении начальника артиллерии Петроградского укрепленного района не было соответствующего количества орудий и материальной части к ним; если-же на некоторых участках орудия и имелись, то нередко не хватало для них лошадей, и батареи ходили с половинной запряжкой.

Благодаря недостатку конского состава, подвижные легкие батареи, в сущности говоря, оказались чуть-ли не на постоянных установках и переброска их встречала большие затруднения.

Общая причина несовершенной подготовки района к моменту наступления ген. Юденича лежала, как в краткости времени со дня основания Петроградского укрепленного района до дня наступления северо-западной армии (10-го октября), так и в общих обстоятельствах, препятствовавших более успешной подготовке района, устранение коих было не во власти последнего.

Так, например, строительства не могли набрать необходимое количество рабочих, подвод и лошадей для успешного выполнения срочных работ; артиллерия не могла быть пополнена конским составом, так как таковой из ремонта поступал недостаточно; сформирование частей шло медленно за слабым поступлением мобилизованных. Что-же касается обмундирования и снаряжения последних, то и это было не на надлежащей высоте, вследствие истощения запасов в отделах снабжения.

Таким образом, Петроградский укрепленный район, к моменту наступления армии ген. Юденича, не был в полной боевой готовности, как вследствие краткости времени, протекшего со дня его основания, так и вследствие обстоятельств, тормозящих работу штаба района, устранение коих было не во власти последнего.

Обстановка к началу июля. Длительная угроза Петрограду на Нарвском направлении привела к решению отбросить противника за естественные рубежи—р. Нарову и линию озер Чудское и Псковское.

По данным разведки, силы неприятеля на фронте от Финского залива до р. Кудко определялись в 30000 штыков, 1500 сабель, 36 легких, 36 тяжелых орудий, 210 пулеметов, 15 самолетов, 9 танков.

В частности, силы противника были распределены:

а) на фронте Нарвского района—части северного корпуса, в составе: 6 пехотных, 2 конных полков и 8 отрядов, общею числен-

ностью: 9000 штыков, 800 сабель, 12 легких, 6 тяжелых орудий и 70 пулеметов.

б) на фронте Лужского участка—5 пехотных и 3 конных отряда, общею численностью: 3000 штыков, 500 сабель, 6 легких орудий и 20 пулеметов.

в) на фронте Псковского района—1-й пехотный полк, 2 охранных батальона и 3 отряда, общею численностью: 3000 штыков, 200 сабель, 2 легких орудия и 20 пулеметов. Всего на фронте: 15000 штыков, 1500 сабель, 2 легких, 6 тяжелых орудий и 110 пулеметов.

В ближних резервах— части бело-эстонской армии, расположенные по границе Бело-Эстонии, общею численностью: 8000 штыков, 16 легких, 14 тяжелых орудий и 110 пулеметов. В глубоких резервах—в районе Ревеля—английская добровольческая бригада—4000 штыков, 16 тяжелых орудий, 9 танков и 2 финских добровольческих полка—3000 штыков.

К 1-му июля неприятелем была предположена переброска на южное побережье Финского залива нескольких добровольческих отрядов и конных полков из Финляндии.

В июне месяце в состав 7-й армии входили: 1-я, 6-я, 10-я и 19-я стрелковые дивизии, эстонские полки, 1-я пограничная дивизия и гарнизон Кронштадта.

Армия насчитывала в своих рядах: 52000 штыков, 1600 сабель, 970 пулеметов, 449 тяжелых и легких орудий.

После принятого решения—перейти к энергичным действиям на Петроградском фронте—последний должен был быть усилен свежими частями с восточного фронта: шестью полками 2-й стрелковой дивизии и десятью полками 7-й стрелковой дивизии.

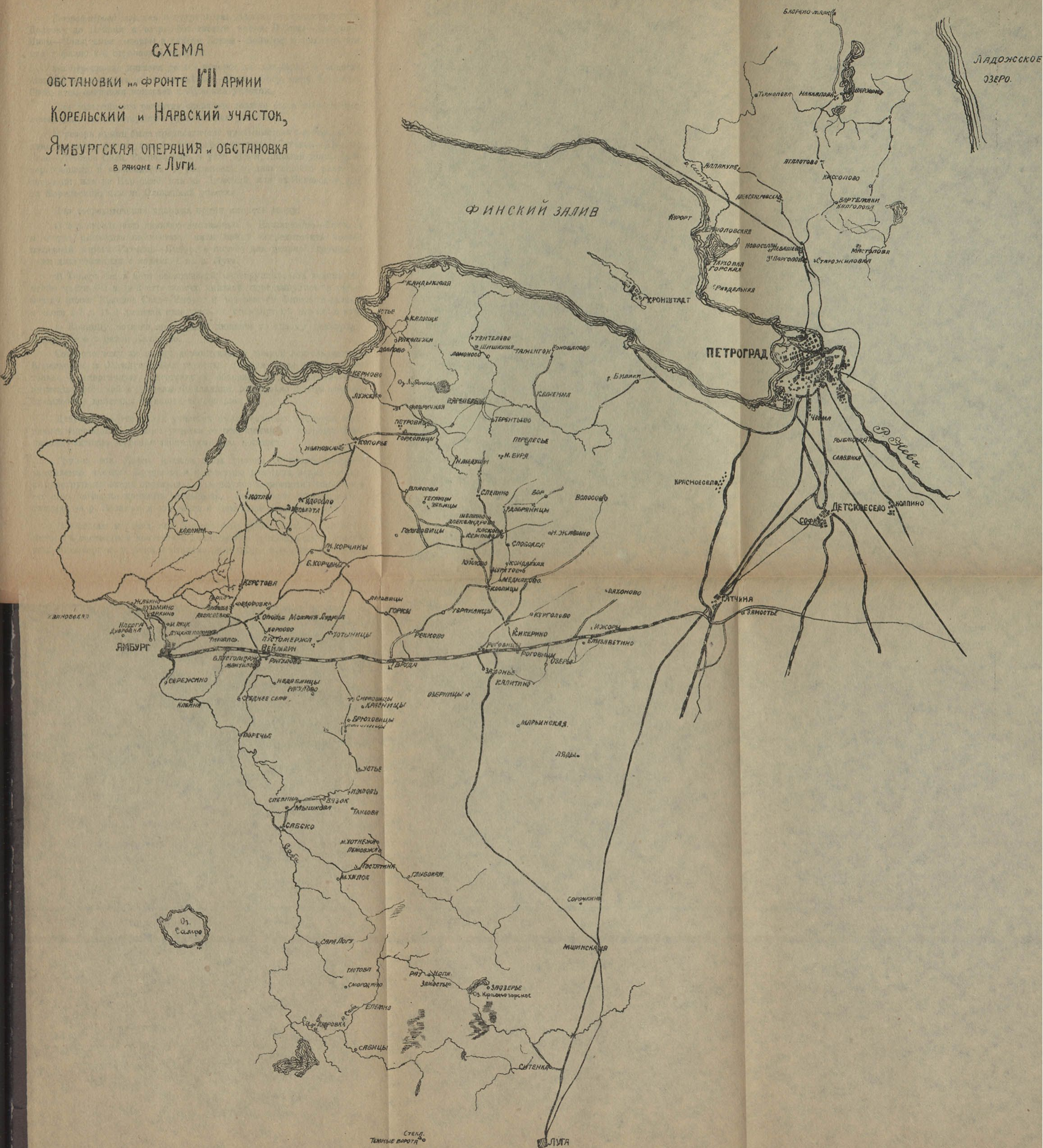
Боевые задания на июль. Выработанный командующим 7-й армией план активных действий предусматривал первоначальное развитие операций на Нарвском фронте, с целью разгрома неприятеля и очищения от него района до р. Наровы и Чудского озера. Затем операции предполагалось перенести далее на юг. Операция должна была быть проведена в два периода.

Первый период операции. Нарвский участок переходит, в дополнительно указываемый срок, в энергичное наступление:

6-я стрелковая дивизия, охраняя побережье от Долгово до Пейпия, должна нанести удар на фронт Котлы—Кайбалы.

2-я стрелковая дивизия должна нанести удар своим левым флангом на фронт Молосковицы—Веймарн, оберегая, вместе с тем, центр группы от прорыва, для чего должна иметь сильный правый фланг, вдоль шоссе Красное Село—Ямбург, и тесную связь с 6-й дивизией.

Конница, усиленная пехотой, выдвигается на линию Поречье—М. Сабск, каковую прочно удерживает, обеспечивая операцию слева. (Смотр. сх. Нарвский участок и Ямбургская операция).

СХЕМА
ОБСТАНОВКИ на ФРОНТЕ VII АРМИИ
Корельский и Нарвский участок,
Ямбургская операция и обстановка
в районе г. Луги.
ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО.
ФИНСКИЙ ЗАЛИВ
КРОНШТАДТ
ПЕТРОГРАД
Р. Нева
КРАСНОЕСЕЛО
ДЕТСКОЕСЕЛО
КОЛПИНО
ГАТЧИНА
ЯМБУРГ
Кирпорт
КАНДЫКОЛЯ
ДОЛГОВО
ЛОМОНОСО
ТЕНТЕЛЕВО
КЕРНОВО
Оз. Лубенское
КОПОРЬЕ
ВЛАСОВА
КОТЛЫ
КАЛИНА
М. КОРЧАКЫ
Б. КОРЧАКЫ
КЕРСТОВА
ТОТЫМИЦЫ
ГОРКИ
РЕДКОВО
ВЕЙМАРН
ПУТОМЕРЖА
РОГОВИЦЫ
КИКЕРИНО
ИЖОРЫ
ЕЛИЗАВЕТИНО
ОЗЕРА
КУРГОЛОВО
ДЯЗОНОВО
КЛОПИЦЫ
МЕДНИКОВО
СЛОБОДКА
СЛЕПИНО
ВОЛОСОВО
ВОР
СЕРЕЖИНО
КЛЕНИНА
ПОРЕЧЬЕ
МАРЬИНСКАЯ
ЛЯДЫ
УСТЬЕ
СЛЕПИНО
МЫШКОВА
САБСКО
ГЛУБОКАЯ
Оз. Самро
МШИНСКАЯ
ЗАОЗЕРЬЕ
Оз. Красногорское
САБИЦЫ
СИТЕНКА
Темные ворота
ЛУГА

Второй период операции. 6-я стрелковая дивизия занимает фронт от Долгово до Пейпия и озерно-болотистый район Пейпия—Ямбург—Низы—Поля, имея резервы в районе Котлы—Веймарн, и тем охраняет тыл и фланг 2-й стрелковой дивизии.

2-я стрелковая дивизия делает поворот на юго-запад и наносит главный удар сперва на линию: а) Поля—Сара—Логу, затем б) Поля—Гдов; этой операции помогает и Лужский участок.

Для дальнейшего развития операции должно было быть своевременно дано соответствующее руководящее указание.

В резерв армии была предназначена прибывающая 7-я стрелковая дивизия, которой был указан район сосредоточения—Гатчина—Красное Село—Детское Село. Располагаясь в узле путей, дивизия могла быть переброшена, в зависимости от обстановки и дальнейшего развития операции: или на Нарвский, или на Лужский, или на Псковский, или на Корельский, или на Олонецкий участки.

Для сосредоточения ударных групп имелось ввиду:

1) 2-ю стрелковую дивизию высаживать в Елизаветино—Гатчина и оттуда разводить по местам, имея ввиду сосредоточить южнее железной дороги Гатчина—Ямбург 6 полков для ударной группы и полк для движения с конницей на р. Луга.

2) Теперь-же, в мере возможности, перегруппировать войска так, чтобы части 6-й и 19-й стрелковых дивизий передвинулись в район между шоссе Красное Село—Ямбург и побережьем Финского залива, а части 2-й и 18-й дивизий стянулись от упомянутого шоссе к югу.

3) Конницу, оставив при каждой дивизии по одному эскадрону, стянуть всю в район Калитино.

Согласно тому же плану командующего армией деятельность на Корельском и Междуозерном участках должна была вылиться не только в энергичную подготовку к обороне, но и в перенесение активных действий в пределы Финляндии, раз только финны откроют враждебные действия на нашей территории.

Действия на этих двух участках имели задачею: всемерно обеспечить операцию Нарвского участка от покушений со стороны Финляндии, активно обороняя занимаемые уже позиции.

Группа тов. Корка должна была упорно оборонять позиции, занимаемые частями Лужского и Псковского участков; зорко следить за перегруппировками противника и, пользуясь возможным ослаблением его сил, тотчас-же проявить активность, стремиться отбросить противника за р. Великую и оттеснить к Псковско—Чудскому озеру.

Начальник морских сил Балтийского флота должен был находиться в постоянном контакте с помощником командующего армией тов. Блюмбергом и безотлагательно исполнять оперативные задачи

его, обеспечивая всемерно от высадок противника на побережье Финского залива.

Таким образом, все внимание плана командующего 7-й армией было сосредоточено на Петроградском фронте.

Действия 7-й армии в июле. 7-я армия перешла в наступление 29-го июля. На Нарвском направлении сопротивление противника было сломлено, и он медленно отходил, но успех доставался только упорными боями.

В половине июля на Нарвском, Гдовском и Псковском направлениях части 7-й армии вышли на фронт: перешеек между Финским заливом и оз. Копенское—Васакара—Монастырка—Тютицы—Липковицы—Ратчино—Корчаны—Княжево—Илюши—Сабско (на р. Луге)—Сара-Логу—Осмино—Утичье—Вир—Ширской—Бол. Букаши--Пестово--Понизовье—Кожено—Серебрянник—Марковка—Сапрыгино—Заречье—Тухович,—в общем были в переходе от Ямбурга, очистили Варшавскую железную дорогу и подошли к Пскову с востока на 10 верст.

В конце июля на Междуозерном участке, в Ямбургском и Гдовском направлениях, продолжалось наше медленное наступление, при этом красные части достигли линии: на Пудожском направлении и Междуозерном участке—Нефедевская, Королевская, Водл-озеро, Миковская, Понизовье, Порожек, Маркелицы, Мишиносельская, Мозеламбы и далее, до Пограничные Кундуши, вдоль границы с Финляндией; на Ямбургском и Гдовском направлениях—по линии озер: Копенское, Глубокое, Леонтьево и селений Кадлина, Тизенгаузен, Б. Хотнежи, Сабицы, Овинец.

Южнее, в Псковском районе, противник местами теснил наши части, которые к концу июля удерживали позиции, широкой дугой охватывая Псков с востока и юга, по линии: Лудоня, Комарино, Бородкина, Оксенище, Подсевы, Сенюткина.

Действия 7-й армии в августе. К началу августа 1919 года обстановка на фронте 7-й армии слагалась в следующем виде:

1) В состав армии входили: 1-я, 19-я и 6-я стрелковые дивизии и 2-я и 3-я бригады 2-й стрелковой дивизии, занимая фронт в 800 верст (без водных линий) и имея разграничительные линии—справа (с 6-й армией)—устье р. р. Паша, Устюжна и Молога, и слева (с 15-й армией)—устье р. Черная *), ст. Новоселье, ст. Шимск, Валдай и ст. Баталино (все пункты, кроме Шимска, для 15-й армии).

Общая численность армии определялась в 36.472 штыка, 992 сабли, 609 пулеметов и 245 легких и тяжелых орудий. Кроме того, в крепостях Кронштадт и Шлиссельбург—4226 штыков, 23 пулемета и 214 орудий; воздушная оборона Петрограда—34 пулемета и 33 орудия.

2) В пределах указанных границ 7-я армия занимала фронт:

а) На Корельском перешейке—старые окопы, укрепленные и усовершенствованные с началом войны Красной Армией, по линии:

*) Впадает в северо-восточную часть Псковского озера.

Вагонова—р. Лежори, мз. Рябово, Хипоярви, Касимова, Медный Завод, Белоостров, Сестрорецк, имея при этом посты и заставы выдвинутыми к государственной границе с Финляндией.

На Корельском перешейке действовала 19-я стрелковая дивизия, с приданными ей частями, имея в общей сложности: 9.338 штыков, 389 сабель, 128 пулеметов, 122 легких и 11 тяжелых орудий.

б) На Нарвском и Гдовском направлениях—линию: перешеек между Копорским заливом и оз. Копенское, оз. Копенское, оз. Глубокое и Леонтьево по их восточным берегам, с. с. Кикерицы, Малли, Ушевицы, Княжево, Тизенгаузен, Оровка, Б. Хотнежи, М. Хилок, Елемно, Сабицы, Заполье, Утичье, Овинец, Лудоня, Комарино, Перстятка.[1]

На Нарвском направлении действовали 6-я и 2-я стрелковые дивизии; 6-я дивизия—от побережья до Ямбургского шоссе исключительно, имея 9.110 штыков, 406 сабель, 184 пулемета, 27 легких и 8 тяжелых орудий; 2-я дивизия—от указанного шоссе до оз. Сяберского, имея 13.905 штыков, 197 сабель, 224 пулемета, 57 легких и 8 тяжелых орудий.

На Гдовском направлении—части Лужского участка, имеющие 4.119 штыков-сабель, 73 пулемета, 10 легких и одно тяжелое орудие.

3) Противник, действующий против 7-й армии, группировался:

а) На Корельском перешейке (исключительно финны) на двух направлениях,—Кексгольмском и Выборгском; на первом—до 7.700 штыков, 300 сабель, 14 пулеметов, 15 легких и 7 тяжелых орудий; на втором—13.000 штыков, 2.550 сабель, 100 пулеметов, 134 легких и 58 тяжелых орудий.

б) На Нарвском и Гдовском направлениях—части северо-западной русской белой армии с добавлением некоторого числа добровольческих и партизанских формирований, как иностранных, так равно и местных.

На Нарвском направлении противник располагал, приблизительно: 12.250 штыков, 500 сабель, 51 пулемет, 47 легких и 14 тяжелых орудий.

На Гдовском направлении противник имел: 7.000 штыков, 1.400 сабель, 38 пулеметов и 16 легких орудий.

Таким образом, общая численность сил противника перед фронтом 7-й армии достигала: 40.850 штыков, 4.750 сабель, 223 пулемета и 291 орудие.

Сопоставляя силы обеих сторон, необходимо отметить, что хотя общая численность сил противника и превосходила несколько наши силы, тем не менее, учитывая пассивность Корельского перешейка, где боевые действия не могли иметь развития по политическим соображениям,—на всем остальном фронте 7-й армии (Нарвское и Гдовское направления) мы превосходили противника в силах: противник имел здесь—19.250 штыков, 1.900 сабель, 109 пулеметов и 77 орудий, а мы—27.134 штыка, 603 сабли, 481 пулемет и 112 орудий.

С этими силами 7-я армия, в течение августа месяца, вела, собственно, две операции—Ямбургскую и Гдовскую.

Первая, начавшись 2-го августа, была закончена 7-го августа, а вторая, начавшись 24-го августа, осталась незаконченной.

Ямбургская операция. Директивой командующего армиями западного фронта от 29-го июля за № 04488/оп. 7-й армии было приказано выдвинуться на линию р. Наров и озер Чудского и Псковского.

Главнейшей задачей ставилось—овладение г. Ямбургом.

В развитие этой директивы командование армией того же числа отдало боевой приказ № 08051, которым ставились следующие задачи:

1) Начальнику 1-й стрелковой дивизии тов. Гусарову, перейдя в наступление, оттеснить противника на линию озер: Выгозеро—Селозеро—Самозеро.

2) Помощнику командующего 7-й армией тов. Блюмбергу, произведя перегруппировку, перейти в энергичное наступление и овладеть гор. Ямбургом, выдвинувшись на линию озер: Копенское—Леонтьевское—г. Ямбург—р. Луга—р. Саба—оз. Сяберское.

3) На фронте Корельского участка принять энергичные меры для очищения пограничного района от „зеленых“ банд.

4) Начальнику Лужского участка вести упорную оборону занимаемых позиций.

Для содействия операциям 7-й армии, по той-же директиве командующего армиями западного фронта, 15-я армия должна была перейти в решительное наступление на Псков.

По плану операции удар намечался, главный, на среднем участке 6-й дивизии и вспомогательный—на правом (железно-дорожном) участке 2-й дивизии.

К 20 часам 2-го августа части 7-й армии, ее активная группа, произведя перегруппировку, заняли следующее исходное положение:

1) 6-я дивизия—штаб дивизии мыза Ивановская.

а) *Правый участок*—от с. Устье (на берегу Копорского залива) до с. Каллина (исключительно), общим протяжением около 50 верст,—
около 5000 штыков, 100 сабель, 8 орудий, 82 пулемета.

б) *Средний участок*—от с. Каллина (включительно) до с. Новеси (исключительно), общим протяжением около 9 верст,—
4500 штыков, 300 сабель, 20 орудий и 162 пулемета.

в) *Левый участок*—от с. Новеси (включительно) до с. Мокрая Лядина (включительно), общим протяжением 7 верст,—
2200 штыков, 7 орудий, 54 пулемета.

г) в резерве дивизии находились 4 батальона, выделенные из правого и среднего участка и расположенные поровну за ними.

2) 2-я дивизия—штаб с. Волосово.

а) *Правый участок*—от с. Мокрая Лядина (Мокрая Ледина) включительно до р. Вруда, общим протяжением 27 верст,—
5400 штыков 200, сабель, 54 орудия и 100 пулеметов.

б) *Левый участок*—от р. Вруда до с. Элемно включительно, общим протяжением до 35 верст,—

6300 штыков, 12 орудий и около 70 пулеметов.

Из приведенной группировки сил видно, что распределение их не вполне соответствовало плану операции.

Операция по овладению г. Ямбургом началась с утра 3-го августа.

Беспрерывные бои в течение этого дня за обладание с.с. Килли, Керстово, Горки и Заполье, на фронте среднего участка 6-й дивизии, оказались для нас безрезультатными. Противник ввел в дело свои лучшие части, и мы встретили упорное сопротивление.

4-го августа ударная группа 6-й дивизии, в составе 48 полка, части 46-го полка и отряда курсантов, перейдя в наступление, после упорного боя, стремительным ударом прорвала фронт противника и заняла с.с. Федоровка, Новоселки, Горки, Заполье, а позднее и с. Алексеевка.

В то же время для овладения с.с. Ямсковицы, Блюмбель и ст. Веймарн от 48-го полка была выслана усиленная разведка.

Развивая успех, отряд курсантов, при содействии конницы, одновременно занял с. Тикопись и начал преследование отступающего противника на Ямбург, а 46-й полк, держа связь с ударной группой, занял с.с. Керстово и Килли, выделив батальон по лесной дороге на Б. Луцк с задачей переправиться в районе его через р. Лугу и занять с. Падога.

Содействие успеху операции ударной группы со стороны ее соседей выразилось в том, что правый участок ограничился поиском разведчиков, а левый, перейдя в наступление, выбил противника из занимаемых им с.с. Литизна, Гуряева, Лялицы, Ополье, Кудрино и Поселок.

Соседняя к югу 2-я дивизия на всем фронте перешла в наступление и имела небольшой успех на своем правом участке, заняв с. Хотыницы.

5-го августа, продолжая начатую операцию, части ударной группы достигли р. Луги и с боем заняли с.с. Жабино, Кузьмино, Юркино, Б. и М. Луцкую колонию, г. Ямбург и Сережино.

Дальнейшее продвижение задерживалось отсутствием переправ на р. Луге, которые противник, отходя, все сжег.

В то же время части левого участка и 2-й дивизии достигли линии: с.с. Ямсковицы, Брюмбель, М. Пустомержа, ст. Веймарн, Мануйлово, Среднее Село, Недоблицы, Коложицы, Молосковицы, Сирковицы, Красницы, Брюховицы, Яблоницы, Устье, Извоз, Волна, Вязок, Ганкова, Хотнежи, Лемовжа, Гостянина, Мариинский (хутор).

6-го августа действия ударной группы свелись к закреплению за собой занятого пространства, а вспомогательные группы, развивая достигнутый накануне успех, заняли: части левого участка 6-й дивизии—с. Кленна на правом берегу р. Луги и с. Ивановская, а 2-я

дивизия вышла на линию: с.с. Торма, Рагулова, Хревицы, Поречье, Слепно, Мышкино, Язвище и Сабск, ведя бой за переправу у Поречья.

7-го Августа все части достигли правого берега р. Луги, и, таким образом, с этого момента можно считать Ямбургскую операцию законченной.

Оценивая эту операцию, приходится отметить следующее:

1) Серьезного, глубоко продуманного плана операции ни в армии, ни в дивизиях, повидимому, не было.

2) Принцип сосредоточения сил в полном об'еме армией проведен не был.

3) Распределение сил по участкам не вполне соответствовало идее операции.

4) Отсутствие взаимной поддержки между главной и вспомогательной группами:—ударная группа достигла р. Луги и предместья Ямбурга, а вспомогательные продвинулись за то-же время всего лишь до Молосковицы, не проявляя особого напряжения в первые два дня боя.

и 5) успех операции можно об'яснить—с одной стороны вырванной у противника много ранее этой операции инициативой, а с другой—высокими качествами некоторых частных начальников.

Гдовская операция. Гдовская операция началась 24-го августа.

Со взятием Ямбурга, к началу Гдовской операции, Псковская группа 15-й армии находилась всего лишь в 10 верстах от Пскова.

За последние шесть дней августа Гдовская операция вылилась в ряд боевых столкновений, не давших никаких положительных результатов:

26-го августа Псков был занят частями 15-й армии, и, в ближайшие затем дни, войска северо-западной армии ген. Юденича и белые Эстонские части были отброшены далее к северу и западу от названного города.

Командование фронтом решило использовать благоприятно складывающуюся обстановку, и, приказом от 30-го августа за № 047/оп. 7-й армии была вновь поставлена задача, данная еще приказом от 26-го июня № 030/оп: выйти на линию р. Нарова—оз. Чудское—оз. Псковское и, таким образом, восстановить утраченное еще с начала лета положение.

Между 7-й и 15-й армиями устанавливалась новая разграничительная линия: оз. Пигулло—оз. Вельго—устье р. Кудеб—ст. Дедовичи—Демьянск—ст. Баталино. Отсюда видно, что фронтовым командованием борьба с северо-западной армией ген. Юденича возлагалась всецело на 7-ю армию.

События в районе 7-й армии с конца августа по 10-е октября,—времени перехода в наступление северо-западной армии ген. Юденича,—имели следующее течение.

Приказом по 7-й армии от 30-го августа все управление 19-й стрелковой дивизии было обращено на сформирование соответствую-

щих учреждений Петроградского укрепленного района, управление Лужского боевого участка было переименовано в управление 19-й стрелковой дивизии и Корельский боевой участок переименован в Корельский сектор. Кроме того, согласно новой разграничительной линии, в район 7-й армии вошел Псковский участок с частями 10-й стрелковой дивизии и 162, 163 и 165 стрелковыми полками.

В начале сентября противник начал обнаруживать более обычной деятельности на государственной границе с Финляндией; участились налеты неприятельских самолетов и бросание бомб над Кронштадтом; на участке 6-й дивизии уплотнилось расположение частей противника, а на участке 2-й дивизии неприятель перешел в контр-наступление и оттеснил красные части на р. Саба; на фронте Чудского и Псковского озер противник оказывал упорное сопротивление и отходил в северном направлении к району Гдова, базируясь на р. Нарову.

Правофланговые части 7-й армии успешно продолжали выдвижение на линию озер Выг-озеро, Сам-озеро, Сандер.

Части 10-й дивизии преследовали отступающего противника к северу от Пскова.

Оживленные бои, происходившие в течение всего сентября, имели своим конечным предметом действий, главным образом, Гдов.

Главнейшая работа в этом отношении выпала на долю 2-й и 19-й стрелковых дивизий.

Для ускорения осуществления общей боевой задачи и для уничтожения со стороны противника всякой угрозы прорыва на участке 19-й дивизии, начальнику 2-й дивизии была дана задача—очистить от противника весь район до линии оз. Самро и, освободившимися значительными силами, повести решительное наступление с этой линии, направив главный удар с линии к северу от озера Самро к линии с. Низы—ст. Гостицы*) на сообщения противника, что должно было наилучшим образом привести к скорейшему окончанию всей Гдовской операции.

Начальнику 19-й дивизии было приказано, с подходом к рубежу р. Саба частей 2-й стрелковой дивизии, сделать перегруппировку на своем правом фланге и всей ударной группой повести решительное наступление вдоль своей разграничительной линии со 2-й стрелковой дивизией и особенно энергично продолжать наступление на своем левом фланге к Гдову.

После взятия Пскова наши войска вышли на железную дорогу к западу от него и начали наступать с востока на позиции противника, идущие от Пскова прямо на север, до г. Нарва; в то-же время Лужская колонна, энергичным движением вдоль железной дороги Петроград—Псков, захватила ст. Струги-Белые и Владимирский лагерь.

Расположение противника, считая по линии Псков-Гдов-Нарва, имело около 175 верст длины по фронту. Главнейшее его неудобство

*) Оба пункта на линии железной дороги Гдов—Нарва.

заключалось в недостаточной его глубине, так как около $^2/_3$ длины за фронтом приходилось на широкие водные пространства Чудского и Псковского озер. Это обстоятельство сильно стесняло возможность маневрирования для белых.

Противник, поставив себе целью пробиться к железной дороге у ст. Луга, начал энергичное наступление и заставил красные части податься несколько назад, намереваясь, очевидно, прервать связь с Петроградом по Варшавской железной дороге и, параллельно с этим, ослабить нажим красных на другом крыле, у Гдова.

В районе этого пункта обстановка для белых складывалась довольно неблагоприятно, так как наступающие красные части захватили ряд селений, расположенных вокруг Гдова, верстах в 30 от него, и продолжали продвигаться вперед.

Таким образом, весь сентябрь и первые числа октября прошли в безуспешном стремлении 7-й армии ликвидировать армию ген. Юденича. Припертая к р. Нарове и Чудскому озеру, северо-западная армия белых проявляла необыкновенную живучесть и, пользуясь разрозненными действиями частей 7-й армии, сначала удачно оборонялась, а затем перешла к активным действиям, нанеся 7-й армии ряд последовательных ударов в районе оз. Самро и на Псковско-Гдовском направлении, обеспечивших в половине октября переход белых в решительное наступление на Петроград.

Несмотря на значительные силы, которые были сосредоточены для наступления на гор. Гдов и крайне благоприятно сложившуюся обстановку после взятия Пскова, 7-я армия, в течение более месяца, не только не смогла закончить этой операции, но даже дала возможность противнику успеть привести в порядок разбитые под Псковом части и ими перейти в контр-наступление.

Главнейшей причиной затянувшейся ликвидации арм. ген. Юденича и, в частности, неудачи Гдовской операции было неумелое управление, руководство боевыми операциями со стороны высшего командования 7-й армии и начальников дивизий,—как об этом и указано в телеграмме от 5-го октября № 0140 (секр.) 06221/оп. от командующего армиями фронта вновь назначенному командующему 7-й армией.

Это неумелое руководство выразилось, главным образом, в следующем:

1) Бои носили совершенно бессистемный характер.

2) Планы действий, принимаемые в развитие директив командующего армиями фронта, не проводились в жизнь с должной энергией и настойчивостью.

3) Армейские резервы вводились в бой пакетами, в совершенно случайных направлениях, главным образом там, где требовалась поддержка для отходящих красных частей, несмотря на то, что командующим фронтом были предложены категорические требования—

действовать в наиболее опасных для противника фланговых операционных направлениях, нанося удары сильными группами.

4) Не было стремления создать сильные ударные группы за счет пассивных участков боевого расположения фронта армии, что обстановка разрешала сделать даже без риска.

5) В результате шестинедельных беспрерывных, а на некоторых участках и бесцельных, боев многие части 7-й армии оказались совершенно измотанными, уставшими и мало боеспособными, боевое-же расположение частей приняло чисто кордонный характер, без всяких резервов.

Как общий итог боевых действий 7-й армии за сентябрь и начало октября 1919 года явилось занятие армией ген. Юденича благоприятного для нее исходного положения для наступления на Петроград, чем он и воспользовался, начав 10-го октября решительные действия и, в течение ближайших же дней, отбросил красные части к границам Петроградского укрепленного района и Луге.

БИБЛИОГРАФИЯ.

„Военная наука и революция“.

Военно-научный журнал — июль — август 1921 г. 502 стр. + 4. Издание отдела военной литературы при Р. В. С. Р.

Наконец, после весьма долгих сборов, выпущен в свет в октябре военно-научный журнал „Военная наука и революция“. Солидная по об'ему книжка — свыше 30 печатных листов — сразу обращает на себя внимание.

Содержание книжки распределено по следующим отделам: 1) руководящие статьи, 2) теория и история военного искусства, 3) военная администрация и вопросы военной организации, 4) артиллерия, 5) военная маскировка, 6) военная авиация, 7) военно-морское дело, 8) обзор военных событий, 9) военная жизнь за границей, 10) внешняя политика в ее отношении к стратегии и, наконец, критика и библиография.

Как распределение материала по отделам, так и определение самих отделов, нельзя признать удачным.

Квалифицировать материал по таким различным признакам, как „руководящие статьи“, „теория и история военного искусства“ и т. п., так же верно, как верно было бы, вздумать квалифицировать пушки по таким признакам, как „большие, медные и скорострельные“.

Помещенные в отделе „руководящих статей“ статьи — С. Варина „К итогам гражданской войны“ и М. Фрунзе „Единая военная доктрина и Красная Армия“ по содержанию должны быть отнесены к истории и теории военного искусства, а статья С. Соломина „К воп-

росу о реорганизации армии" была бы больше на своем месте в отделе „Военная администрация и вопросы военной организаци"; статья т. Тухачевского „Тактика авиации" помещена в отделе „Теория и история военного искусства", а не в специальном отделе „Военная авиация"; библиографическая заметка о книге Раковского „В стане белых" помещена в отделе „Военная жизнь за границей", а не в отделе „Критика и библиография".

Мы остановились на этих „маленьких недостатках", т. к. это раньше всего обращает на себя внимание до ознакомления с содержанием.

Из сообщения редакции мы можем заключить, что журнал этот пока еще не может быть, „центральным руководящим органом" в смысле сообщения читателям определенных „твердо установленных" взглядов на военное дело, так как редакция считает,

„что на первых порах неминуем некоторый разброд во взглядах на вопросы, связанные с реорганизацией армии, отсутствие единства не только в практических выводах и предложениях, но и теоретическом подходе к ним. Это тем более верно, что нам приходится, впервые в истории, обобщать опыт строительства классовой армии пролетариата, да еще в мелко-буржуазной стране, т. е. в обстановке, нередко порождающей диаметрально противоположные тенденции. В силу этого редакция считает возможным, до того момента, когда в процессе обсуждения теоретических и практических военных вопросов выкристализуются определенные течения военной мысли, допускать на страницах журнала статьи на началах свободной дискуссии. Именно на таких началах и составлен первый номер журнала".

Такое решение редакции следует признать безусловно и правильным, и целесообразным, так как другой взгляд мог бы привести только к заблуждению.

Переходя к краткому рассмотрению содержания журнала, следует на ряду со всеми статьями, заслуживающими внимания, остановиться на статьях, помещенных в отделе „Руководящие статьи", так как редакция, очевидно, этим отделом имела ввиду их подчеркнуть.

Первая статья С. Варина „К итогам гражданской войны" кратко и бегло касается вопросов военной доктрины и значения решительных боев в операциях Красной Армии. В своих осторожных выводах о военной доктрине автор говорит:... „Боюсь, что получу упрек, с одной стороны—в кустарном подходе к этому серьезному вопросу"... автор считает, что принципы, которые докжны лечь в ее основу, следует черпать в боевом прошлом Красной Армии. Анализируя некоторые черты, свойственные стратегии Красной Армии, т. Варин отмечает, что в силу условий, в которые была поставлена Красная Армия, ее стратегия не могла не отличаться такими двумя элементами—как риск и решимость. Новым элементом в военном деле автор считает

порыв, свойственный и проявленный Красной Армией, причем этот порыв, по мнению т. Варина,

„нельзя отожествлять с одним только понятием „под'ема настроения войск". Здесь, кроме морального под'ема, есть чисто стихийный элемент, в силу чего получается известная механичность действий".

Далее автор отмечает, что

„ вслед за решимостью и риском сама обстановка выдвинула вопрос о времени.—Всякая затяжка начала операций на решающем фронте или медленный ход операции усиливали риск отдельного поражения на других фронтах, почему принцип быстроты для Красной Армии совершенно обязателен."

В заключение т. Варин говорит, что Красная Армия,

„оценив значение времени в его полном об'еме и признав быстроту действий чуть не главным условием успеха... автоматически должна была понять и значение маневра".

Анализируя значение решительных боев в операциях Красной Армии автор находит, что период решительных боев

„приходит для непосредственно дерущихся частей иногда совершенно незамеченным. И только много спустя удается оценить, какие же из схваток решили исход всей кампании".

Это положение автор иллюстрирует несколькими примерами из операций на восточном и южном фронтах.

Статья С. Соломина „К вопросу о реорганизации Красной Армии" редакцией, хотя и помещена как руководящая, однако должна быть признана скорее сумбурной, чем руководящей.

В самом начале автор заявляет, что

„никакой согласованности, никакого единства между различными сторонами реорганизации Красной Армии и не может быть, раз нет общего плана реорганизации (неужели это так? В.), раз нет (раз мы не потрудились дать) ответа на основной, коренной, главный, первейший, вопрос: какую и для каких задач мы армию готовим?".

Мы думаем, что автор ломится в открытую дверь. Нам кажется, что этот вопрос представляет меньше всего неясностей и на него могли бы дать ответ очень и очень многие даже рядовые работники Р. К. П. Но, если считаться с тем, что вопросом реорганизации армии ведает Р. В. С. Р., то вряд ли его можно упрекнуть, что у него нет плана реорганизации, и что он не может ответить и не ответил на поставленный автором вопрос *).

---

*) Когда эта заметка была уже в наборе, получена телеграмма Р. В. С. Р. следующего содержания:

„Постановление Реввоенсовета Республики: „В номере первом журнала „Военная наука и Революция", в статье С. Соломина „К вопросу о реорганизации Красной Армии" заключается такая оценка положения Красной Армии, которая, будучи в корне неправильной, способна только сеять величайший разброд мысли и расшатывать основы воспитания командного, комиссарского и красноармейского состава. Статья говорит о полном отсутствии у нас плана в деле реорганизации армии, об устарелости наших уставов, программ, наставлений, инструкций, о полном отсутствии у нас ответа на вопрос: „какую и для каких задач мы армию

„Какую же и для чего мы строим армию?“

—задается вопросом т. Соломин.

„Иначе говоря: какие враги нам угрожают и какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы наиболее быстро и экономично справимся с ними“?

Относительно врагов автор поучает, что нам могут угрожать

„прежде всего, остатки колчаковских, каппелевских и врангелевских войск“,

затем комбинация последних с войсками Антанты или Японии и, наконец, третий враг—войска империалистических держав.

„Этот (последний) враг,—

говорит т. Соломин,—

„с которым мы еще „по настоящему“ не воевали, если не считать германского наступления 1918 г., да еще, пожалуй, войны с Польшей. Но зарекаться от войны с этим врагом не приходится: Сейчас он воевать против нас не может—в противном случае, при близкой ненависти империалистов всего мира к Советской России, он немедленно начал бы наступление на нас; источник этой невозможности—огромная оппозиция рабочих и даже мелко-буржуазной демократии против войны с Россией. Но кто знает, что может случиться в будущем“

Это последнее „но кто знает“, несколько непонятно. Думает ли автор, что в будущем, с возрастанием рабочего движения, оппозиции рабочих не будет или что она, может-быть, настолько ослабеет, что

готовим“? из чего автор и выводит несостоятельность нашей нынешней организационной и военно-воспитательной работы.

Появление такого рода статьи было бы неуместно даже в дискуссионном отделе мало ответственного провинциального издания, между тем статья помещена в отделе „руководящих статей“, в издании ответственным редактором которого является член Революционного Военного Совета Республики. Совершенно очевидно, что если статья, столь неуместная по духу, по мнению ответственного редактора заключала в себе какие-либо отдельные ценные критические или практические мысли, он должен был ее, в качестве доклада, предложить вниманию Реввоенсовета Республики; печатать же в качестве „руководящей“—статью, которая характеризует всю работу военного ведомства как беспринципную, без‘идейную и несогласованную, значит—особенно в период острой дезорганизации— вносить величайшую смуту, подрывать у рядовых военных работников веру в свое дело в нынешних труднейших условиях и содействовать развитию дилетантского брюзжания, совершенно несовместимого с серьезной военной работой.

Ввиду изложенного Революционный Военный Совет Республики постановляет:

1) Сделать журнал „Военная наука и Революция“ органом Революционного Военного Совета Республики с ответственностью председателя последнего за общее направление журнала.

2) Дать в журнале „Военная наука и Революция“ и других военных изданиях ряд статей, которые, определив здоровые пределы критики и творческой инициативы в военном деле, в то же время дали бы решительный отпор дальнейшему распространению неоформленной, беспредметной, дилетантской, не дающей никаких выводов, критики, которая способна только подкопать—расшатать уже достигнутые завоевания в деле военного строительства.

3) Настоящее постановление сообщить Реввоенсоветам всех округов.

22 ноября 21 г.

Подписали: Председатель РВСР: *Л. Троцкий.*

Члены РВСР: *Э. Склянский, С. Данилов, С. Каменев*“.

буржуазные правительства с ней перестанут считаться? Или автор думает еще что то, что надо было сказать, но не сказано им.

Далее автор ставит вопрос:

„Какой же стратегии мы должны держаться в случае возникновения революционной войны? Стратегии обороны или стратегии наступления?—ответ на этот вопрос таков: вопрос, прежде всего, неправильно поставлен,—в такой форме он не может ставиться и ответ на него в такой форме не может быть дан, так как выбор обороны или наступления будет зависить от будущих условий, которых мы предвидеть не можем“.

И все же, после этого упражнения в постановке вопросов, тов. Соломин ставит такой вопрос:

„Вопрос надо поставить так: есть-ли у нас гарантии в том, что мы в случае революционной войны не вынуждены будем держаться наступательной стратегии (между тем, как за три года гражданской войны мы держались исключительно оборонительной стратегии)“.

Автор впадает в противоречие, из которого не выходит, а еще больше запутывается. Казалось бы, раз нет возможности предвидеть будущих условий, то, естественно, не может быть и гарантий.

Дело в том, что все эти противоречия проистекают от того, что автор, очевидно, как то „по своему“ понимает „стратегию обороны“ и „стратегию наступления“ и смешивает, очевидно, политику со стратегией, а стратегию—с тактикой. От такого „своего“ понимания т. Соломин полагает, что „за три года гражданской войны мы держались исключительно оборонительной стратегии“. В отношении кого? не в отношении ли Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича? или в отношении „внешних врагов“?

Что, вообще, т. Соломин подразумевает под „стратегией оборонительной“ и „стратегией наступательной“?

Думает ли тов. Соломин, что „наступательная стратегия“ означает „наступать во что бы то ни стало“? Но это значило бы, „если молиться богу, то и лоб расшибить“.

Эта сумбурность, неясность терминологии автора приводят его, в заключение, к тому, что он говорит:

„Вывод из всего предыдущего тот, что мы должны готовить Красную Армию для наступления и воспитывать ее в духе наступления, ибо нельзя одновременно воспитывать и в духе обороны, и в духе наступления. Армия же, готовая к наступлению, справится и с обороной“.

Этот вывод так же ясен и понятен, как и все положения тов. Соломина!

Опять таки является вопрос, что подразумевает автор под воспитанием? Положение, что „армия, готовая к обороне, справится и с наступлением“, безусловно неверно, так как мы знаем, что Красная Армия очень хорошо умела наступать и очень слабо обороняться.

Автор предлагает „готовить Красную Армию для наступления“, но, казалось бы, что нельзя обучать наступать и не обучать обороняться. Что труднее—еще вопрос!

Если статья т. Соломина, по мысли редакции должна быть руководящей, то надо сказать, что это очень плохое руководство.

Автор или первый раз взялся за разработку такой темы, или же у него на все свои „собственные“ взгляды и понятия, доступные пониманию только его одного.

В отделе „руководящих статей“ напечатаны еще статьи тов. Петровского—„Русская революция и строительство Красной Армии“ и М. Фрунзе—„Военная доктрина и Красная Армия“.

Последняя статья перепечатана из журнала „Армия и Революция“ и о ней нам уже приходилось говорить в № 9-м журнала „Революция и Война“.

Длинная статья Г. Гирса—„Задачи науки и военная доктрина в связи с переживаемой нами революционной эпохой“ не совсем отвечает своему широкому и многообещающему заглавию. Автор касается весьма многих и серьезных вопросов, скользит по их поверхности, не исчерпывая ни одного, приводит много цитат и очень уж мало дает своего. Трудно уловить основную мысль автора, теряющуюся в бесконечных цитатах и ссылках на различные авторитеты. Вообще же, было бы правильнее озаглавить эту статью не „Задачи науки“, а „Задачи журнала Военная наука и Революция“, что, конечно, не одно и то же.

Интересна статья т. Тухачевского—„О тактике авиации“. Автор, в кратком и сжатом виде, касается весьма мало разработанного вопроса и намечает те пути, по которым он должен быть исследован.

Т. Тухачевский придает огромное значение роли авиации в ближайшем будущем:

„Быстрота полета без всяких дорог и по любому направлению, способность поражать противника сверху и деморализовать его делают авиацию главным средством преследования отступающего или разбитого противника. В этом отношении кавалерия почти всецело уступает свое место авиации. Наконец, коллоссальные успехи авиационной техники в ближайшее время позволят осуществить переброску пехоты на поле боя на самолетах“.

Эти перспективы приводят т. Тухачевского к мысли, что наступает время, когда тактика превращается из глубокой в тактику „трех измерений“:

„Авиация уже доказала свое значение, а ее нарастающее развитие дает все более и более чувствовать, что в воздух переносится значительная часть боевых решений, совершавшихся до сих пор на земле. Это надо учитывать, учитывать и предугадывать те формы тактики, которые неминуемо должны будут народиться и готовиться к такому новому бою. К этому вопросу не следует

> относиться как к фантазерству или „кубизму“. Такое отношение неминуемо послужит причиной многочисленных неудач и катастроф“.

Рассматривая вопрос о специально-авиационных боевых порядках, автор указывает, что они должны удовлетворять следующим требованиям:

> 1) „Возможности всем самолетам использовать свой пулеметный и бомбометный огонь, 2) возможности использовать в атаке силы всех самолетов одновременно, 3) безопасности от неожиданных воздушных атак противника, для чего должны выделяться особые охраняющие истребительные части, 4) затруднительности пристрелки по самолетам для артиллерии с земли, 5) возможности перемены направления и 6) легкости управления“.

В дальнейшем, т. Тухачевский рассматривает задачи авиации в различных боевых случаях, отмечая, какие требования могут быть пред‘явлены к авиации. Попутно автор отмечает классовое значение авиации, указывая, что, ввиду большого развития авиации в капиталистических странах и привлечения в авиацию офицеров высшей квалификации, этот род войск будет самым контр-революционным, и буржуазия будет сильнее нас в воздухе.

По всем этим соображениям т. Тухачевский считает, что:

> „Мы должны быть чрезвычайно сильными и смелыми в области авиационной тактики. Мы должны полюбить это дело и должны предупредить наших врагов в искусстве боевого использования авиации. Этот род войск требует наибольшей смелости и потому в революционных войнах он должен найти себе подобающее место“.

Интересны и поучительны статьи: Б. Шапошникова—„Конные массы на фланге армии“. Очерк действий русской конницы на левом берегу Вислы в августе 1914 г.; П. Розенберга и Н. Малышева—„Описание операций 5-й армии в районе Западной Сибири 1 октября—16 ноября 1919 г.“ Эта статья представляет особый интерес, так как впервые в нашей военной литературе освещает наши операции в Сибири—Петропавловскую и Омскую,—приведшие к окончательному разгрому Колчака. Здесь интересны не только действия частей Красной Армии, но и командования 5-й армии.

В статье А. Верховского „Несколько мыслей по поводу современной военной организации“ столько ненужного, лишнего, „мудрствований лукавых“, что в них теряются самые „несколько мыслей“. Вместо того, чтобы просто и ясно изложить свою мысль, автор как бы нарочно стремится сделать все излишне „мудрым“ и „сложным“ и, очевидно, для этого притянул и „Тектологию“ Богданова.

Очень интересны статьи по военно-морским вопросам: Шталь—„Англия на распутьи“ (не закончена), Е. Шведе—„Морская политика и судостроение в иностранных государствах“ и Д. Уайт—„Действия военных флотилий на внутренних водных путях“.

Заслуживает внимания отдел „Военная жизнь за границей“, в коем помещены очень живые очерки Бобрищева—„Несколько слов о современной военной Франции“; его-же—„Беглый очерк современного Силезского вопроса“; Сытина—„Турция на Лондонской конференции“; Натус—„Вооруженные силы Германии после Версальского мира“.

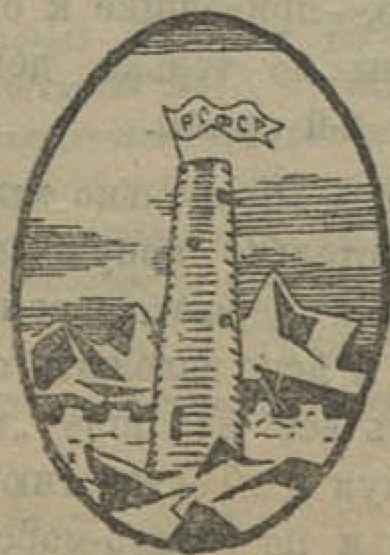
Большой интерес представляет отдел „Внешняя политика, в ее отношении к стратегии“. В этом отделе помещены весьма интересные статьи: Марк Гууд—„Результаты мирных договоров великой войны“; Сандомирский—„Развалины Версаля“; А. Султан-Заде—„После-военный империализм и современное движение в колониях“; М. Зеликман—„Экономические последствия Парижской и Лондонской конференций“.

К сожалению, размер настоящей рецензии не позволяет нам остановиться подробнее на перечисленных статьях.

В заключение надо сказать, что первый номер журнала „Военная наука и Революция“, хотя еще не совсем оправдывает возлагавшихся на него ожиданий, как центральный, руководящий военный орган, тем не менее является безусловно отрадным событием в среде нашей скромной военной литературы и появление его в свет—следует всячески приветствовать.

Мы думаем, что последующие номера выйдут без тех недостатков, которые есть в первом, и что в них будет уделено больше внимания отделу „Теория и история военного искусства“.

Внешне первый номер издан более небрежно, чем тщательно; есть весьма заметные опечатки, небрежна верстка (статья А. Верховского).

Читатель.

„Армия и Революция".

(Научный военно-политический журнал. № 2—3. Июль—Август 1921 г. Издание штаба командующего всеми вооруженными силами на Украине. 233 стр.+26 схем).

Второй номер рассматриваемого журнала—двойной—и по количеству, и по разносторонности материала и по сути статей представляет собою значительный шаг вперед по сравнению с первым.

Первой идет статья А. Орлинского „Бандитизм и борьба с ним", заслуживающая быть отмеченной, прежде всего, по злободневности вопроса. К сожалению, автор не вполне справился с построением статьи, почему богатое содержание ее несколько распылено. Используя опыт старинного очага бандитизма—Украины, А. Орлинский приходит к выводу, что причины его кроются в слабости пролетариата и давлении на массы кулацкого элемента. Здесь недостаточно рельефно подчеркнуто, что немалую роль в развитии этого явления сыграли: дезертирство, шовинизм украинско-петлюровских приверженцев и эсеровщина всех толков. Практическая часть статьи („Борьба с бандитизмом") и заключение („Новое в бандитизме") написаны наиболее интересно и полезнее остального материала, так как содержат в себе ценные выводы о перманентности бандитизма и его постепенном распространении за первоначальные границы. Статью можно смело рекомендовать всем лицам, практически сталкивающимся с вопросом, который в ней разбирается.

Не вполне понятно заглавие следующей статьи, А. Верховского—„Практический вопрос о военной доктрине армии, бедной техниче-

скими средствами“. Стоя на точке зрения преобладания на войне нравственного элемента, автор приходит к выводу, что „наша армия не должна бояться технического превосходства врага, потому, что при моральном превосходстве, при умении маневрировать мы не раз побеждали и будем побеждать“. И „если мы хотим иметь дееспособную армию, то надо серьезно, жизненно и практически поставить вопрос о нашей военной доктрине“. Заключение это построено на данных большой войны 1914—18 г. г.; к сожалению, А. Верховский забыл привести гораздо более доказательный и близкий к делу факт—трехлетнюю победоносную борьбу слабо снабженной Красной Армии со своими противниками, имевшими гораздо больше технических рессурсов.

А. Стржемечный на нескольких примерах разбирает недостаток, которым так часто грешила Красная Армия: „недостаток маневрирования в бою“. Не следует упиваться одним фактом победы Красной Армии над своими противниками, надо помнить, что успех в гражданской войне достигается не столько оружием, сколько идеей. Не так может статься в тех условиях, когда пробудившийся классовый инстинкт столкнется с заглушенным под давлением национального чувства, тогда результаты могут быть иные, и борьба с Польшей—тому пример. Поэтому статью А. Стржемечного следует приветствовать, как указывающую недостатки, которые требуют устранения.

Содержательна статья П. Павлова „Выводы из опыта борьбы с Махно“, вслед за которой идут воспоминания Гинденбурга о „Борьбе за Восточную Пруссию“, читаемые с большим интересом, чему способствует и хороший перевод Д. Журавлева.

Рядом с упомянутой статьей П. Павлова можно было поставить немудрые по содержанию „Заметки бывшего партизана“ И. Кулика—несколько эпизодов из практики, правда, голых за отсутствием выводов—если бы они не были написаны человеком, по собственному признанию, с теорией дела незнакомым.

Интересные мысли о „Социальной основе армии“ высказывает В. Савельевский. Анализируя общие основные черты внутреннего уклада всякой армии и сравнивая между собою вооруженные силы до-революционного и переживаемого периодов, автор набрасывает несколько смелых штрихов, которые могли бы быть положены в качестве фундамента текущего строительства. Нельзя сказать, чтобы высказываемые Б. Савельевским мысли были целиком оригинальны, но попытка систематизировать их и применить к условиям эпохи, если не ошибаемся, делается в периодической печати впервые. В этом разбираемая статья является как бы завершением остановившихся на 70-х годах прошлого столетия интересных очерков А. Свечина „Культурно-классовые типы армий“, печатавшихся в 1918—19 г. г. в журнале „Военное Дело“. Есть, впрочем, и разница: В. Савельевский

более проникся сущностью коммунистического учения, чем проф. Свечин.

Очерк С. Сергеева, посвященный Румынии, дает представление о политическом состоянии, административном делении и составе государства, комплектовании, организации и вооружении армии и зарождающегося флота этой страны, возможного авангарда в будущем наступлении капитала на Р. С. Ф. С. Р.

Нельзя не остановиться с глубоким вниманием на трагическом положении „Русской заграничной литературы“ и ученой эмиграции, рисуемом Д. Антоновым. Сделать это необходимо, так как автор с цифрами и фактами в руках доказывает, что „не светит солнце на чужой сторонке“ и что господствующее убеждение о „хорошей жизни русских за-границей“—миф. Моральное разложение, материальные бедствия—вот спутники русской эмиграции.

Номер заканчивается хроникой и библиографией.

Кроме отмеченных, в журнале помещен еще ряд второстепенных по значению и оригинальности статей; некоторые из них нечаянно затесались в чуждую им среду, как например „Роль кузнеца—коваля“ Сергеева; статья недурная, но зачем ее выставлять между фортификацией и кавалерийским рейдом?

В общем, как отмечено, „Армия и Революция“ обнаружила значительное улучшение в содержании. Хромают несколько корректура и распределение материала, но и эти недостатки, надо думать, явление временное.

„Красная Армия".

Вестник Военно-Научного Общества при Военной Академии № 1—2 июль 1921 г. 68 стр.; № 3—4 август 1921 г. 64 стр.; № 5—6 октябрь 1921 г. 95 стр.

При военной академии уже более года существует военно-научное общество, как „первая попытка организованного протеста против схоластики казенной военной мысли, преподносимой в академии преподавателями старой школы".

„Красная Армия"—орган этого общества—тоненький журнал, упорно выходящий двойными номерами. Главнейший помещенный в первых трех (шести) выпусках материал можно разбить на следующие рубрики:

1) Вопросы, связанные с деятельностью В. Н. О.—его возникновение, задачи, деятельность и проч.

2) Генеральный штаб—история, задачи, подбор.

3) Красная Армия; преимущественно задачи, описание некоторых этапов развития и проч.

4) Иностранные армии.

Кроме того, можно встретить статьи по внешней политике, военной технике, стратегии, тактике, военной психологии, администрации, железных дорогах, корректировании стрельбы и т. п.

Как видим, несмотря на небольшую величину, журнал стремится об'ять все стороны военного дела и, кроме того, отразить в себе все запросы слушателей академии.

Большинство статей имеет вид литературного опыта, с ярким уклоном в сторону дилетантского критицизма и тенденцией к отри-

цанию и ниспровержению. Особенно непримирима физиономия „Красной Армии“ в отношении к академической профессуре. Здесь можно найти что угодно, начиная с „заоблачных высот“, в которых витало преподавание в академии, до упреков в „кичливой учености“ и почти личных кивков (статья Вербе „Как они учились“).

Признавая, что в старом русском генеральном штабе далеко не все было ладно, нельзя, все же, согласиться, чтобы общество, ставящее на своем знамени столь серьезные и высокие задачи, как „учет опыта Красной Армии, *систематизация* особенностей военного искусства в условиях *классовой* борьбы на *базе теории революционного марксизма*“, опускалось до уровня пустой полемики. Это налагает на журнал несерьезный отпечаток.

Вместо выпадов, вроде отмеченных, лучше бы затратить побольше молодых, свежих, не зараженных „казенной схоластикой“ сил на творческую созидательную работу. От этого В. Н. О. выиграло бы значительно больше, чем от перемывания косточек развенчанных и без его стараний, самой историей, рыцарей „вечного и неизменного“.

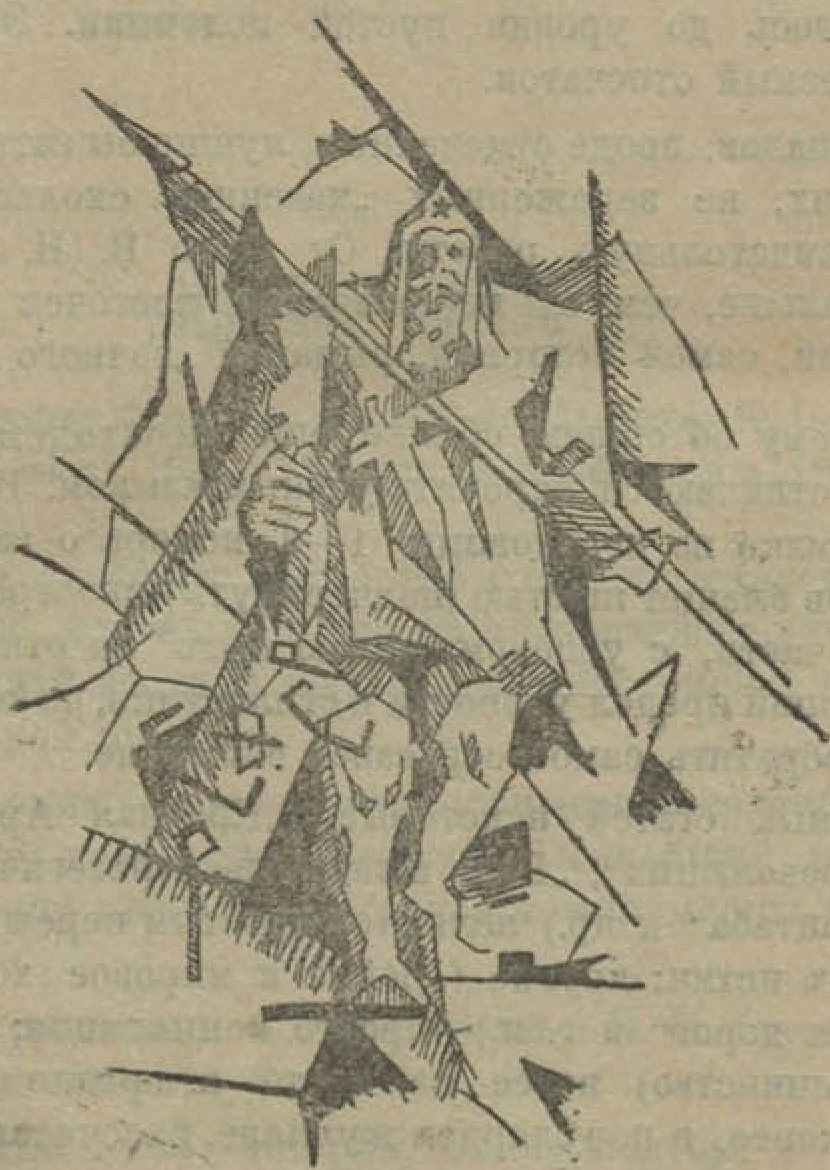
К сказанному об общем облике еще необходимо добавить, что многие статьи отличаются нарочито-ученым языком. Например, в приведенной выдержке из передовицы 1—2 номера о задачах журнала, фраза в 17 слов блещет шестью (подчеркнуты) иностранными словами, из которых от части, с успехом, можно было бы отказаться. Но это еще не наибольший предел учености и стилистики, на которые редакции следовало бы обратить самое серьезное внимание.

Из отдельных статей некоторые („Красная Армия в процессе пролетарской революции“, „Роль и значение стратегической конницы“, „В защиту генштаба“ и др.) являются простым пережевыванием давно всем надоевших истин; другие („Война и мировое хозяйство“, „Значение железных дорог“ и т. п.)—просто компиляция; наконец третьим (и таких большинство) вовсе не место в органе военно-научного общества, а, скорее, в популярном журнале, рассчитанном на широкий круг читателей.

Таким образом, если подходить к „Красной Армии“ с точки зрения поставленных ей самой задач—программа не выдержана; если рассматривать журнал, как поприще, на котором пробуют свои силы начинающие авторы—если бы этим силам производился более тщательный отбор—издание полезное.

За всем тем нельзя не отметить в журнале и положительных сторон: широкий отдел библиографии (со взглядами сотрудников которого, впрочем, можно далеко не всегда согласиться) навел бы на мысль, что будущие генштабисты много читают, если бы не постоянно встречающиеся почти одни и те же имена и перестановка инициалов. Обилие и разнохарактерность статей показывают, что в стенах академии бьет ключем ищущая знания мысль.

В общем, при условии более научного подхода к вопросу, при устранении статей, имеющих интерес (притом соблазнительный интерес сенсации) для одних слушателей академии, при большем внимании к своим задачам, журнал мог бы быть полезным, как поле для выработки той революционно-марксистской военной доктрины, о которой пока бесплодно только мечтает редакция.

„Бюллетень снабжения Красной Армии".

Еженедельный орган центрального управления снабжения.

№ 1. 15 ноября 1921 г. 12+16 стр.

Новый журнал состоит из двух частей. Оффициальная половина по об'ему превышает неоффициальную, хотя и является приложением к последней.

Первый номер содержит две статьи, являющиеся программными (передовая М. Акимова и „Наши задачи" К. Карабанова). Из них узнаем, что журнал посвящает себя „разработке и освещению проблем военного производства, снабжения и кооперации, в связи с новой экономической политикой государства, требованиями военной экономики и практической жизни". При помощи печатного органа редакция надеется „проверить старые выводы военной науки на опыте последних войн и создать практическое сочетание старого накопленного опыта с новым революционным практическим духом", „выявить все наши ошибки, уклонения и недостатки".

Задача почтенная, для бюллетеня даже слишком широкая, и по первому номеру, конечно, нельзя судить о том, во что она выльется на практике.

Благодаря небольшому об'ему журнала, помещенные статьи весьма кратки и конспективны. К. Горецкий дает обзор того, что сделано и намечено ЦУС'ом в области „проведения начал новой экономической политики в военном ведомстве". Пока помещено лишь начало статьи, носящее информационно-инструкторский характер.

Е. К. Смысловский останавливается на „Задачах артиллерийского ведомства в текущий момент". По словам автора, этот „беглый обзор задач, стоящих перед артиллерийским ведомством, достаточно обрисовывает те тяжелые условия, в которые поставлена его работа".

что он беглый—с этим согласиться можно, но для того,что бы что-нибудь обрисовать, он слишком поверхностен. Впрочем, трудно дать что-либо ценное под столь широким заголовком в 200—300 строках.

Интересные, хотя и не блещущие оригинальностью, мысли находим в статье Х. Бахчисарайцева „Заметки о юрисдикции по новой экономической политике". Далее, М. Акимов знакомит читателя со структурой „Добровольных военных кооперативных об'единений" и их ближайшими задачами; П. Григорьев дает яркую картину подчас трагического положения, которое создавалось на фронте, благодаря „продовольственным экспериментам" наркомпрода.

Журнал заканчивается небольшой хроникой и одной бессодержательной рецензией.

Оффициальная часть содержит приказы Р. В. С. Р., чусоснабарма, главначснаба, главхозупра и раз'яснения штатно-тарифной комиссии.

Хотя первый номер и не вполне отвечает задачам, поставленным себе Редакцией, за недостатком элемента „разработки"—все же выход журнала, как органа заброшенного у нас дела снабжения, следует приветствовать.

Р. В. Ц. № 19. 5.000 экз. Редактор: Редакционная Коллегия.

Смоленск, типография Редакционно-Издательск. отдела при Р.В.С. зап. фронта.
Р. В. Ц. № 19. 5000 экз.